

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Мнусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ

CONTENTS

History of Philosophy. Social Philosophy

Vladimir I. Sharonov

- “I would like to get a job in one of the warm republics of our Union”.
New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part two 10

Pavel A. Domninskii

- The left turn in G.P. Fedotov’s conservative though 45

Gleb I. Demin

- Oneiric symbolism and multipolar subjectivity
in M. Merleau-Ponty’s phenomenological ontology 60

Art Studies

Yury S. Reunov

- The Hero under the walls of the fortress. On the question
of the visual representation of Ramesses II in the Battle of Kadesh 76

Elena S. Ershova

- “Jubilation for the court official”. Scenes of the official’s return
after being awarded in the decoration system of private tombs
dated back to the new kingdom of Ancient Egypt 88

Sergey A. Yatsenko

- Two Alanian compositions of the 9th–10th centuries
with the anthropomorphic personages from Ingushetia 106

Nikolai A. Khrenov

- Art criticism self-definition of Russian formalists 128

Vera V. Avdeeva

- Methodological manuals of the 1960–1980s as a reflection
of the principles of the pedagogical system of the N.K. Krupskaya
Extramural People University of Arts 139

СОДЕРЖАНИЕ

История философии. Социальная философия

Владимир И. Шаронов

«Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть вторая	10
---	----

Павел А. Домнинский

Левый поворот в консервативной мысли Г.П. Федотова	45
--	----

Глеб И. Демин

Онейрический символизм и мультиполярная субъективность в феноменологической онтологии М. Мерло-Понти	60
---	----

Искусствоведение

Юрий С. Реунов

Герой под стенами крепости: к вопросу о визуальной репрезентации Рамсеса II в битве при Кадеше	76
---	----

Елена С. Ершова

«Ликование для царедворца»: сцены возвращения чиновника после награждения в системе декора древнеегипетских частных гробниц эпохи Нового царства	88
--	----

Сергей А. Яценко

Две аланские композиции IX–X вв. с антропоморфными изображениями из Ингушетии	106
--	-----

Николай А. Хренов

Искусствоведческое самоопределение русских филологов-формалистов	128
---	-----

Вера В. Авдеева

Методические пособия 1960–1980-х гг. как отражение принципов педагогической системы Заочного народного университета искусств им. Н.К. Крупской	139
--	-----

История философии. Социальная философия

УДК 001.32+1(091)470+008.001

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44

«Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина Часть вторая

Владимир И. Шаронов

*Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия,
sharonovi@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой вторую, заключительную часть реконструкции обстоятельств послевоенной жизни Л.П. Карсавина в Литве, непосредственно предшествующей его аресту. Автор статьи показывает, как философ пытался найти место в Советской Литве, но не смог соответствовать ожидаемой от него степени лояльности. На строго документальной основе описываются отношения мыслителя с Вильнюсским государственным университетом, Вильнюсским государственным художественным институтом, Вильнюсским художественным музеем; восстанавливаются обстоятельства ареста дочери Карсавина – Ирины; документируется поездка Карсавина в Ленинград в 1948 г. и в Москву – в 1949-м. Автор подчеркивает, что дискуссии по поводу роли и научного статуса Л.П. Карсавина и В.Э. Сеземана в конце 1940-х гг. должны быть включены в широкий идейный контекст идеологических кампаний тех лет (против объективизма, космополитизма и низкопоклонства перед Западом).

Статья вводит в научный оборот комплекс архивных документов, имеющих важное значение для истории русской мысли.

Ключевые слова: Лев Карсавин, Ирина Карсавина, Василий Сеземан, классическое евразийство, история русской религиозной философии

Для цитирования: Шаронов В.И. «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 10–44. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44

© Шаронов В.И., 2024

“I would like to get a job
in one of the warm republics of our Union”.
New materials for the biography of L.P. Karsavin
Part Two

Vladimir I. Sharonov

*Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia,
sharonovvi@gmail.com*

Abstract. The article is the second and final part of the reconstruction of the circumstances of L.P. Karsavin's post-war life in Lithuania immediately preceding his arrest. The author of the article shows how the philosopher tried to find a place in Soviet Lithuania, but was unable to match the degree of loyalty expected of him. On a strictly documentary basis he describes the relations of the thinker with Vilnius State University, Vilnius State Art Institute, Vilnius Art Museum; reconstructs the circumstances of the arrest of Karsavin's daughter Irina and shows by documents the Karsavin's trip to Leningrad in 1948 and to Moscow in 1949. The author stresses that discussions about the role and scientific status of L.P. Karsavin and V.E. Sezeman in the late 1940s should be included in the broad idea-based context of the ideological campaigns of those years (against objectivism, cosmopolitanism, and low worship of the West).

The article introduces a set of archival documents that are important for the history of Russian thought.

Keywords: Lev Karsavin, Irina Karsavina, Vasily Seseman, classical Eurasianism, history of Russian religious philosophy

For citation: Sharonov, V.I. (2024), “ ‘I would like to get a job in one of the warm republics of our Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part two”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 10–44, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44

Далеко не все происходившее в послевоенной Литве в жизни Льва Платоновича Карсавина к настоящему времени выяснено окончательно¹. Но то, что открыли найденные архивные документы, заставило иначе увидеть многое, что было опубликовано

¹ Следствием недостаточного внимания к архивным документам авторов заметного числа текстов о Л.П. Карсавине остается длящееся тиражирование мифов и неподтвержденных утверждений о судьбе этого ученого, мыслителя и поэта, что представляет собой отдельную, до настоящего времени не решенную проблему. См. подробнее: [Шаронов 2022].

раньше. В первой части настоящего исследования было показано, как недоверие сотрудников органов безопасности по отношению к бывшему идеологу евразийства Льву Карсавину оформилось в цепочку последовательных попыток Льва Платоновича и Ирины Львовны найти свое место в послевоенной советской действительности, но закончилось трагедиями в жизни каждого члена семьи Карсавиных. Основными звеньями, приблизившими эту трагедию, стали: решение Льва Платоновича остаться в освобождаемом от фашистов Вильнюсе, несмотря на имевшийся у него личный опыт репрессий в 1922 г. и возможность оценить довоенные действия сталинской идеологической репрессивной системы в присоединенной Литве; необоснованная уверенность Карсавина, что он сможет достичь компромисса с коммунистами, поскольку советская власть, как и когда-то литовское правительство в 1927 г., заинтересована в использовании его научного потенциала, а его участие в евразийском движении потеряло свою актуальность²; факт передачи Л.П. Карсавину Сувчинским через П.И. Ротомскиса и Ирину Карсавину журнала Ж.-П. Сартра “*Les Temps Modernes*” («Новые времена») с резкой критикой французских коммунистов и сталинской версии марксизма; неосторожная доверительность Л.П. Карсавина и В.Э. Сеземана в оценках советских реалий, действий власти и лично И.В. Сталина³.

Одной из особенностей произошедших событий стало то, что получение и ввоз в СССР журналов антикоммунистической направленности осуществил чиновник, входивший в высшую партийно-государственную элиту страны. Павел Игнатьевич Ротомскис имел внушительный партийный стаж и личные заслуги перед ВКП(б)⁴. Несмотря на наличие его тесной связи с органами НКВД-МГБ

² См. подробнее: [Ермишина, Шаронов 2023].

³ Об этом ранее в первой части настоящего исследования: [Шаронов 2023а].

⁴ *Ротомскис Павел Игнатьевич* (1906–1962), советский дипломат и государственный деятель. С 1928 по 1938 г. находился в тюремном заключении за подпольную деятельность в интересах Советской России. С 1940 по 1941 г. представитель ЛитССР при Совнаркоме СССР. В 1942–1944 гг. сотрудник Консульства СССР в Нью-Йорке. С 1944 по 1948 г. – народный комиссар иностранных дел Литвы, а после реформирования Наркомата – министр иностранных дел Литвы. С 1949 по 1950 г. перемещен на должность ответственного секретаря Союза писателей ЛитССР, затем стал заместителем председателя Вильнюсского облисполкома. С 1956 по 1962 г. возглавлял Общество дружбы с зарубежными странами в Литве.

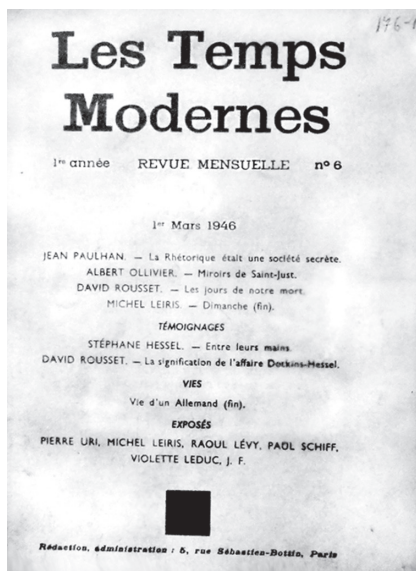

Рис. 1. Фотокопия обложки журнала “Les Tem Modernes”.

1946 г. № 8. Пакет с вещественными доказательствами /

Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной.

I. Karsavinos baudžiamoji byla (Уголовное дело И. Карсавиной) /

Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы).

F. K.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. Р. 176-1

еще в период работы в США и личное участие в радикальных политических акциях против А. Сметоны и его сторонников (см.: [Eidintas 2019; Misiūnas 2007]), в истории его отношений с И.Л. Карсавиной нет оснований подозревать его в исполнении роли агента-provokatora. Но при этом вряд «дело о журналах» выглядело совсем не мелочью: для того чтобы кто-то мог представить свою работу крупным и серьезным разоблачением, в нем было все необходимое: связь с белогвардейским лидером, биография подозреваемой — дочери явного врага и крупного представителя буржуазного идеализма, ранее работавшей в посольстве Англии и имевшей специальные поручения, наконец, журналы с нападками на марксизм и лично на Вождя. Даже зная реальную ситуацию, вряд ли кто-то из сотрудников литовского управления НКВД-МГБ допускал, что все произошедшее может быть расценено лишь как результат влюбленности Павла Ротомскиса в Ирину Карсавину, что он хотел угодить ей и узнать подробности

жизни средней сестры Марианны⁵, давно проживавшей в столице Франции⁶.

Душевный порыв дорого обошелся Ротомскису и всем Карсавиным, но сам Павел Игнатьевич заплатил за него наименьшую цену. Для этого он со всем своим дипломатическим опытом взвешивал, выверил каждое слово письменного объяснения случившегося, так, чтобы написанное абсолютно соответствовало сразу всем требованиям: итоговый текст не должен был давать основания для подозрения в утаивании чего-либо. К чести Павла Игнатьевича, в своем документе он не бросил тень на уже арестованную Ирину Львовну:

В 1945 г., когда для сотрудников МИД Литовской ССР мы подыскивали преподавателя английского языка, из университета нам рекомендовали Карсавину Ирину, около 40 лет, с большим стажем преподавательской работы⁷. Договориться с нею было поручено,

⁵ *Сувчинская Марианна Львовна* (урожденная Карсавина, 1911–1994), сотрудничала в качестве автора эскизов женской верхней одежды с парижским журналом “Vogue”, жена П.П. Сувчинского. *Сувчинский Петр Петрович* (1892–1985), музыкальный критик, пианист, один из трех основоположников евразийского движения. Он был выходцем из южнорусского рода графов Шелига-Сувчинских, окончил Петербургский Императорский университет. После эмиграции в 1920 г. организовал Российско-Болгарское книгоиздательство в Софии, на базе которого возник первый евразийский кружок, переросший в евразийское движение. Издатель и главный редактор всех евразийских сборников («Евразийский временник», «Евразийская хроника»), журнала «Версты» и газеты «Евразия». Руководитель Парижской евразийской группы. Друг С. Прокофьева, Б. Асафьева, И. Стравинского.

⁶ С.С. Прокофьев сообщал в 1946 г. П.П. Сувчинскому: «Недавно я получил неожиданно благодарность от отца Марианны Львовны за то, что я “нашел ему его дочь”. Пианистка [гастролировавшая в Вильнюсе М.В. Юдина], которая передала мне это, говорила, что он хорошо выглядит и красив по-прежнему». См.: Письмо С.С. Прокофьева к П.П. Сувчинскому от 27.12.1946 г. / А. Кузнецов. «Дорогой Петр Петрович...» // Музыкальная жизнь. 1991. № 15–16. URL: https://newmuz.narod.ru/st/Pr_Suv02.html (дата обращения 21 ноября 2023).

⁷ В настоящей статье при цитировании архивных документов или указании их названий в сносках воспроизводится орфография, стилистика и пунктуация, использование строчных и прописных букв, а также прямых и наклонных шрифтов, подчеркиваний в том виде, в каком все это используется в первоисточниках.

кажется, т. Тауринскасу⁸. После встречи с Карсавиной выяснилось, что она очень занята и не сможет преподавать для сотрудников нашего министерства. Наконец она согласилась найти время на несколько часов в неделю. Как с наиболее квалифицированным из наших преподавателей, с нею по два урока в неделю занимались я и тов. Книва⁹.

На уроках, во время разговорной практики, мне приходилось беседовать с Карсавиной на самые разнообразные темы. Из таких непринужденных бесед я узнал много подробностей из ее личной жизни. У меня создалось впечатление о ней, как о человеке, насквозь пропитанном мещанскими взглядами, ни во внутренних, ни в между-

⁸ Подпись В. Тауринскаса в качестве временно исполняющего обязанности по кадрам МИД ЛитССР значится на пропуске И.Л. Карсавиной. По странному совпадению этот документ был продлен до 31 марта 1948 г., т. е. точно по месяц ареста Ирины Львовны. См.: ПОСТОЯННЫЙ ПРОПУСК. 2 сентября 1947 г. № 28 / Пакет // Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. Т. I, II. *Karsavinos baudžiamoji byla. T. I, II / Lietuvos upatingasis archyvas* (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. Л. 176-4. Далее: «Дело Карсавиной» с указанием номера тома. К «Делу Карсавиной» Т. I приложен пакет с рукописной надписью «Материалы», сделанной синими чернилами. В пакете имеются машинописные тексты переводов и обзоров статей в номерах журнала «Les Temps Modernes». Пагинация двойная, рукописная, выполнена простым карандашом. Далее: «Пакет. Дело Карсавиной».

⁹ *Книва Альберт Пранович* (1912–1970), государственный чиновник ЛССР. В 1935–1939 гг. изучал экономику в Каунасском университете, был заключен в тюрьму за антифашистскую деятельность. Член КПСС с 1944 г. В 1944–1948 гг. замминистра иностранных дел Литовской ССР, в 1948–1949 гг. замминистра просвещения Литвы, член высших партийных органов республики. Затем по 1953 г. министр просвещения и с 1958 г. один из руководящих сотрудников государственного Банка Литовской ССР. По отзывам, в период работы в Министерстве просвещения Литвы отличался крайней заносчивостью и хамством по отношению к нижестоящим подчиненным и учителям и, одновременно, лакейской исполнительностью к начальствующим над ним. По характеристике С. Шлекиса, Книва ходил так важно, будто нес на голове яйцо, и подобрал заместителями грубых и психически неуравновешенных людей. См. подробнее: *Šlekys S. Iš istorijos mokytojo atsiminimų* (1940–1977 m.), URL: <https://www.vilnijosvartai.lt/wp-content/uploads/2017/11/Stasys-%C5%A0lekys2017.pdf> (дата обращения 20 октября 2023); *Knyva Albertas, Knygų metraštis, Enciklopedija, Mokslo darbai ir informacija*. URL: <https://moku.lt/knygu-metrastis/> (дата обращения 20 октября 2023).

народных событиях совершенно не разбирающемся, политикой не интересующемся. Газеты она читала лишь изредка, жила слухами, которые так распространены в среде, в которой она вращалась.

При всем этом я был убежден, что к советскому строю она относится лояльно и уже ни в коем случае не принадлежит к числу наших врагов.

Мне было известно, что в буржуазной Литве она состояла на какой-то незначительной работе в Английском консульстве, из которого, однако, была уволена после того, как не согласилась отказаться от советского гражданства. В подтверждение этого факта она ссылалась на т. Молочкова, работающего в МИД СССР и тогда бывшего одним из сотрудников Советской миссии в Литве.

В конце июля 1946 г. меня известили о том, что я включен в состав Советской делегации на Парижской Мирной конференции и что завтра же я должен быть в Москве для отлета в Париж. Собираясь к отъезду, я вспомнил, что у Карсавиной есть сестра в Париже, и, желая оказать своей учительнице любезность, направил к ней записку с предложением: не хочет ли она передать своей сестре привет через меня? Карсавина тотчас же пришла с коротким письмом, адресованным своей сестре (ее фамилии по мужу я уже не помню, сохранилось в памяти только окончание – “чинский”). Это письмо было незапечатано, и я его прочел: ничего, кроме самых безобидных семейных приветствий, оно не содержало.

В Париже, у работников нашего посольства, я узнал, что фамилия адресата письма им известна и что он возвращается в просоветски настроенных эмигрантских кругах. Тогда по указанному адресу я написал несколько слов, в которых сказал, что у меня есть для них письмо от сестры. Пришла сестра Карсавиной со своим мужем. Я им передал письмо и пообещал принять от них ответное письмо. Через некоторое время они с таким письмом пришли. (Письмо было открыто, и я его тоже прочел, не найдя в нем ничего запретного).

Тут же они спросили, не смогу ли я привезти для Карсавиной в Вильнюс что-нибудь в подарок. Я согласился, и они принесли небольшой узелок, в котором было поношенное платье, флакончик духов и несколько штук журналов на французском языке. Двое из этих журналов были журналами мод, в которых было напечатано несколько страниц с зарисовками, выполненными сестрой Карсавиной. Она сама мне эти свои зарисовки показала, отметила их цветным карандашом и сказала, что, если мне не будет трудно журналы взять, то она бы очень хотела их показать своей сестре. А ее муж от себя добавил несколько номеров небольшого формата журнала на французском языке, названия которого не помню. Журнал мод у меня никаких сомнений ни подозрений не вызвал, что же касается другого журнала, то я показал его товарищам в посольстве, владеющим французским языком (я сам

этого языка не знаю) и спросил, что он из себя представляет. Насколько помню, мне его кратко охарактеризовали, как мало кому известный журнальчик, издаваемый оппозиционно настроенной группой интеллигентов. Из этого я сделал вывод, что ничего особенного в нем нет. Вернувшись в Вильнюс, я весь узелок передал Карсавиной, заметив ей при этом, что журналы передаю ей для личного пользования и ни в коем случае не для того, чтобы она ими с кем-нибудь делилась¹⁰.

В том, что НКВД-МГБ знало о привезенных злополучных журналах Ж.-П. Сартра практически сразу по возвращении литовского министра из Парижа, сомневаться не приходится. Источником информации о запрещенных изданиях мог стать кто угодно – парижские коллеги П.И. Ротомскиса, его заместитель А.П. Книва, или имело место донесение неизвестного агента в самом МИДе, но Ирину Львовну внезапно уволили из университета именно ранней осенью 1946 г. При этом увольняемая не смогла добиться, чтобы ей назвали причину такой внезапной отставки¹¹, хотя еще недавно ее рекомендовали в качестве лучшего преподавателя.

В 1946 г. Карсавин числился, как и все годы до этого, профессором историко-филологического факультета Вильнюсского государственного университета и совмещал эту педагогическую деятельность с преподаванием в Вильнюсском государственном художественном институте¹² и работой в Вильнюсском художественном музее¹³. Неожиданно, как бы «случайно» обнаружилось,

¹⁰ Секретарю ЦК КП(б) Литвы тов. СНЕЧКУСУ А. от Ротомскиса П.И. ОБЪЯСНЕНИЕ // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 45–46. Далее именуется «Объяснение Ротомскиса».

¹¹ Протокол допроса арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны от 12. III. 1948 г. // «Дело Карсавиной». Т. I. Л. 244.

¹² С 1990 г. Художественный институт был преобразован в Вильнюсскую художественную академию.

¹³ Точные сведения о работе Л.П. Карсавина директором и консультантом Вильнюсского художественного музея в настоящей статье пока не могут быть приведены ввиду необходимости дополнительной документальной сверки. Так, недавно литовский исследователь, доцент Вильнюсского университета Г. Поташенко сообщил, что профессор был консультантом музея с 1944 г. и директором с 1947 г. (см. подробнее: [Поташенко 2023]). Это, однако, противоречит тому, что в уголовном деле Карсавина имеется его служебное удостоверение директора, выписанное от 9 августа 1946 г. и продленное до 1 июля 1948 г. (см.: Vilnius Вильнюс 1946 m. rugpjūčio mėn.

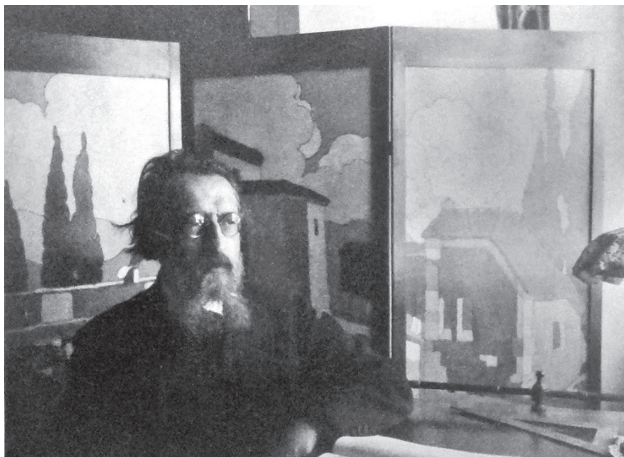

Рис. 2. Л.П. Карсавин.

В одном из кабинетов Вильнюсского художественного музея.

Предположительно 1940-е гг.

Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius.

(Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета).

Ф. 151. Ар. 305

9 d. УДОСТОВЕРЕНИЕ // Пакет № 2 / Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. L. Karsavino baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П-11972-ЛИ. Л. 29-5 – 29-5 (об.)). Пагинация документов в Пакете двойная, через дефис, выполнена простым карандашом. Далее именуется «Дело Карсавина». В уголовном деле Л.П. Карсавина также имеется свидетельство, что в феврале 1948 г. Карсавин еще оставался директором (см.: ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого КАПЛАНАС Исаака Борисовича от 28 февраля 1948 года // «Дело Карсавина». Л. 122). 1 мая 1949 г. на ужине в своем доме В.Э. Сеземан сокрушался, что «КАРСАВИН уволен из института и снят с должности директора музея» (см.: МЕМОРАНДУМ Материалов на преподавателя Вильнюсского педагогического Института профессора – СЕЗЕМАНА В.Э. // Пакет / Уголовное (следственное) дело В.Э. Сеземана. Т. II, Vosylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas. Т. II (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ. Л. 19. 35-1-25 – 35-1-16 – 35-1-28). На обложке Т. II имеется рукописная надпись синими чернилами: «С материалами проверки жалоб осужденного Сеземана Василия». К делу приложен пакет с надписью «Оперативные материалы». Пагинация документов в пакете тройная, через дефис, выполнена простым карандашом (далее: «Дело Сеземана»). К делу приложен пакет с надписью

что многолетняя деятельность профессора сомнительна с точки зрения соответствия требованиям советского законодательства, т. е. отсутствуют советские документы, подтверждающие научную степень и звание, присужденные еще до революции. Декан историко-филологического факультета Костас Корсакас¹⁴ издал приказ по созданию комиссии, ее члены обязаны были проверить качество научных работ Л.П. Карсавина¹⁵. Действовало ли новое партийное руководство университета по указке НКВД-МГБ или только хотело переложить ответственность за всем известное несоответствие трудов Карсавина марксистско-ленинской теории на членов комиссии, чтобы обезопасить себя идеологически на будущее, выяснить не удалось, однако одно не исключает другое. Комиссия, в составе которой был и В.Э. Сеземан¹⁶, подтвердила научную

«Оперативные материалы». В пакете находится свод донесений агентов и осведомителей, озаглавленный «МЕМОРАНДУМ Материалов на преподавателя Вильнюсского педагогического Института профессора – СЕЗЕМАНА В.Э.» (далее именуется «Меморандум Сеземана»). Пагинация листов в документе тройная, через дефис, выполнена простым карандашом. В.И. Кулешов вспоминал, что в 1950 г. (вероятно, все-таки в 1949 г., в мае или июне) водил своих студентов в музей, и «дирекция музея выделила нам экскурсовода. Им оказался “научный консультант” Карсавин» [Кулешов 1995, с. 175].

¹⁴ *Корсакас Костас Пранович* (1909–1986), литовский и советский литературовед, критик, филолог, поэт и общественный деятель. В 1923 г. начал свой путь как промарксистски ориентированный публицист и поэт. С 1944 г. профессор кафедры литовской литературы и с 1944 по 1956 г. декан историко-филологического факультета Вильнюсского университета. В 1946 г. занимал пост директора Института литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР. В 1949 г. стал академиком Академии наук Литовской ССР.

¹⁵ *Istorijos-filologijos fakulteto dekanas įsakymas dėl komisijos paskyrimo L. Karsavino moksliniam darbams įvertinti // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius.* (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 1. 1 p.

¹⁶ *Сеземан Василий Эмильевич* (1884–1963), философ, публицист. В 1909 г. выпускник Санкт-Петербургского университета, где сдружился с Николаем Гартманом (1882–1950). В 1909 г. командирован в Германию, изучал философию в Марбурге и Берлине. С 1913 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, с 1922 г. жил в Германии, с 1923 г. по приглашению работал в Каунасском университете, с 1940 г. профессор Вильнюсского университета. Регулярно участвовал в евразийских изданиях, в том числе под псевдонимом В. Чухнин.

квалификацию профессора¹⁷. Тогда декан предложил Карсавину считать его работающим на должности профессора до получения подтверждающих документов, но без признания ученой степени. Лев Платонович вынужден был согласиться, но сопроводил свое согласие резким комментарием:

На признание меня профессором без ученой степени я смотрю как на оскорбление меня самого и моих бывших учителей профессоров Ленинграда, которые присвоили мне научные звания магистра (соответствует теперешнему доктору) и доктора¹⁸.

Карсавин направил в Ленинградский государственный университет и Ленинградский областной архив соответствующие запросы, но ускорение получения ответов требовало выезда в Ленинград или в Москву в Высшую аттестационную комиссию. И профессор «никем не понуждаемый и без предложения с чей бы ни было стороны подал тов. Ректору прошение об отставке “по расстроенному здоровью”»¹⁹. Удовлетворили просьбу Карсавина не сразу, а только после того, как ректор Зигмас Жемайтис провел специальную консультацию с заместителем министра высшего образования СССР В.И. Светловым²⁰. 27 сентября 1946 г. ректор отставку профессора принял – заявление подписал.

В 1946–1947 гг. несколько раз оказывал материальную помощь Савицкому, находящемуся в заключении. В 1947 г. оформил советское гражданство. В 1950 г. арестован, приговорен (ст. 58 УК РСФСР) к 15 годам лагерей. В 1956 г. освобожден, в 1958 г. реабилитирован. До самой смерти преподавал логику и эстетику в Вильнюсском государственном университете.

¹⁷ Pranešimas apie prof. L. Karsavino moksline veiklą ir jo darbus // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I. P. 5-8.

¹⁸ L. Karsavino pareiškimas VU Istorijos-filologijos fakulteto dekanui dėl profesoriaus vardo ir daktaro laipsnio pripažinimo // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I. 1 p.

¹⁹ МЕМОРАНДУМ. По материалам дела-формуляр «АЛХИМИК» / Пакет № 2. Л. 8–18 // «Дело Карсавина». Далее: «Меморандум Карсавина». Текст машинописный табличный: в левом столбце агентурное имя «Источника» [агента или осведомителя] и дата донесения; в правом – перепечатанный текст сообщения. Пагинация двойная, рукописная, представлена, вероятнее всего, следователем.

²⁰ *Светлов Василий Иосифович* (1899–1955), организатор советского высшего образования, доктор философских наук, профессор. Выпускник

В художественном институте поначалу отношение к Карсавину было вполне благожелательным²¹. С января 1945 г. Лев Платонович в качестве профессора читал там курс истории древнего средневекового искусства, а 1 октября 1946 г. он и вовсе официально возглавил кафедру истории²². Но в конце этого же месяца в газете «Советская Литва» за подписью профессора Вильнюсского государственного университета Малькова²³ была напечатана статья, где читателям предлагалась уже иная трактовка увольнения из университета, нежели по собственному желанию ученого: в результате реформ в университете, проведенных при участии автора публикации, Карсавин уволен, как неподходящий для советского университета профессор²⁴. Этот выпад был ничем иным, как грубейшим передергиванием истории с факультетской комиссией.

Учитывая, что в вышеобозначенной обстановке в Литовской ССР материалы в этой главной партийной и государственной газете республики появлялись только после прохождения строжайшей цензуры и, при необходимости, согласования с НКВД-МГБ, обнаруженное отсутствие советских документов о степени и звании в личном университетском деле Карсавина было только предлогом. Вскоре это подтвердилось резко изменившейся ситуацией в Художественном институте.

9 декабря 1946 г. Вильнюсский государственный университет, и лично сам Карсавин получили Выписку из решения Высшей аттестационной комиссии об утверждении ранее полученной степени доктора и ученого звания профессора²⁵, справка Ленинградского исторического областного архива пришла еще раньше²⁶. Таким образом, и сам ученый, и государственная власть

Академии коммунистического воспитания и Института красной профессуры. С 1946 по 1952 г. был заместителем министра высшего образования СССР.

²¹ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18.

²² Трудовая книжка Карсавина Леонас Платонович / Пакет № 2 // «Дело Карсавина». Л. 3.

²³ Сведений о биографии профессора *Малькова* установить не удалось.

²⁴ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18.

²⁵ ВЫПИСКА из протокола № 11 от 26 октября 1946 г. Высшая аттестационная комиссия Министерства высшего образования СССР // Пакет № 2. «Дело Карсавина». Л. 29-10.

²⁶ ДИПЛОМ. № 1049. 20 ноября 1946 г. Копия. АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ. ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ЛО [Ленинградская область] УМВД РСФСР / Пакет № 2 // «Дело Карсавина». Л. 29-7.

признали Л.П. Карсавина годным для преподавания в советской высшей школе²⁷.

Однако шестерни запущенного механизма уже вращались в заданном направлении: 19 декабря 1946 г. на дом Карсавину было доставлено извещение от директора Вильнюсского государственного художественного института. Профессору сообщалось, что он, как «с идеологической точки зрения неудовлетворительно исполняющий свои обязанности / профессора и заведующего кафедрой истории искусства / с 16 декабря уволен»²⁸. Вскоре Карсавин получил на руки трудовую книжку с записью: «16. XII. 1946. Уволен как плохо исполняющий обязанности в идеологическом отношении. Приказ № 28 от 1946. 12. 14 д.»²⁹. Очевидно, что трудовую книжку не завели, как положено сразу, а выписали второпях в один подход и задним числом – 25 ноября³⁰, забыв при этом внести в нее запись о работе в должности профессора с января 1945 г.³¹

В январе 1947 г. Лев Платонович направил заявление на имя министра высшего образования СССР, перепечатанное позже в «Меморандуме» фрагментарно и с ошибкой в слове «климат», которой профессор Карсавин сам явно допустить не мог. В словах заявления явственно проступают как мотив осознания Львом

²⁷ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18. Оригинал уведомления на литовском языке № 960 от 19 декабря 1946 г. об увольнении из Вильнюсского художественного института, «как неуместный по идеологическим причинам» за подписью директора Витаутаса Юркунаса также имеется в: «Пакет № 2. Дело Карсавина». См. также: «Меморандум Карсавина». Л. 29-6. *Юркунас Витаутас* (1910–1993), литовский, советский художник, профессор, выпускник Каунасского художественного училища. В 1942–1943 гг. участвовал в Великой Отечественной войне в рядах Красной Армии. В 1945–1975 гг. преподавал в Литовском художественном институте (до 1951 г. Вильнюсский художественный институт), в 1945–1952 гг. директор, в 1968–1975 гг. заведующий кафедрой графики; профессор с 1960 г.

²⁸ «Меморандум Карсавина». Л. 8-18–8-19.

²⁹ Трудовая книжка Карсавина Леонас Платонович // «Дело Карсавина». Пакет № 2. Л. 3. Через год, 1 октября 1947 г. Карсавин смог восстановиться в Художественном институте в должности профессора истории искусств (см.: Там же. Л. 4.)

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ Л.П. Карсавин сообщает об этом в своем Заявлении на имя министра высшего образования СССР, в полном объеме перепечатанного в «Меморандуме Карсавина» (см.: «Меморандум Карсавина». Л. 8-18).

Платоновичем совершенной им ошибки – найти компромисс с властью большевиков, так и настроение, близкое к душевному отчаянию:

Я имел возможность бежать из Вильнюса при победоносном приближении Красной Армии, я сознательно со своей семьей остался, чтобы работать Советской Литве, с которой успел сродниться для Советского Союза.

Если мои, ученые труды и более, чем 30-ти летний стаж научно-преподавательской работы в Ленинградском, Каунасском и Вильнюсском университетах кажутся Советской власти ЛССР для литовского народа бесполезными, а может быть даже вредными, а если решение ВАК³² в противном их не убеждает, я очень бы просил указать возможность мне работы по моей специальности (истории, или лучше истории искусства) в какой-нибудь из республик нашего Союза. По состоянию здоровья я бы желал получить работу в теплом климате³².

В это время состояние психического здоровья Ирины Львовны уже было несовместимо даже с небольшими волнениями, но незначительными переживаниями дело не обошлось, и психика несчастной «агентессы» не выдержала. При очередном витке кризиса, 24 мая 1947 г., Ирина Львовна написала донесение на... саму себя. В «Меморандуме» Льва Платоновича, вобравшем в себя основные донесения на него, есть и то, что поступило от Ирины – «Галины» и было перепечатано с ошибками:

Сувчинский прислал с *Ротомскис*³³ для отца источника – КАРСАВИНА Л.П. три книги «Монде модерне» (Современный мир), содержание которых, по определению КАРСАВИНА, имеет евразийское направление. Эти книги после были переданы КАРСАВИНЫМ своему знакомому профессору СЕЗЕМАН, который в прошлом также являлся активным участником евразийской организации. В письме переданном через *Ротомскис* на имя КАРСАВИНА СУВЧИНСКИЙ писал, что он намеревается перевести на фронтисский язык и напечатать часть «трудов» КАРСАВИНА. Но не делается без согласия на то автора³⁴.

³² «Меморандум Карсавина». Л. 8-18.

³³ В обоих случаях фамилия Ротомскиса вписана в данный машинописный текст перепечатанного с ошибками донесения от руки синими чернилами.

³⁴ Там же. Л. 8-19–8-20.

26 января 1948 г. Карсавину пригласил для разговора уже не ее куратор, а сам начальник отдела республиканского НКВД-МГБ. Вопрос был только один – о причинах уклонения от исполнения обязанностей секретного сотрудника. Ирина Львовна ответила, что себя секретным сотрудником считать больше не может, так как сотрудничество с органами МГБ не позволяет состояние здоровья:

Должна сообщить, что после первой беседы с работником МГБ я в течение двух месяцев страдала сильным нервным расстройством и вынуждена была лежать в постели. В силу этого от постоянного контакта в работе с органами МГБ я отказываюсь, так как это приведет меня к тяжелым последствиям, однако в том случае, если мне будет известно о лицах, занимающихся антигосударственной деятельностью, я сообщу незамедлительно³⁵.

Ирина Львовна не раз пыталась вести разговоры с отцом так, чтобы приблизиться к теме своего сотрудничества, но он списывал их на последствия помутнения рассудка и болезненные фобии. «В течение последних 9 месяцев, с июня 1947 г., нервно-психическое состояние моей дочери резко ухудшилось, выразившись в обмороках, бреде и т. п., что также может подтвердить приглашенный мной во время одного из кризисов проф. Марцинкявичус. Содержание ее бреда, необычность ее поведения с июня 1947 г., позволяет мне утверждать, что на нее, крайне больного, и во всяком случае, не вполне нормального человека, оказывается давление»³⁶.

П.И. Ротомскис в своей объяснительной в ЦК КП(б) Литвы от 8 июля 1948 г. также сообщал о крайне угнетенном, нездоровом состоянии Ирины Карсавиной:

В последние полгода с липшим перед арестом Карсавиной в моих занятиях с нею произошел перерыв, и я все никак не находил время,

³⁵ *Арефьева И.С.* «Дело» Ирины Львовны Карсавиной // «Живой колос с духовной нивы». Русские Литвы: история, культура, религия. 17.01.2007. URL: https://web.archive.org/web/20070117142832/http://www.kolos.lt/rassledovanija/delo_iriny_karsavinoj.html (дата обращения 20 ноября 2023).

³⁶ Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина... Заявление. 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ап. 33. Л. 1.

чтобы возобновить занятия языком. Однако, проходя мимо, я ее часто видел, как она занималась с другими сотрудниками. Раза два я с ней даже коротко беседовал.

В это время она мне показалась сильно изменившейся, напуганной, очень нервной, страдающей манией преследования. Причины такого изменения мне не были известны³⁷.

Ирину Львовну какое-то очень непродолжительно время еще пытались убедить остаться «Галиной», ее запугивали, «из профилактических целей» уволили не только из Вильнюсского университета, но и из Педагогического института, где буквально днями до увольнений ей предложили возглавить кафедру³⁸. Но все эти меры вначале «пряника», а затем преимущественно «кнута» только усугубляли состояние больной. Видимо, поняв, что скоро она не сможет контролировать поведение в общении со своими знакомыми и может раскрыть им свои отношения с НКВД-МГБ, «не вполне вменяемую»³⁹ Ирину Львовну 13 марта 1948 г.⁴⁰ арестовали на пути домой после занятий по языку с сотрудниками литовского МИДа. На то, что это было ранее продуманным решением, указывает нестандартный срок пролонгации пропуска Карсавиной на 3 месяца – по 31 марта⁴¹, вопреки обычной практике долгосрочного продления пропусков в здание МИДа.

Через неполных 4 месяца после ареста, 31 июля 1948 г., Особое совещание при министре государственной безопасности приговорило Ирину Львовну Карсавину к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Краткая мотивировочная часть приговора была сформулирована так: «За преступную связь

³⁷ «Объяснение Ротомскиса». Л. 46.

³⁸ Председателю Совета Министров СССР Маленкову от Карсавиной Ирины Львовны... ЖАЛОБА. 13 декабря 1954 г. // «Дело Карсавиной». Л. 159 об. – 160 об.

³⁹ Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина... Заявление, 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ар. 33. Л. 1.

⁴⁰ В документах «Дела Карсавиной» имеются несовпадения в датах ареста и первого допроса. Так, Постановление на ее арест датировано 27 февраля 1948 г. В протоколе первого допроса обозначена дата 12 марта 1947 г. Во всех дальнейших документах значится дата ареста 13 марта 1947 г. (см.: «Дело Карсавиной». Л. 2–10).

⁴¹ Постоянный пропуск № 28 // «Дело Карсавиной». Пакет. Л. 176-4.

с белоэмигрантами, хранение распространение анти-советской литературы»⁴².

«Журнальная» история Ротомска и Карсавиной на фоне их романтических отношений пока остается недосказанной, поскольку часть документов, содержащих подробности обстоятельств, пока не рассекречены. Формальных признаков, обозначенных в обвинительном заключении Ирины Львовны, в действиях самого Павла Игнатьевича даже больше, чем у нее. В конце концов это именно он *сам* первым (!) «установил связь с белоэмигрантом» П.Н. Сувчинским, встретился с ним, затем использовал дипломатическую неприкосновенность, чтобы фактически конспиративно перевести идеологические вражеские журналы, «распространил» их, не стал информировать органы госбезопасности (читай, не донес на Карсавину) и т. д., даже когда стало известно, что она взята под стражу и доставлена в Вильнюсскую тюрьму НКВД-МГБ. Они последовали, только когда карательная машина развернулась и в его личную сторону после постановления следователя о выделении материалов в отношении П.И. Ротомска в отдельное производство на основании компрометирующих показаний арестованной⁴³:

После ее [Карсавиной] ареста мне сразу же стало ясно, что в процессе ее следствия мое имя обязательно будет фигурировать.

Я уже тогда начал было писать об этом заявление на имя Заместителя Министра Госбезопасности тов. Литкенса⁴⁴, но бросил, так как пришел к заключению, что каждый, читая такое заявление, подумает, что я, пытаюсь избежать неприятностей, говорю то, что и так уже известно. Поэтому со своими разъяснениями я решил ждать, пока меня спросят об этом. А что спросят, я в этом был абсолютно уверен и с нетерпением ждал этого момента.

Сейчас, независимо от того, были или не были в связи с моим поступком какие-либо последствия, я с полной ясностью сознаю, что

⁴² Выписка из протокола № 31 Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 31 июля 1948 г. // «Дело Карсавиной». Л. 17.

⁴³ ПОСТАНОВЛЕНИЕ / о выделении материалов в отдельное производство. 18 июня 1948 г. // «Дело Карсавиной». Т. 1. Л. 141.

⁴⁴ *Литкенс Сергей Евграфович* (1912–1990), сын петербургского присяжного поверенного и участника революционного движения. Закончил семилетку и Геологоразведочный ин-т им. Орджоникидзе, Москва (1935). В органах НКВД-МГБ с 1937 г. замминистра ГБ ЛитССР (1946–1949). Исключен из КПСС за «грубейшие нарушения соц. законности» (1955), из КГБ «по фактам дискредитации» (1955).

проявил недопустимую либеральность, недисциплинированность, граничащую с преступлением. Я полностью признаю свою вину в совершенном мною поступке и готов понести любое взыскание, какое на меня будет наложено. Я знаю, что другого пути для исправления моей ошибки нет, кроме преданной работы на порученном мне участке. Как коммунист, даю слово, что ничего подобного со мной не повторится в будущем⁴⁵.

Рассекреченные материалы дела П.И. Ротомска дают основания утверждать о том, какая важность придавалась показаниям арестованной дочери Л.П. Карсавина, они быстро доходили лично до высших руководителей страны: еще в начале июня 1948 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов написал резолюцию на совершенно секретном документе: «С. т. Вышинским [обсуждено и решено]. Надо освободиться от Ротомска»⁴⁶. Через неделю на бумаге поставил подпись зам. Молотова – А.Я. Вышинский, это означало запуск процедуры снятия Ротомска с министерского поста. Копия документа была направлена секретарю и одновременно начальнику Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову⁴⁷.

Секретные рычаги и тяги партийно-государственного реагирования высших органов Компартии и НКВД-МГБ методично рождали бумаги и протягивали их вплоть до 7 сентября 1948 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассмотрело на своем заседании дело литовского министра иностранных дел, коммуниста П.И. Ротомска. Руководители партии не стали ставить крест на его карьере, отстранив его только от дипломатической работы⁴⁸. На подготовку приказа у МИД ушло 4 дня, и 11.09.1948 г. Павел Игнатьевич перестал быть министром.

Многие документы по этому его делу еще имеют гриф секретности и, возможно, скрывают, что связь с Карсавиной была лишь удачным поводом убрать Ротомска, результатом конкуренции

⁴⁵ «Объяснение Ротомска». Л. 46.

⁴⁶ СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР товарищу Молотову В.М. 10 июня 1948 года № 4801/А // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 41.

⁴⁷ Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950), советский партийный деятель, первый секретарь Ленинградского ГК и ОК ВКП(б) с 1945 по 1946 г., секретарь ЦК ВКП(б) с 1946 по 1949 г. Расстрелян. В 1954 г. реабилитирован.

⁴⁸ Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 65 (пункт 127) от 07.09.1948 г. «О министре иностранных дел Литовской ССР» (об освобождении Ротомска П.И. с поста министра иностранных дел Литовской ССР) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 37.

за кресло министра, а его особые отношения с Карсавиной были только удобным поводом для смещения. Во всяком случае, это вполне может объяснить, почему П.И. Ротомскис не оказался в тюрьме и даже остался в обойме высшей партийной номенклатуры Литвы.

Испуг Ирины Львовны и ее просьба к Василию Эмильевичу сохранять в тайне факт передачи ему парижских журналов, никак не повлияла на беспечность человека большого теоретического ума – профессора Сеземана. В своей личной практической жизни он был до крайности доверчив и переходил в регистр откровенности даже с тем, с кем познакомился совсем недавно и о прошлом кого он знал только по выдуманной «легенде». Упрек в этом, однако, нуждается в смягчении: в силу особой значимости наблюдения за бывшими «евразийцами» Львом Карсавиным и Василием Сеземаном в их ближайшее окружение был внедрен агент с реальной внушительной дворянской родословной, превосходным образованием и опытом эмигрантской жизни в Париже. Уже на второй встрече после знакомства с Сеземаном агент «Тургенев» (М.М. Туган-Барановский) докладывал:

20 ноября с. г. [1947⁴⁹] источник был вечером в гостях у профессора СЕЗЕМАНА, у которого просидел весь вечер.

Во время этого визита говорил гораздо более резко, чем обычно, а поэтому СЕЗЕМАН отнесся к источнику значительно более сочувственно, чем прежде.

⁴⁹ В.Э. Сеземан, опрошенный в качестве свидетеля после изъятия у него дома журналов 12 марта 1948 г., показал:

Весной 1947 года, примерно в мае месяце, близко знакомая мне КАРСАВИНА И.Л., принесла ко мне на квартиру несколько французских журналов “Новое время”, привезенные КАРСАВИНОЙ из Франции, Министром Иностранных Дел Литовской ССР РОТОМСКИС. Содержание всех статей, напечатанных в этих журналах затрудняюсь сказать, но припоминаю, что в отдельных философских статьях разбиралось учение Маркса и марксизм как учение истолковывается в них в националистическом и антикоммунистическом направлении. Когда КАРСАВИНА принесла журналы, то она попросила, чтобы я их хранил у себя и объяснила при этом, что указанные журналы, они боятся хранить у себя на квартире, ввиду того, что опасаются ареста и они могли бы в известной степени скомпрометировать их – КАРСАВИНЫХ перед советскими органами. КАРСАВИНА просила также чтобы журналы никому не показывать...» (ЗАКЛЮЧЕНИЕ по уголовному делу № II-252655 от 6 апреля 1955 г. // «Дело Карсавиной». Л. 168).

Разговор начался с излюбленной темы СЕЗЕМАНА – о культурном застое и постепенно стал затрагивать все политические темы.

СЕЗЕМАН утверждал, что у нас происходит не застой в науке, а сознательное разрешение науки, которое делается для того, чтобы учредить способную духовную диктатуру, по возможности убить все творческие проявления новых людей.

Источник согласился с этим и спросил, а где же выход. Разве СЕЗЕМАН полагает, что в СССР может быть свергнуто правительство, конечно нет, заметил СЕЗЕМАН. Внутренних сил способных свергнуть правительство у нас просто нет. Внешнее – это было бы уже совсем не так уж плохо вряд ли скоро придут, но у меня надежда на другое.

СЕЗЕМАН говорит, что страна находится в умственном застое и виновником он считает одного из руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Смерть его, он считает, спасением для страны, а поэтому каждый из нас обязан, якобы, ее желать с нетерпением, но огорчается тем, что имеется немало его последователей. Если же к власти придет новая фигура, то возможна перемена, так как каждому новому человеку доступны стремления к популярности, а всякое отступление от Сталинизма ее гарантирует.

СЕЗЕМАН сказал, что об этом мечтает и КАРСАВИН. После этого СЕЗЕМАН сказал, что он с ужасом думает об «Отвратительном чувстве, когда ему придется окунуться, в “моральный унитаз при голосовании”».

Кроме того СЕЗЕМАН дал источнику прочитать один № парижского антимарксистского журнала «Новые времена» 1945 года⁵⁰, в котором известный антисоветский публицист САРТ издевается над материалами⁵¹ в статье «Революция и материализм»⁵².

Вскоре, при очередном общении с тем же агентом, Василий Сеземан вновь стал высказывать свои резкие политические оценки происходящего в стране и вспомнил о французских журналах. Рокковым образом и для себя, и для Льва Карсавина он продолжал игнорировать и просьбу Ирины Карсавиной «спрятать» журналы, и любые соображения проявлять осмотрительность и осторожность. Результат не замедлил отразиться в донесении:

⁵⁰ Очевидная опечатка, П.И. Ротомскис привез № 6–8, 10 “Les Temps Modernes” за 1946 г.

⁵¹ Скорее всего, правильно следует читать: издевается над материализмом.

⁵² «Меморандум Сеземана». Л. 35-1-19–35-1-20.

В понедельник 26 апреля с. г. [1947] источник был вечером у профессора СЕЗЕМАНА, которому рассказал об истории, которая со мной получилась.

СЕЗЕМАН мое сообщение принял очень горячо к сердцу, сказав, что он глубоко возмущен всем, но впрочем считает в порядке вещей. По его мнению, все что произошло с источником, вполне логично, так как жизнь в СССР состоит из самых несправедливых преследований, которым конца и края нет.

В минуту, когда источник к нему пришел он слушал американское радио, а потому разговор сразу перешел на тему о свободе у нас и Америке. СЕЗЕМАН заявил, что нельзя сравнивать условия морального существования населения там и здесь, ибо в СССР человек находящейся в тюрьме более свободен, чем находящейся на воле, так как в тюрьме он может говорить, не опасаясь ареста, у нас же он и это не может делать.

После этого СЕЗЕМАН посоветовал источнику немедленно зайти к КАРСАВИНУ, так как тот знает одного министра, крайне добросердечного, встречающего всякого пострадавшего.

Переходя к вопросу о передаче источнику СЕЗЕМАНОМ ЖУРНАЛА «Современный мир», источнику СЕЗЕМАН сказал, что получил журнал путем особой оказии, через одного человека. Говоря, что это крайне интересный журнал, позиции которого он разделяет. СЕЗЕМАН подошел к книжной полке и вынул номер журнала, который источнику и передал, сказал, что у него есть несколько экземпляров этого журнала.

<...>

Эти журналы, произвели на СЕЗЕМАНА потрясающее впечатление, так как они, так резко отличаются от наших «ублюдочных» публицистических произведений по этому вопросу. СЕЗЕМАН до сих пор находится под впечатлением от прочитанного и искренне восторгается тем, по его словам, прогрессом общественной мысли, который происходит на западе.

«У меня исчезли всякие иллюзии в возможности прогрессивной политики советской власти», – сказал СЕЗЕМАН. «Я полагаю, – он назвал одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства, который, якобы, сознательно вергает страну в полный нравственный застой».

Усиление нажима на развитие общественной мысли, которое я замечаю на каждом шагу, я объясняю тем, что власть, потеряв всякую почву под ногами, стремится превратить всех своих подданных в механизмов, а потому убивает всякое проявление в области какого ни было духовного творчества⁵³.

⁵³ «Меморандум Сеземана». Л. 35-1-22; 35-1-24.

В сводке донесений агентов в Меморандуме «Алхимика» за 1948 г. нет упоминаний о каких-либо резких словах Карсавина в адрес сталинской трактовки марксизма, государственной власти, партии и лиц, их представляющих. В июле 1948 г., когда еще шло следствие по делу Ирины Львовны, Карсавин отправился в Ленинград. Формальным поводом для поездки «послужила необходимость приобретения для Вильнюсского Художественного Музея русской графики 18–20 веков и художественной картины литовского художника ГАРЕЦКОГО»⁵⁴. Но настоящим поводом для командировки, скорее всего, стала необходимость личного разговора с автором письма, вследствие перлюстрации фрагментарно перепечатанного в меморандум вперемежку с донесениями агентов, сопровождаемое предваряющей пометкой об источнике происхождения:

4 августа 1947 года в служебный адрес КАРСАВИНА прошел документ из Ленинграда от некой Е.С. (подробных данных нет). Автор документа пишет:

«Многие, почти все строчки Вашего письма читать было грустно. *Только в беседе могла бы я выразить свое к нему отношение* (выделено мной. – В. Ш.). Одно лишь скажу: снова чувствую как неверно, чудовищно плохо Вы поступили, как глубоко продолжаете Вы заблуждаться и тешиться своими заблуждениями.

(это понятно, но к старости надо, мне думается, от таких утешений отказаться, хоть и тяжело): «в действительности мое поведение не так уж плохо».

Спустя 24 года, после последнего свидания, я еще с большой уверенностью повторяю свое определение – плохо, неправильно, несправедливо и ненужно избрали Вы свой путь. Утверждаю я это сейчас совершенно освобожденная от былых чрезвычайно острых чувств, вызванных тем поворотом жизни, который избрали Вы...»⁵⁵

Автором этого послания была любовь всей жизни Льва Карсавина – Елена Скржинская. Не исключено, что своей поездкой и личной встречей Лев Платонович откликнулся на полученное от нее письмо со словами о возможной беседе и запоздавшем объяснении. Оно состоялось, и на галерее второго этажа дома № 14 на

⁵⁴ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого КАРСАВИНА Льва Платоновича 29 октября 1949 года // «Дело Карсавина». Л. 172.

Горецкий Фаддей Антонович (1825–1868), художник, академик исторической живописи, педагог. Один из лучших учеников К.П. Брюллова. С 1856 г. жил преимущественно в Париже, где умер и был похоронен.

⁵⁵ «Меморандум Карсавина». Л. 8-23.

Ольгиной улице над тихой речкой Крестовкой они поведали друг другу самое важное для каждого и известное только им двоим⁵⁶.

Весь следующий год до ареста 1949 г. Лев Платонович в основном пытался хоть как-то обеспечивать финансовое благополучие жены и младшей дочери Сусанны и мучительно искал правильное решение возникших проблем. Поездка в Москву была одной из таких попыток нащупать хоть какую-то точку опоры для правильных практических действий. Позже на допросах он сообщал:

Летом 1949 года (в июне), после моего увольнения с работы в Вильнюсском Художественном Музее, я поехал в Москву в Министерство Высшего Образования, чтобы узнать о возможном устройстве на работу.

В других учреждениях я не бывал. В Москве в этом случае пробыл 6–7 дней. Остановливался в гостинице Метрополь.

Поездка была связана исключительно с устройством моих личных дел по работе, хотя закончилось безрезультатно. <...>

Один раз я был на приеме у Заместителя Министра Высшего Образования САМАРИНА⁵⁷. На этом мои посещения официальных

⁵⁶ См.: *Скржинская М.В.* «И тогда я прочла Карсавину стихи...» // Русофил. 08.10.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/10/08/> (дата обращения 20 октября 2023).

Скржинская Елена Чеславовна (1894–1981), главная любовь и философская муза Льва Платоновича Карсавина, посвятившего ей одну из важнейших своих работ, “Noctes Petropolitanae” (1922). Выдающийся советский историк-медиевист и филолог, выпускница Петроградского университета. В 1930 г. была уволена из Государственной академии истории материальной культуры за участие в богослужениях. Перед войной ее приняли на должность доцента Ленинградского государственного университета, работая в котором она провела в осажденном городе самое трудное время. Дочь Ирины Чеславовны Марина Владимировна Скржинская передала автору настоящей статьи воспоминания о последней встрече Ирины Чеславовны с Львом Платоновичем. *Скржинская Марина Владимировна* (1939 г. р.), советский и украинский историк и археолог, выпускница Ленинградского государственного университета, доктор исторических наук, специалист по истории и культуре Древней Греции и античных государств Северного Причерноморья, до последнего времени работала в Институте истории Украины НАН Украины.

⁵⁷ *Самарин Александр Михайлович* (1902–1970), академик АН СССР, крупный специалист в области физико-химических процессов производства стали. Выпускник Московской горной академии. В 1946–1951 гг. занимал должность заместителя министра высшего образования СССР.

лиц закончились. Перед выездом из Москвы я узнал, что в должности Министра просвещения РСФСР работает мой бывший ученик по Ленинградскому (Петроградскому) Педагогическому – ВОЗНЕСЕНСКИЙ⁵⁸, но посетить мне его не пришлось, так как я уже подготовился к отъезду⁵⁹.

Между тем политическая и общественная атмосфера в стране и в Литовской ССР продолжала ощутимо сгущаться. В 1948 г. секретный агент доносил о том, что все больше волновало В.Э. Селезнев и не только его:

Разговор перешел о предстоящем филологическом съезде. СЕЛЕЗНЕВ рассказал, что недавно из Москвы приехал профессор АБРАМОВИЧ⁶⁰, вернувшийся оттуда крайне взволнованный. АБРАМОВИЧ очень испуган тем, как его уверили в Москве вскоре начнется филологическая дискуссия. В процессе этой дискуссии будет нанесен удар по академику ВИНОВАТОВУ⁶¹ и профессору

⁵⁸ *Вознесенский Александр Алексеевич* (1898–1950), известный советский экономист, организатор науки. Выпускник Петроградского историко-филологического института. С 1948 по август 1949 г. был министром просвещения СССР, на этом посту арестован как один из проходящих по «Ленинградскому делу» и в 1950 г. расстрелян. В 1954 г. реабилитирован.

⁵⁹ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Арестованного КАРСАВИНА Льва Платоновича. От 27 октября 1949 года // «Дело Карсавина». Л. 160.

⁶⁰ *Абрамович Дмитрий Иванович* (1873–1955), историк русской литературы, филолог-славист и палеограф, источниковед, член-корреспондент АН РСФСР, затем СССР. Воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии. С 1927 по 1932 г. был заключенным Соловецкого лагеря. С 1944 г. преподавал историю русского литературного языка в Вильнюсском университете.

⁶¹ *Виноградов Виктор Владимирович* (1895–1969), основоположник собственной научной школы в языкознании, лауреат Сталинской премии. Директор Института языкознания АН СССР (1950–1954), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1950–1963), главный редактор журнала «Вопросы языкознания» (1952–1969). В 1934 г. арестован по сфабрикованному делу, известному как «дело славистов». Отбывал ссылку в Вятке до 1936 г. и был освобожден для подготовки к юбилею Пушкина, после которого вновь арестован. С 1941 по 1943 г. отбывал ссылку в Тобольске, в 1943 г. судимость была снята. С 1946 г. – академик АН СССР. В 1949 г. его научные подходы стали объектом жесткой критики со стороны последователей Н.Я. Марра.

ШИМАРЕВУ⁶², но это будет только началом. АБРАМОВИЧ опасается, что вообще начнется страшное избиение возможно даже и таких теоретиков, как МАРР⁶³. Сам АБРАМОВИЧ не знает, какой линии держаться, так как не знает, кого и за что будут бить. Во всяком случае, – говорит СЕЗЕМАН, – ясно, что выступление ЛЫСЕНКО⁶⁴, только цветочки, скоро появятся ягодки, когда разойдется новый поход против интеллигенции.

Об этом походе, по его словам, уже известно в Америке, а видные американские ученые, почетные члены Академии наук СССР, отказываются от своих званий, так как по их мнению, после выступления ЛЫСЕНКО советская наука перестала быть наукой⁶⁵.

Д.И. Абрамович почти не ошибся в своих опасениях, поскольку Вильнюсский университет, как и всю страну, вскоре начали сотря-

⁶² Очевидно, что в данном контексте имеется в виду *Шишмарёв Владимир Фёдорович* (1874–1957), русский и советский лингвист, выдающийся литературовед, создатель школы романистики, академик АН СССР (1946). Директор ИМЛИ АН СССР (1944–1947), заведующий сектором романских языков Института языкознания АН СССР (1947–1950), заведующий романо-германским отделом сектора индоевропейских языков в Ленинградском отделении Института языкознания (1950–1957).

⁶³ *Марр Николай Яковлевич* (1864–1934), грузинский, российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР (1930). В 1921 г. основал Яфетический институт (1921), впоследствии Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (сегодня Институт лингвистических исследований РАН в Петербурге и Институт языкознания РАН в Москве), в 1926–1930 гг. одновременно был директором Ленинградской публичной библиотеки. Автор теории о происхождении и развитии языков в духе вульгарного марксизма.

⁶⁴ *Лысенко Трофим Денисович* (1898–1976), украинский и советский агроном и биолог. Создатель псевдонаучной теории – «мичуринской агробиологии», академик АН СССР (1939), академик АН УССР (1934), академик ВАСХНИЛ (1935). Герой Социалистического Труда (1945). Лауреат трех Сталинских премий. С 1936 г. директор Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе, с 1940 по 1965 г. директор Института генетики АН СССР. Выступление Лысенко на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. считается сигналом к перенесению ленинского принципа партийности о недопустимости фракционности и вреде научных дискуссий после принятия голосованием заключительного постановления (по образцу партийных съездов).

⁶⁵ «Меморандум Сеземана». Л. 35-1-22.

сать пароксизмы не одной, а трех идеологических кампаний – против низкопоклонства перед Западом, объективизма и космополитизма. В Вильнюсском университете одним из активных проводников новых ветров стал специально присланный из Еревана в 1948 г. партийный функционер Г.Г. Габриэлян⁶⁶, последовательными публичными и скрытыми выпадами начавший доказывать несоответствие классовой позиции В.Э. Сеземана должности заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии. Весной 1949 г. Габриэлян развил особенно бурную идеологическую деятельность по борьбе с объективизмом и во утверждение верховенства принципа партийности в логике. Эта активность сопровождалась нарастающими публичными стычками с Сеземаном⁶⁷, методично доказывавшим, что никакой партийной логики в принципе быть не может. Волны конфликта по инициативе Василия Эмильевича докатились до самых высоких московских кабинетов⁶⁸, но ему это не помогло, он перестал заведовать кафедрой (см. подробнее: [Ша-ронов 2023b]).

⁶⁶ *Габриэлян Генри Габриэлович* (1903–1981) до приезда в Вильнюс работал секретарем райкома и губкома, заведующим отделом печати ЦК Компартии Армении, был редактором партийной газеты «Авангард», директором Института марксизма-ленинизма, заместителем заведующего отделом культуры КП Украины, директором Института истории и литературы, заведующим кафедрой и ректором Ереванского университета. В 1937 г. был исключен из партии, около года провел в тюрьме в ожидании возможного расстрела. Затем был освобожден и попытался вернуться к партийной карьере, с должности заведующего кафедрой философии. В качестве партийного поручения был направлен в Вильнюс. В 1955 г. вернулся в Ереванский государственный университет, где по 1977 г. вновь заведовал кафедрой философии. Затем заведовал кафедрой истории философии и научного атеизма (1970–1978). Считается одним из пионеров изучения истории армянской философии (см.: Գաբրիելյան Հենրի (Հարություն) [Габриэлян Генри / Арутюн] / Վիքիպեդիա. available at: URL: https://hy.wikipedia.org/wiki/%D5%80%D5%A5%D5%B6%D6%80%D5%AB_%D4%B3_%D5%A1%D5%A2%D6%80%D5%AB%D5%A5%D5%AC%D5%B5%D5%A1%D5%B6 (дата обращения 20 октября 2023)).

⁶⁷ В Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза 3-к Сеземана Василия Эмильевича Заявление. 28.XII.1955 // «Дело Сеземана». Т. II. Л. 19.

⁶⁸ В.Э. Сеземан в ходе конфликта отстаивал свою точку зрения на логику как на внепартийную теоретическую дисциплину. С этим вопросом он письменно обращался в ЦК КПСС, Президиум АН СССР, Министерство высшего образования СССР. На словах его поддержали, обещали

В ходе кампании против объективизма в 1949 г. Вильнюсский университет посетил К.Ф. Жигач⁶⁹, занимавший тогда пост начальника отдела научно-исследовательских работ Всесоюзного комитета по делам высшей школы. По словам Карсавина, в мемуарном изложении В.И. Кулешова, Жигачу не понравилось выступление Льва Платоновича, в котором он доказывал, что философия и политика несовместимы. «Московский чин взъерился, потребовал, чтобы ученый совет тут же исключил меня из своих членов и запретил преподавание в университете. Ученый совет колебался-колебался, но все же под нажимом совершил аутодафе. Один Сеземан меня защищал» [Кулешов 1995, с. 176]. Судя по тому, что 2 апреля 1949 г. Лев Платонович был уволен и из Художественного института⁷⁰, визит Жигача состоялся весной, чуть раньше этой даты.

Летом 1949 г. оперативной разработке Л.П. Карсавина органами НКВД-МГБ исполнилось пять лет, если отсчитывать этот срок с освобождения Вильнюса. Надо было подводить итоги усиленного спецконтроля силами шести осведомителей и секретных агентов, сплошной перлюстрации личной корреспонденции профессора. Фактов реальной связи профессора Карсавина с вражеским бело-гвардейским подпольем выявлено так и не было, но оснований для истолкования личного отношения Льва Платоновича как крайне враждебного было с избытком: Карсавин по своей известной от времен молодости склонности к сарказму, привычке использовать уничижительные характеристики не стеснялся оценивать многие темы и людей. В том числе это относилось лично к Сталину, чей культ, согласно донесению агента, он сравнивал с культом императоров в Средневековье, а самого его – с Иудой: «Возьмите последний ответ /назвал имя одного государственного деятеля СССР/ о Венгрии. Разве это не иуда...»⁷¹.

В.И. Кулешов, направленный после окончания аспирантуры и защиты диссертации в Вильнюс, вспоминал, что, по его наблюде-

помочь, но письменно направили руководству университета прямо противоположный отзыв (см. подробнее: «Дело Сеземана». Т. II. Л. 20).

⁶⁹ *Жигач Кузьма Фомич* (1906–1964), выпускник Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева. В 1945–1949 гг. начальник отдела научно-исследовательских работ Всесоюзного комитета по делам высшей школы, с 1949 по 1951 г. возглавлял Главное управление университетов СССР. С 1954 по 1962 г. был ректором МНИ – МИНХ и ГП им. И.М. Губкина.

⁷⁰ Трудовая книжка Карсавина Леонас Платонович // «Дело Карсавина». Пакет 2. Л. 4.

⁷¹ См.: «Меморандум Карсавина». Л. 18–21.

нию, Карсавин вел себя очень неосторожно и крайне саркастически оценивал в разговоре с ним, притом при первом же знакомстве, уровень советских национальных преподавательских кадров: «С кем я здесь работаю? Профессор Дундулис⁷² и профессор Унтулис⁷³. Карсавина прорвало, и он закатился каким-то детским смехом. Видно, это его конек, и он не раз в разговорах острит “Дундулис и Унтулис”» [Кулешов 1995, с. 176].

Подобную же крайне скептическую оценку Карсавиным местных специалистов сообщал в донесении и секретный агент: «КАРСАВИН ругал местных литовских ученых, которые, по его мнению, не имеют даже точного представления, что такое наука:

«Если большевики вместо науки занимаются обобщением, то для этих ослов и обобщения недоступны». КАРСАВИН высказал мысль, что он в таких условиях не знает, что ему делать, со своими трудами, которые по словам его имеют большую ценность.

Издать их в СССР он потерял надежду, у него возникла мысль, как единственный выход, переправить эти труды за границу и издать их там под псевдонимом.

<...>

25/VIII-с.г. при посещении источников квартиры КАРСАВИНА, последний в беседе заявил: «Я считаю, что если несколько лет назад Советская власть была благом для России, то сейчас она вредна. Советская власть необычайно развила народное образование, сделала безумный технический скачок вперед, но что означает техника без гуманитарных наук. В Советском Союзе, наряду с громадным техническим прогрессом, идет страшный гуманитарный регресс. Гуманитарные науки умерли в СССР. Философия превратилась в катехизис коммунизма, история – в ученический примитив, социология вообще умерла. Получилось это в результате того, что советская интеллигенция, молодежь стали рабочими, т. е. не мыслящими человеческими организмами. Поняв все это, теперь я начинаю жалеть, что не уехал с немцами, так как работать я не пригоден, а как сознательный человек – просто не нужен⁷⁴.

Но все это уже принципиально ничего не добавляло к будущему обвинительному заключению. Оно заняло четыре страницы текста, напечатанного с минимальным интервалом.

⁷² Насмешка Карсавина, образованная от бранного «дундук», т. е. глупый, бестолковый человек.

⁷³ *Унтулис Брониус* (1883–1977), выпускник Киевского университета. В 1940–1941 гг. и 1944–1950 гг. преподавал в Вильнюсском университете.

⁷⁴ «Меморандум Карсавина». Л. 8-21–8-22.

На то, что терпением контрразведчиков двигало стремление вскрыть через разработку Карсавина широкую и глубоко законспирированную вражескую сеть, указывает явная несбалансированность в тексте итогового документа следствия объема формулировок, посвященных вине подследственного профессора. Эпизод с французскими журналами, стоивший Ирине Львовне свободы, в констатирующей части обвинения Льва Платоновича уложился в короткую фразу: «получил несколько журналов антисоветского содержания, которое давал для прочтения своим близким знакомым»⁷⁵. Для многочисленных и многословных выпадов в адрес советской власти и высших чиновников, годами старательно собираемых агентами и осведомителями, хватило такого же короткого утверждения: «среди близких знакомых высказывал клеветнические измышления на политику ВКП(б) и Советского Правительства»⁷⁶. Зато все остальное представляло собой своеобразный кондуит с очень подробным перечислением «преступных» деяний арестованного Карсавина совместно с основателями и заметными участниками евразийской организации, а также Русского общевоинского союза П.Н. Врангеля и лично генерала А.П. Кутепова:

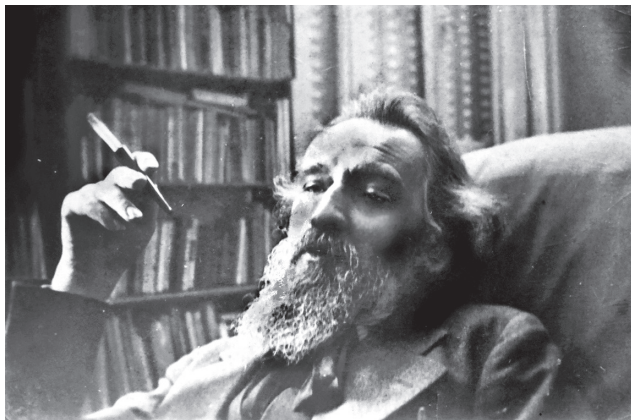
...установил организационную связь с бежавшими за границу – бывшим крупным капиталистом СУВЧИНСКИМ П.П., бывшими министрами деникинского и врангельского белогвардейских правительств – САВИЦКИМ П.Н. и князем ТРУБЕЦКИМ Н.С., вместе с которыми принял активное участие в создании эмигрантской контрреволюционной организации «Евразия», ставившей своей целью свержение Советской власти путем организации восстаний в СССР и установление капиталистического строя. <...>

Контрреволюционная организация «Евразия», одним из руководителей которой является КАРСАВИН, свою подрывную работу против Советского Союза проводила в тесной связи с белоэмигрантской военной организацией «РОВС», руководимой генералом КУТЕПОВЫМ. <...>

В 1925–1928 гг. руководители – евразийской организации СУВЧИНСКИЙ, КАРСАВИН, ТРУБЕЦКОЙ, МАЛЕВСКИЙ, через видных участников «РОВС» – личного адъютанта генерала КУТЕПОВА – полковника ЗАЙЦЕВА и проживавшего в Риге белогвардейского офицера АРТАМОНОВА, неоднократно нелегальным путем перебрасывали в Советский Союз своих эмиссаров САВИЦКОГО,

⁷⁵ ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ По следственному делу 16416. 29 ноября 1949 г. // «Дело Карсавина». Л. 263.

⁷⁶ Там же. Л. 264.

*Рис. 3. Л.П. Карсавин в домашней обстановке. Вильнюс. 1947 г.
Интинский краеведческий музей. Фонд ИКМ – КП 4024/10*

АРАПОВА и других, для установления связи с антисоветскими организациями. <...>

Проживая в 1922–1929 гг. в Берлине и Париже, КАРСАВИН принимал активное участие в антисоветской деятельности других эмигрантских организаций, так называемом «Русском Союзе христианской молодежи», «Русском Научном Институте», где читал для белоэмигрантов лекции, излагая в них враждебные марксизму-ленинизму идеи, клеветал на политический строй Советского Союза...⁷⁷

4 марта 1950 г. Особое совещание вынесло Л.П. Карсавину приговор – 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере⁷⁸. Выходило так, что этим приговором советское государство «наполовину» отозвалось на давнюю просьбу Льва Платоновича направить его для работы в какую-нибудь из республик «с теплым климатом»⁷⁹: 31 марта 1950 г. на этапирование заключенного Карсавина Л.П. был выписан наряд ГУЛАГа МВД СССР № 9/СО – 4225 в особый Минеральный лагерь Коми АССР⁸⁰ близ Полярного круга.

⁷⁷ Там же. Л. 262–264.

⁷⁸ Выписка из протокола № 10 Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 4 марта 1950 г. // «Дело Карсавина». Л. 268.

⁷⁹ См.: «Меморандум Карсавина». Л. 8–18.

⁸⁰ НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА «А» МГБ ЛИТОВСКОЙ ССР. 31 марта 1950 г. № 18/11 58735 // «Дело Карсавина». Л. 269.

20 апреля 1950 г. Льва Платоновича Карсавина ознакомили под роспись с приговором, и через 7 дней он был отправлен по последнему в его жизни долгому маршруту⁸¹ – до Ленинградской пересыльной тюрьмы⁸², затем через Вологодскую пересылку в особый лагерь близ станции Абезь⁸³.

Осужденной Ирине Львовне Карсавиной на момент смерти Льва Платоновича в Абези (1952) до окончания десятилетнего срока, определенного ей приговором, оставалось чуть меньше трех лет до дня фактического выхода из мордовского лагеря. 1 июля 1955 г. Постановлением Прокуратуры Союза ССР «решение суда от 31 июля 1948 г. отменено, дело в отношении КАРСАВИНОЙ на основании П-5 ст. 4 УПК РСФСР прекращено за отсутствием состава преступления и 15 июля 1955 г. она из заключения освобождена»⁸⁴. «Заключение о проверке на жалобу по уголовному делу Ирины Львовны Карсавиной № П-252655 от 6 апреля 1955 г.» завершается выводом руководителя комиссии:

В своей жалобе, от 14 декабря 1954 года, на имя председателя Совета Министров СССР, КАРСАВИНА ссылаясь на несостоятельность ее обвинения, просит о пересмотре дела и ее реабилитации.

На основании изложенного и учитывая, что в деянии осужденной враждебного умысла против СССР не было, что осужденная – КАРСАВИНА будучи негласным сотрудником МГБ, сообщала органам МГБ о получении и наличии французских журналов «Новое время»,

⁸¹ Выписка из протокола № 10 Особого Совещания // «Дело Карсавина». Л. 1об.

⁸² Пересыльная тюрьма в Ленинграде располагалась по адресу: ул. Хохрякова, д. 1 – рядом с Инфекционной больницей им. С.П. Боткина, в 10 минутах ходьбы от Александро-Невской лавры. С.С. Хоружий, лично знавший Е.Ч. Скржинскую, рассказывал автору настоящей статьи, что ей удалось каким-то образом узнать об этапировании Л.П. Карсавина и навестить его в тюрьме. Никаких подтверждающих документов об этом нет, напротив, сама Е.Ч. Скржинская сообщает М.В. Юдиной о последней записке к ней с просьбой прислать чаю и папирос: «но вся группа уж была увезена из Лен-[ингра]да, и я ничего не смогла передать» (см.: Письмо Е.Ч. Скржинской к М.В. Юдиной от 12 февраля 1955 г. // Юдина М.В. Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг. М.: РОССПЭН, 2008. С. 430).

⁸³ Отрывной талон Извещения об этапировании // «Дело Карсавина». Пакет № 2. Л. 21об.

⁸⁴ СПРАВКА. 6 сентября 1966 г. № 10/3 – К-71 / «Дело Карсавиной». Л. 175.

ПОЛАГАЛ БЫ:

На основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 31 июля 1948 года в отношении КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны отменить, дело производством прекратить и из заключения ее освободить⁸⁵.

Источники

Арефьева И.С. «Дело» Ирины Львовны Карсавиной // Живой колос с духовной нивы: Русские Литвы: история, культура, религия. 17.01.2007. URL: https://web.archive.org/web/20070117142832/http://www.kolos.lt/rassledovanija/delo_iriny_karsavinoj.html (дата обращения 20 ноября 2023).

Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина. 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 33.

Дело «Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 65 (пункт 127) от 07.09.1948 г. «О министре иностранных дел Литовской ССР» (об освобождении Ротомска П.И. с поста министра иностранных дел Литовской ССР), постановление Секретариата ЦК ВКП(б) № 373 (пункт 126) от 03.09.1948 г. и другие материалы по данному вопросу» // Российский государственный архив новейшей истории. (РГАНИ). Ф. 3. О. 61. Д. 205. Л. 45–46.

Карсавин Л.П. О началах. (Опыт христианской метафизики). Петербург: YMCA-Press, 1994. 375 с.

Карсавин Л.П. О совершенстве // Богословские труды. 2004. № 39. С. 269–295.

Письмо С.С. Прокофьева к П.П. Сувчинскому от 27 декабря 1946 г. // Кузнецов А. «Дорогой Петр Петрович...». Музыкальная жизнь. 1991. № 15–16. URL: https://newmuz.narod.ru/st/Pr_Suv02.html (дата обращения 21 ноября 2023).

Письмо Е.Ч. Скржинской к М.В. Юдиной от 12 февраля 1955 г. // Юдина М.В. Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг. М.: РОССПЭН, 2008. С. 430.

Скржинская М.В. «И тогда я прочла Карсавину стихи...» // Русофил. 08.10.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/10/08/> (дата обращения 20 октября 2023).

Уголовное (следственное) дело В. Сеземана. Т. II. Vosylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas. Т. II (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ.

Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. Т. I; Т. II. Karsavinos baudžiamoji byla. Т. I; Т. II / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. [2 тома].

⁸⁵ Заключение по уголовному делу № П-252655 от 6 апреля 1955 г. // «Дело Карсавиной». Часть 2. Л. 169–170.

- Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. L. Karsavino baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. K.-1. Оп. 58, б. П-11972-ЛИ.
- Գաբրիելյան Հենրի (Հարություն) [Габриэлян Генри / Арутюн] // Վիլնյուսի համալսարանի պատմության և հիմնադրման 100-ամյա հանգանակի առթիվ, available at URL: https://hy.wikipedia.org/wiki/%D5%80%D5%A5%D5%B6%D6%80%D5%AB_%D4%B3%D5%A1%D5%A2%D6%80%D5%AB%D5%A5%D5%AC%D5%B5%D5%A1%D5%B6 (дата обращения 20 ноября 2023).
- Istorijos-filologijos fakulteto dekanas išakymas dėl komisijos paskyrimo L. Karsavino moksliniams darbams įvertinti // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 1. 1.2. p.
- Knyva Albertas. Knygų metraštis, Enciklopedija, Mokslo darbai ir informacija, available at: URL: <https://moku.lt/knygu-metrastis/> (дата обращения 20 ноября 2023).
- L. Karsavino pareiškimas VU Istorijos-filologijos fakulteto dekanui dėl profesoriaus vardo ir daktaro laipsnio pripažinimo // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I. p. 1
- Povilas Rotomskis, Lietuviškoji tarybinė enciklopedija, Tom IX, Pintuvės-Samneris, ed.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, Vilnius, 1982. 482 psl.
- Pranešimas apie prof. L. Karsavino mokslinę veiklą ir jo darbus // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138-1. Ap. I.
- Šlekys S. Iš istorijos mokytojų atsiminimų (1940–1977 m.), available at: <https://www.vilnijosvartai.lt/wp-content/uploads/2017/11/Stasys-%C5%A0lekys2017.pdf> (дата обращения 20 ноября 2023).

Литература

- Ермишина, Шаронов 2023 – *Ермишина К.Б., Шаронов В.И.* Сергей Эфрон Льву Карсавину: «Но Ваше место – пусто!»: письма «левых» евразийцев к Л.П. Карсавину как хроника Клармарского раскола // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 10–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45.
- Кулешов 1995 – *Кулешов В.И.* Неожиданная встреча с Л.П. Карсавиным // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 173–178.
- Потащенко 2023 – *Потащенко Г.В.* «Притяжение Литвы». Человек перед лицом истории. Лев Карсавин – историк, воображение, философия «всеединства» // Delfi. 22.06.2023. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/prityazhenie-litvy-chelovek-pered-licom-istorii-lev-karsavin-istorik-voobrazhenie-filosofiya-vseedinstva-93873153> (дата обращения 26 октября 2023).
- Шаронов 2022 – *Шаронов В.И.* «Слепая зона» архивного наследия Л.П. Карсавина // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 256–291. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-256-291.
- Шаронов 2023а – *Шаронов В.И.* «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза»: Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть

- первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. Ч. 2. С. 246–268. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268.
- Шаронов 2023b – Шаронов В.И. Философ, не научившийся мудрости // Человек. 2023. Т. 34. № 5. С. 83–113. DOI: 10.31857/S023620070028504-1.
- Eidintas 2019 – Eidintas A. Viena mįslingiausių žūčių Lietuvos istorijoje: nužudyti Smetoną užsakė sovietų specialiosios tarnybos? // Delfi. 25.12.2019. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/viena-mislingiausiu-zuciu-lietuvos-istorijoje-nuzudyti-smetona-uzsake-sovietu-specialiosios-tarnybos.d?id=82980347> (дата обращения 20 октября 2023).
- Misiūnas 2007 – Misiūnas R. Lietuva prieš LTSR. Monografija. Vilnius. “Versus aureus” leidykla. 2007. URL: <https://dokumen.pub/lietuva-prie-ltsr-lt1gt-9955340645.html> (дата обращения 20 октября 2023).

References

- Eidintas, A. (2019), Viena mįslingiausių žūčių Lietuvos istorijoje: nužudyti Smetoną užsakė sovietų specialiosios tarnybos? *Delfi*, 25.12.2019, available at: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/viena-mislingiausiu-zuciu-lietuvos-istorijoje-nuzudyti-smetona-uzsake-sovietu-specialiosios-tarnybos.d?id=82980347> (Accessed 20 October 2023).
- Ermishina, K.B. and Sharonov, V.I. (2023), “Sergey Efron to Lev Karsavin: ‘But your place is empty!’”: Letters from the ‘left’ Eurasians to L.P. Karsavin as a chronicle of the Klamarsky split”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 10–45, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45.
- Kuleshov, V.I. (1995), “Unexpected meeting with L.P. Karsavin”, *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, no. 10, pp. 173–178.
- Misiūnas, R. (2007), Lietuva prieš LTSR. Monografija, Vilnius, “Versus aureus” leidykla, available at: <https://dokumen.pub/lietuva-prie-ltsr-lt1gt-9955340645.html> (Accessed 20 October 2023).
- Potashenko, G.V. (2023), “The Attraction of Lithuania”. The Man before History. Lev Karsavin is a historian, imagination, philosophy of the “all-unity”, *Delfi*, 22 June, available at: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/prityazhenie-litvy-chelovek-peredlicom-istorii-lev-karsavin-istorik-voobrazhenie-filosofiya-vseedinstva-93873153> (Accessed 20 October 2023).
- Sharonov, V.I. (2022), “The ‘invisible zone’ of L.P. Karsavin’s archival heritage”, *Bulletin of Yekaterinburg Orthodox Seminary*, no. 39, pp. 256–291.
- Sharonov, V.I. (2023a) “ ‘I would like to get a job in one of the warm republics of our Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies”*, no. 4, part 2, pp. 246–268, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268.
- Sharonov, V.I. (2023b), “A philosopher who has not learned wisdom”, *Chelovek*, vol. 34, iss. 5, pp. 83–113.

Информация об авторе

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия; Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov, Cand. of i. (Pedagogy), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com

Левый поворот в консервативной мысли Г.П. Федотова

Павел А. Домнинский
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, paweldomninski@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме сочетания двух политических векторов, консервативного (правого) и революционного (левого) в работах Г.П. Федотова. В центре исследовательского фокуса данной работы оказывается философская антропология русского мыслителя. Автор статьи предлагает рассмотреть фигуру субъекта, которая оказывается той точкой, откуда исходят разнонаправленные политические линии. Человек как таковой описывается Г.П. Федотовым в духе христианской антропологии, где неотъемлемыми чертами являются связь с божественным и укорененность в историческом. В такой системе консервативные позиции связаны с защитой личности от всяких посягательств со стороны «другого», будь это произвол революционной толпы или же клещи нарождающихся профашистских государств Европы первой половины XX в. Позиции же революционного вектора, традиционно связанного с левым движением, носят освободительный характер, исток которого у Г.П. Федотова также находится в христианской антропологии. Важную роль в этом случае играет категория отчуждения, как в гегелевской трактовке (объективации мира), так и в трактовке марксистской. Преодоление историческим субъектом своего отчуждения в различных вариациях оказывается той смысловой точкой, в которой сходятся как правый, так и левый политический вектор.

Ключевые слова: консерватизм, Г.П. Федотов, отчуждение, христианская антропология, эсхатология, Новый град

Для цитирования: Домнинский П.А. Левый поворот в консервативной мысли Г.П. Федотова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 45–59. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-45-59

The left turn in G.P. Fedotov's conservative thought

Pavel A. Domninskii

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

paweldomninski@gmail.com

Abstract. The article is about an issue of combining two political vectors, conservative (right) and revolutionary (left) in the works of G.P. Fedotov. The research focus of the paper is on the philosophical anthropology of the Russian thinker. The author suggests considering the figure of the subject, which is the point from which the divergent political lines originate. G.P. Fedotov describes person in the interpretation of Christian anthropology, where the essential features are connection with the divine and rootedness in the historical. In such a system, the conservative position is associated with the protection of the individual from any encroachments by the “other”, whether it is the arbitrariness of the revolutionary crowd or the rigid organization of the pro-fascist states of Europe in the first half of the 20th century. The position of the revolutionary vector, traditionally associated with the left movement, is of a liberating nature, the source of which G.P. Fedotov also finds in the Christian anthropology. The category of alienation plays an important role in this case, both in the Hegelian interpretation (objectification of the world) and in the Marxist interpretation. Overcoming alienation by a historical subject in various variations is the conceptual point at which both the right and left political vectors converge.

Keywords: conservatism, G.P. Fedotov, alienation, Christian anthropology, eschatology, Novy grad

For citation: Domninskii, P.A. (2024), “The Left turn in G.P. Fedotov's conservative thought”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 45–59, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-45-59

Введение

Исследования в области русской философии, несомненно, являются важной частью отечественной мысли. П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский и многие другие представители русской интеллектуальной истории уже давно стали классиками, чье влияние на политическую и философскую мысль не подвергается сомнению. В свою очередь, мы считаем небезынтересным обратить исследовательский фокус на идеи, сформировавшиеся на временном (XIX и XX вв.) и со-

циально-политическом (революция и последующая пересборка российской государственности) стыках.

В эмигрантской мысли 1920–1940-х гг. не только происходило осмысление того, что случилось с Россией в начале XX столетия, но и шло активное конструирование образов будущего страны. Данная тенденция привела к весьма пестрому набору самых разных и, что немаловажно, самобытных измышлений. Существенным является и тот факт, что подобные построения характеризуются одновременно и включенностью в национальную культурную ткань и в то же время несут на себе отпечаток «взгляда со стороны».

Среди евразийцев, сменовеховцев и прочих, в том числе лево-ориентированных интеллектуальных проектов, мы остановим наше внимание на совокупности идей, нашедших свое выражение на страницах журнала «Новый Град». «Новый Град» – эмигрантский журнал, издававшийся И. Фондаминским, Ф. Степуном и Г.П. Федотовым с 1931 по 1939 г. В качестве программы редакция журнала провозгласила идею конструктивного переустройства общества на принципах свободного социального и культурного строительства в духе христианства¹. Однако из-за пестрого разнообразия авторов журнал не примыкал ни к левому, ни к правому крылу [Киселев 2004, с. 26].

В данной статье мы рассмотрим одного из ярких представителей «Нового Града», Георгия Петровича Федотова (1886–1951). Нам кажется весьма интересным, что в его многочисленных работах, охватывающих широкое разнообразие тем, можно найти два совершенно разных политических вектора: консервативный (правый) и революционный (левый). Неоднозначным выглядит и факт того, что при резкой критике большевизма и марксизма с социализмом в целом (в том числе критики, граничащей с открытой пропагандой [Антощенко 2017, с. 12]), многие современники уличали Г.П. Федотова «в левом уклоне», а порой и вовсе обвиняли его в оправдании большевизма (см. ниже). В связи с этим в данной работе мы стремимся выявить и описать ту смычку, которая позволяет уживаться двум этим разнонаправленным политическим векторам в социально-философской мысли Георгия Петровича. Подобная проблематика кажется нам довольно актуальной, ярким примером этого может служить не столь давно вышедший номер журнала «Философия», издаваемый НИУ ВШЭ, который был целиком посвящен данной тематике [Тесля 2021]. Что же касается самого понятия «левого» поворота, то мы сопоставляем его с движением освободительного характера [Магун 2008, с. 17].

¹ Редакция // Новый Град. 1931. № 1.

Несмотря на широкое тематическое разнообразие и хронологический разброс публицистических статей, мы имеем возможность рассматривать работы Г.П. Федотова в качестве единого корпуса, без разбивки на временные этапы. В первую очередь это связано с тем, что при целостном анализе политически ориентированных статей, преимущественно периода 1930-х и 1940-х гг., можно говорить о наличии весьма проработанной магистральной темы, которая сводится к пониманию Г.П. Федотовым исторического процесса как устойчивой системы и роли человека в нем.

Таким образом, наш исследовательский фокус падет на субъект, поскольку мы предполагаем, что именно фигура субъекта сочетает в себе как охранительную логику, защиту негативной свободы от посягательства любых революционных изменений, так и левую политическую линию, направленную на освобождение путем преодоления отчуждения. Важным же здесь является понимание Г.П. Федотовым субъекта в духе христианской антропологии, поскольку христианство оказывается источником не только консервативных интенций, но и подспорьем для социалистических идей.

Подобного рода фокус в современных исследованиях русской мысли на стыке XIX и XX вв. также имеет место быть, стоит хотя бы вспомнить статью О.Н. Ноговицина «Марксистский революционный мессианизм и антимессианизм консервативный в социально-политической мысли России начала XX в.: богостроители и В.В. Розанов» [Ноговицин 2019]. Однако в отличие от исследования О.Н. Ноговицина, где марксизм, в интеллектуальном наследии русских мыслителей (Розанов, Луначарский и др.), был рассмотрен через христианский понятийный аппарат (мессианство, антимессианство, богоизбранный народ и т. д.), мы же в свою очередь взглянем на христианского консервативного демократа Г.П. Федотова, приложив категории, присущие для левой революционной мысли. В связи с этим нами будет применяться компаративистский подход для выявления общих позиций или же точек расхождения с философскими системами других мыслителей.

I

Говоря о политических взглядах Г.П. Федотова, необходимо все же признать их охранительный, консервативный характер. В первую очередь, это проявляется в самом отношении мыслителя к революции как таковой. В одной из своих поздних работ он пишет:

В перманентной революции человек оставался бы вечно полюбезьяной... Революция, переворот, разрыв, ломка – механические

термины, которые в применении к органическим процессам означают ненормальное, болезненное состояние, угрожающее смертью².

Уместным будет также обратить внимание на оценку как Февральской, так и Октябрьской революции в работах Г.П. Федотова, поскольку именно единичное событие чаще всего оказывалось в центре внимания его исследовательско-публицистической деятельности. Если осенняя революция на протяжении всего творчества рассматривалась мыслителем как событие абсолютно негативное, то с февральским потрясением 1917 г. дела обстоят на первый взгляд чуть более сложно.

Сдержанно-скептическое – так можно охарактеризовать отношение Г.П. Федотова к Февральской революции. Здесь наличествует, как встраивание этого события в общую линию разложения Российского государства, приведшее в итоге к власти массы, ведомые большевиками, так и непризнание легитимности временного, хоть и демократического, правительства³. Однако уже с публикации «Февраль и октябрь» (1937) события февральско-мартовских дней приобретают иной характер, направленный не на объективный анализ исторического процесса, а на формирование символа борьбы со сталинской Россией [Антощенко 2017, с. 11]. Подобная трактовка, на наш взгляд, является сугубо прагматической, преследующей конкретные политические цели, что существенно не сказывается на теоретическом построении Г.П. Федотова в отношении к революции как общественному феномену.

Это подтверждается и весьма критической позицией мыслителя по отношению к марксистскому учению. Г.П. Федотов отмечает, что в парадигме марксизма вполне допустимо смириться с любыми средствами, лишь бы они привели к цели и, таким образом, оправдали себя:

Письма Маркса не оставляют места сомнению: он радуется всякому злу, совершающемуся в мире, даже насилию над пролетариатом, ибо зло, самым сущением своим, приближает свое отрицание – революцию. <...> Все, что смягчает зло, способно продлить его существование⁴.

² Федотов Г.П. Между двух войн // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Мартис, 2004. С. 214.

³ Федотов Г.П. И есть, и будет // Там же. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. С. 63–64.

⁴ Федотов Г.П. Запад и СССР // Там же. Т. 9. С. 166.

Социализм, начав с пафоса защиты угнетенных, весьма стремительно трансформируется в тотальную организацию⁵. Человек же в этом марксистском порядке из суверенной личности, обладающей творческой свободой, превращается в «канал бессознательных сил», становясь лишь воплощением своего класса, а не уникальным лицом⁶. Таким образом, в конфликте коллектива и личности марксизм занимает позицию отнюдь не личности. Именно с этим не может смириться Г.П. Федотов. По его мнению, всякая организация вступает в прямую оппозицию к свободе, так как именно за счет личной свободы происходит социальное строительство⁷. Коллектив, в свою очередь, описывается мыслителем как некая эгоцентрическая единица, которая ради объединения различных своих составляющих готова низвести личность и подчинить ее коллективной воле⁸.

Однако не только радикальные социалистические идеи подвергаются консервативной критике, но и поднявший голову в начале XX в. национализм. Возводя любовь к отечеству в Абсолют, таким образом принижая личность и ее свободу, современный Г.П. Федотову национализм оказывается подвержен тому же пафосу организации и разрушительной активности, которые ведут к имморализму и гибели⁹. Фашизм же и вовсе, апеллируя как к национальной повестке, так и к социализму, вовлекает в свои ряды большее количество масс, что делает его еще опаснее¹⁰.

Не вызывают симпатий у Г.П. Федотова и массы как таковые. В его работах они, как правило, функционируют в роли гомогенной необузданной мощи, готовой двигаться в любом направлении, и зачастую эта необузданная сила оказывается сугубо разрушительна¹¹. Во многом такая трактовка масс как средства разрушения, движимая кем-либо, но только не сама собой, перекликается с работой Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс»¹².

Однако, что наиболее интересно, в оппозицию массовому человеку Г.П. Федотов ставит не менее спорную, во многом консерва-

⁵ *Федотов Г.П.* Социальный вопрос и свобода // Там же. Т. 5. С. 209.

⁶ *Федотов Г.П.* Запад и СССР... С. 167.

⁷ *Федотов Г.П.* Социальный вопрос и свобода... С. 211.

⁸ *Федотов Г.П.* О свободе // Там же. Т. 5. С. 311–312.

⁹ *Федотов Г.П.* Новый идол // Там же. Т. 6. М.: Sam & Sam, 2013. С. 210–212.

¹⁰ *Федотов Г.П.* Запад и СССР... С. 169–170.

¹¹ *Федотов Г.П.* Восстание масс и свобода // Там же. Т. 7. М.: Sam & Sam, 2014. С. 64–65.

¹² *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Сб.: Пер. с исп. М.: ВСТ, 2002. С. 108.

тивную даже для первой половины XX в., фигуру буржуа. Именно в ней мыслитель видит носителя негативной свободы, которая позволяет пресечь посягательства на личность как со стороны социально-политических институтов, так и со стороны других индивидуальных субъектов¹³.

Весьма важным сюжетом, требующим внимания, на наш взгляд, является «порча буржуа». Для нас это имеет значение, так как аргументация Г.П. Федотова этой «порчи» строится с позиций радикальной критики материализма, секуляризации, научного прогресса и просвещения в целом¹⁴. Атеистический разрыв с христианской антропологией подрывает бытийственный корень человека¹⁵, что приводит к низведению фигуры другого и открывает путь к использованию человека в качестве средства. Все это делает невозможным защиту свободы личности только на буржуазных началах¹⁶.

II

Из приведенной выше реакционной критики Г.П. Федотова мы можем выделить два ведущих аспекта. Первый – индивидуальный субъект как ценность, что приводит к негативной оценке различных радикальных (революционных) попыток нарушить целостность личности как таковой. Второй аспект – христианство, но не просто христианство как религия в некоем абстрактном понимании, а христианство в связке с индивидуальным субъектом. Вследствие этого необходимо подробнее остановиться на христианской антропологии Г.П. Федотова.

Уже в первом номере журнала «Новый Град», одним из основателей которого был Г.П. Федотов, мы видим четко обозначенную позицию, согласно которой личность объявляется наивысшей ценностью¹⁷. Анализ же статей 1930-х гг. («Эсхатология и культура», «Социальный вопрос и свобода», «Христианин в революции» и др.) и 1940-х гг. («Рождение свободы», «Россия и свобода», «Запад и СССР» и ряд других) лишь укрепляет подобного рода воззрение.

¹³ Федотов Г.П. Социальный вопрос и свобода... С. 212–213.

¹⁴ Федотов Г.П. Наша демократия // Там же. Т. 5. С. 257.

¹⁵ Федотов Г.П. Рождение свободы // Там же. Т. 9. М.: Мартис, 2004. С. 112.

¹⁶ Федотов Г.П.. О свободе формальной и реальной // Там же. Т. 5. С. 270.

¹⁷ Редакция... С. 6.

Центральным же аспектом в философской антропологии Г.П. Федотова оказывается принципиальная двойственность человека и исходящий из этой дихотомии динамизм. Аналогичные размышления безусловно близки персонализму Ж. Лакруа¹⁸. Личность оказывается укорененной в мире, она имманентна и находится в постоянном диалоге с другими, однако в то же самое время личность трансцендентна миру за счет своих отношений с Богом.

Предназначение человека в такой конструкции – это спастись, вернувшись к Богу, что весьма типично для христианской антропологии. Путь спасения же происходит в мире материи, в имманентном. Ключевым здесь оказывается свобода, поскольку сам Бог создает человека свободным по образу своему¹⁹. Подобный ход рассуждений приводит Г.П. Федотова к размежеванию человеческого и природного, поскольку в мире биологического, где «господствуют железные законы» и «все до конца обусловлено необходимостью», нет места свободе²⁰. Однако это движение от мира «инстинктов» ведет к миру социальному, который и становится местом активной свободной деятельности человека. Таким образом, преодоление разрыва с Богом возможно для человека лишь в качестве динамичного субъекта, конструирующего «ткань» истории, «ткань» социального²¹.

Существенным здесь оказывается и отказ от провиденциализма, ведь именно человек как творец истории всегда делает нравственный выбор, который может и не привести к спасению. Как указывает сам Г.П. Федотов в своих историософских построениях, он опирался на идеи Августина о двух градах. Исторический процесс представлен как противостояние двух полюсов: доброго и злого. Финал же этого противоборства не предопределен и может привести как к наступлению Царства Небесного, так и к выпадению в небытие, т. е. смерти²².

Реализация эсхатологического плана (спасение человека) в такой модели идет не по прогрессистской восходящей линии «осознания необходимости», а по трагическим изломам борьбы личности, церкви, государства друг с другом. Сам Г.П. Федотов

¹⁸ Лакруа Ж. Избранное: Персонализм / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, В.М. Володина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 98–99.

¹⁹ Федотов Г.П. Рождение свободы... С. 110.

²⁰ Там же. С. 97.

²¹ Федотов Г.П. Эсхатология и культура // Там же. Т. 7. С. 224.

²² Федотов Г.П. Правда побежденных // Там же. М.: Sam & Sam, 2012. С. 329–330.

характеризовал свой взгляд на движение исторического процесса – теологией, отказавшейся от всеобщего спасения, направленной на соби́рания остатка, верного Богу²³.

Таким образом, человек, оказавшись оторванным от Бога в мире материальном, может действовать, а следовательно, и спастись лишь в рамках имманентного. Однако его активность обязана быть свободной, что может обеспечить лишь социальная сфера. Агентом же такой деятельности не может быть никакой коллективный субъект, поскольку лишь человек непосредственно в своей индивидуальности способен на свободную творческую деятельность, лишь благодаря которой и возможно вновь воссоединиться с Богом.

III

Начиная разговор об отчуждении, вполне будет оправданным найти параллели в вышеизложенной историко-философской концепции Г.П. Федотова с идеей Гегеля о становлении предметного мира как одного из этапов на пути движения Абсолюта к самому себе²⁴. Однако при внимательном взгляде лишь на сферу социального, в которой человек совершает свое движение к спасению, заметим уже иное отчуждение, которое было описано Марксом в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Ключевым звеном здесь оказывается труд. Это первая точка соприкосновения с антропологией Г.П. Федотова. Как весьма точно указала в своей статье отечественный исследователь А.В. Чернышева, человек в результате своего грехопадения обречен на труд, так как это – единственный путь к освобождению [Чернышева 2018, с. 4–6]. Именно отчуждение труда становится препятствием, стоящим на пути преодоления греховности и построения Царства Божьего.

Не всякий труд и не всякий результат этого труда имеет связь с положительным эсхатологическим исходом для человека²⁵. Описывая типы культурософских рефлексий Г.П. Федотова, отечественный специалист по русской философской мысли первой половины XX в. В.И. Савинцев выделяет противопоставление культуры (мира духа) и цивилизации (мира вещей и утилитарно-прагматич-

²³ *Федотов Г.П.* Движение и современность // Там же. Т. 4. С. 252.

²⁴ *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. IV. М.: Изд-во социально-экономич. лит., 1959. С. 432–434.

²⁵ *Федотов Г.П.* Движение и современность... С. 251–252.

ных отношений) [Савинцев 2012, с. 134]. Главным же локомотивом последнего выступает капитализм²⁶. В связи с этим будет уместным обратиться к работе К. Маркса, чтобы обозначить точки соприкосновения.

В первую очередь, это отчуждение работника от своего же труда и потеря им самого себя через становление лишь частью некоего другого:

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций... а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным²⁷.

А как было изложено выше, Г.П. Федотов исключал всякую возможность свободного действия в парадигме биологического (там действуют железные законы инстинктов и борьбы за выживание). Таким образом, мы сталкиваемся уже с другим отчуждением, отчуждением от родовой сущности. И если понимание родовой сущности в христианской антропологии Г.П. Федотова все же отличается от материализма К. Маркса, функционально же, в обоих случаях, это оказывается свободная творческая деятельность человека по переустройству предметного мира.

Основой капитализма является техника, идущая в неразрывной смычке с тотальной организацией. Эта техническая цивилизация капиталистического потока поглощает индивидуальную личность²⁸. Подлинная сущность человека подменяется искусственной, где он вписывается в некую сверхличность, становясь сам лишь вещью, выступающей в роли функции или же средства, что безусловно недопустимо для Г.П. Федотова.

Как несложно заметить, именно с этих позиций, строящихся на логике левой повестки (отчуждения, эксплуатации и т. п.) исходит реакционная (правая) критика мыслителя (см. выше). Однако весьма существенным здесь является преодоление еще одной формы отчуждения – отчуждения человека от человека. Борьба с эгоизмом буржуа (см. выше) может быть успешна лишь в социально ориентированном обществе.

²⁶ Федотов Г.П. Рождение свободы... С. 117.

²⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 564.

²⁸ Федотов Г.П. Рождение свободы... С. 117.

Спасение без другого представляется вещью невозможной, так как лишь в обществе и с помощью общества можно вернуться в лоно Божье²⁹. Г.П. Федотов находит коммунистический идеал и в христианстве, приводя пример с монашескими братствами монастырей³⁰. Такая спайка является наиболее предпочтительной, поскольку она сочетает в себе как личность, являющуюся ключевым узлом христианской антропологии, так и социальный аспект, дающий практическую возможность реализации эсхатологической цели человека.

Подобный левый уклон, при всех имеющихся реакционных тенденциях, в мысли Г.П. Федотова отмечают не только нынешние российские исследователи [Гаман 2006; Иванов 2008; Нижников 2013], но и современники философа-эмигранта. На страницах своего журнала М.В. Вишняк неоднократно обрушивался с критикой на публицистику Г.П. Федотова, в которой редактор «Современных записок» видел оправдание большевизма³¹. И даже по прошествии многих лет в своих воспоминаниях М.В. Вишняк по-прежнему остался при своем мнении³². Подобного рода наблюдения встречаются и у соратника Г.П. Федотова по журналу «Новый Град» Ф.А. Степуна³³.

Примечательной здесь является полемика с правым крылом русской эмиграции, начавшаяся со статьи «Пассионария» (1936), в которой наш автор выразил решительную поддержку антифашистским силам на фронтах гражданской войны в Испании³⁴. Это послужило сигналом к травле Г.П. Федотова со стороны монархических кругов [Бычков 1996, с. 33]. Стоит также отметить последующие статьи, опубликованные в журнале «Новая Россия» – «Февраль и октябрь» (1937, № 23) и «Торопитесь!» (1939, № 59).

В последней статье Г.П. Федотов, дав анализ сложившейся ситуации в СССР в конце 1930-х гг., указал на острую необходи-

²⁹ *Федотов Г.П.* Христианин в революции // *Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. С. 277–278.*

³⁰ *Федотов Г.П.* Национализм // Там же. Т. 4. С. 260.

³¹ *Вишняк М.В.* О судьбах России // *Современные записки. 1931. № XLVI; Он же.* Что есть победа? // Там же. 1933. № LI; *Он же.* Штыки и «мистика» // Там же. 1935. № LVII.

³² *Вишняк М.В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. Блумингтон: Индианский университет, 1957. С. 246–247.

³³ *Степун Ф.А.* Г.П. Федотов // *Степун Ф.А. Соч. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 755–756.*

³⁴ *Федотов Г.П.* Пассионария // *Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Sam & Sam, 2014. С. 46.*

мость свержения диктатуры И. Сталина и формирования нового госаппарата, в том числе из рабоче-крестьянской интеллигенции³⁵. Эта статья вызвала бурю негодования в реакционных эмигрантских кругах. Уже в февральском номере газеты «Возрождение» вышла статья Ю. Семенова, в которой он обрушивался с критикой на «профессора православного Богословского Института» (Г.П. Федотов с 1926 по 1940 г. был профессором Свято-Сергиевского православного богословского института) за моральное оправдание марксизма в целом и большевизма в частности³⁶.

Заключение

Христианская антропология в истолковании Г.П. Федотова оказывается источником как правой реакционной логики, так и левой интенции, стремящейся к освобождению субъекта. Понимание этого весьма неоднозначного сочетания двух разнонаправленных векторов дает феномен отчуждения. Благодаря ему мы можем отметить в работах Г.П. Федотова преодоление не только объективации и предметности мира, но и преодоление отчуждения в марксистском понимании, которое неизбежно встречается на пути реализации эсхатологического плана.

Левый вектор выражает стремление к реализации спасения через творческое строительство социального и в социальном. Правый консервативный вектор, напротив, концентрирует внимание не на положительной программе реализации пути к Богу, а на тех негативных факторах, с которыми встречается человек в лице коллективных сущностей, будь то социальные институты или же общественные идеологии.

Источники

Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Блумингтон: Индианский университет, 1957. 338 с.

Вишняк М.В. О судьбах России // Современные записки. 1931. № 46. С. 428–457.

Вишняк М.В. Что есть победа? // Современные записки. 1933. № 51. С. 386–397.

Вишняк М.В. Штыки и «мистика» // Современные записки. 1935. № 57. С. 330–340.

³⁵ *Федотов Г.П.* Торопитесь! // Там же. С. 265–267.

³⁶ *Семенов Ю.* Против «сатанинского нашествия» // Возрождение. 1939. 3 февр. № 4169.

- Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. IV. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 440 с.
- Лакруа Ж.* Избранное: Персонализм / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, В.М. Володина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 608 с.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. VIII, 689 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Сб.: Пер. с исп. М.: ВСТ, 2002. 509, [3] с. Редакция // Новый Град. 1931. № 1. С. 3–7.
- Семенов Ю.* Против «сатанинского нашествия» // Возрождение. 1939. 3 февр. № 4169. С. 1.
- Степун Ф.А.* Г.П. Федотов // Степун Ф.А. Соч. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1000 с.
- Федотов Г.П.* Запад и СССР // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Мартис, 2004. 383 с.
- Федотов Г.П.* Между двух войн // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Мартис, 2004. 383 с.
- Федотов Г.П.* Рождение свободы // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Мартис, 2004. 383 с.
- Федотов Г.П.* И есть, и будет // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.
- Федотов Г.П.* Наша демократия // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.
- Федотов Г.П.* О свободе // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.
- Федотов Г.П.* О свободе формальной и реальной // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.
- Федотов Г.П.* Социальный вопрос и свобода // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.
- Федотов Г.П.* Христианин в революции // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.
- Федотов Г.П.* Движение и современность // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М.: Sam & Sam, 2012. 480 с.
- Федотов Г.П.* Национализм // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М.: Sam & Sam, 2012. 480 с.
- Федотов Г.П.* Правда побежденных // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М.: Sam & Sam, 2012. 480 с.
- Федотов Г.П.* Новый идол // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 6. М.: Sam & Sam, 2013. 504 с.
- Федотов Г.П.* Восстание масс и свобода // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Sam & Sam, 2014. 488 с.
- Федотов Г.П.* Пассионария // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Sam & Sam, 2014. 488 с.

- Федотов Г.П. Торопитесь! // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Sam & Sam, 2014. 488 с.
- Федотов Г.П. Эсхатология и культура // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Sam & Sam, 2014. 488 с.

Литература

- Антощенко 2017 – Антощенко А.В. Размышления Г.П. Федотова о Февральской революции в России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 7–13.
- Бычков 1996 – Бычков С.С. Георгий Петрович Федотов (биографический очерк) // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Мартис, 1996. 349 с.
- Гаман 2006 – Гаман Л.А. Некоторые аспекты интерпретации Г.П. Федотовым русской революции 1917 года // Вестник Томского гос. пед. университета. 2006. № 1 (52). С. 69–75.
- Иванов 2008 – Иванов С.С. О национальных путях формирования христианского социализма; Ш. Пеги и Г.П. Федотов // Вестник Поволжского института управления. 2008. № 2 (15). С. 139–148.
- Киселев 2004 – Киселев А.Ф. Страна грёз Георгия Федотова (размышления о России и революции). М.: Логос, 2004. 324 с.
- Магун 2008 – Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 416 с.
- Нижников 2013 – Нижников С.А. Формирование и развитие новгородской идеологии Г.П. Федотова // Соловьевские исследования. 2013. № 3 (39). С. 114–128.
- Ноговицин 2019 – Ноговицин О.Н. Марксистский революционный мессианизм и антимессианизм консервативный в социально-политической мысли России начала XX века: богостроители и В.В. Розанов // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 11–26.
- Савинцев 2012 – Савинцев В.И. Типологическая характеристика культуры в философии Г.П. Федотова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 12. С. 131–138.
- Тесля 2021 – Тесля А.А. От выпускающего редактора // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 2. С. 9–10.
- Чернышева 2018 – Чернышева А.В. Г.П. Федотов о культуре в человеческой и эсхатологической перспективе // Гуманитарный вестник. 2018. № 2. С. 1–11.

References

- Antoshchenko, A.V. (2017), “George Fedotov’s reflections on the February Revolution in Russia”, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, no. 1 (162), pp. 7–13.

- Bychkov, S.S. (1996), "Georgy Petrovich Fedotov (biographical essay)", Fedotov G.P. *Sobranie sochinenii v 12 tomakh* [Collected works in 12 volumes], vol. 1, Martis, Moscow, Russia, pp. 5–50.
- Chernysheva, A.V. (2018), "G.P. Fedotov on culture in the human and eschatological perspective", *Humanities Bulletin*, no. 2, pp. 1–11.
- Gaman, L.A. (2006), "Russian Revolution in Interpretation by G.P. Fedotov. Some Aspects of the Issue", *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 1 (52), pp. 69–75.
- Ivanov, S.S. (2008), "On national ways of formation of Christian Socialism. Ch. Péguy and G.P. Fedotov", *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, no. 2 (15), pp. 139–148.
- Kiselev, A.F. (2004), *Strana gryoz Georgiya Fedotova (razmyshleniya o Rossii i revolyucii)* [Land of dreams by Georgy Fedotov (reflections on Russia and the revolution)], Logos, Moscow, Russia.
- Magun, A.V. (2008), *Otritel'naya revolyuciya: k dekonstrukcii politicheskogo sub'yekta* [Negative revolution. On the deconstruction of the political subject], Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia.
- Nizhnikov, S.A. (2013), "Formation and development of G.P. Fedotov's Novograd scoy ideology", *Solovyov Studies*, no. 3 (39), pp. 114–128.
- Nogovitsin, O.N. (2019), "Marxist revolutionary messianism and conservative anti-messianism in the social and political thought of Russia in the beginning of the 20th century. The God-builders and V.V. Rozanov", *Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, no. 2 (6), pp. 11–26.
- Savintsev, V.I. (2012), "The typological characteristics of culture in G.P. Fedotov's philosophy", *IKBFU's Vestnik*, no. 12, pp. 131–138.
- Teslya, A.A. (2021), "From the issuing editor", *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 5, no. 2, pp. 9–10.

Информация об авторе

Павел А. Домнинский, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; paweldomninski@gmail.com

Information about the author

Pavel A. Domninskii, postgraduate student, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia; bld. 5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, Russia, 199034; paweldomninski@gmail.com

Онейрический символизм
и мультиполярная субъективность
в феноменологической онтологии
М. Мерло-Понти

Глеб И. Демин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, demin94@gmail.com*

Аннотация. В лекционном курсе 1954–1955 гг., посвященном проблеме «пассивности» в феноменологической философии, М. Мерло-Понти уделяет много внимания «бессознательному» как «открытию Фрейда». Подходы к бессознательному философ находит, анализируя феномены сновидения, памяти и др. на материале описаний З. Фрейда и предлагая собственную терминологию и интерпретации психоаналитических наблюдений. Мерло-Понти ставит перед собой задачу преодолеть ограниченность оригинальных прочтений психоаналитического открытия, обусловленную, среди прочего, опорой теоретических моделей Фрейда на классическую картезианскую концепцию субъективности. В статье мы рассмотрим теорию «онейрического символизма»: области «мифического» смыслопроизводства, само феноменальное бытие которого – на границе между бессознательным и сознанием, активностью и пассивностью, субъектом и миром – подталкивает Мерло-Понти к пересмотру классических онтологических моделей. Мы покажем, для решения каких фундаментальных проблем феноменологической онтологии Мерло-Понти привлекает концепцию «онейрического символизма», к каким выводам ему удастся прийти с ее помощью, а также кратко охарактеризуем взаимное отношение моделей субъективности, предлагаемых феноменологической онтологией и психоанализом Фрейда.

Ключевые слова: бессознательное, феноменологическая онтология, символизм, сновидение, онейризм, хиазм, пассивность, Мерло-Понти, Фрейд

Для цитирования: Демин Г. Онейрический символизм и мультиполярная субъективность в феноменологической онтологии М. Мерло-Понти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 60–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-60-75

Oneiric symbolism and multipolar subjectivity in M. Merleau-Ponty's phenomenological ontology

Gleb I. Demin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
demin94@gmail.com*

Abstract. In the lecture course of 1954–1955, dealing with the issue of “passivity” in phenomenological philosophy, M. Merleau-Ponty pays much attention to the “unconscious” as “Freud’s discovery”. The philosopher finds approaches to the unconscious by analysing the phenomena of dreaming, memory, etc. on the basis of Freud’s descriptions and offering his own terminology and interpretations of psychoanalytic observations. Merleau-Ponty sets out to overcome the limitations of the original readings of psychoanalytic discovery due, among other things, to the reliance of Freud’s theoretical models on the classical Cartesian concept of subjectivity. In this article, we will consider the theory of “oneiric symbolism”: an area of “mythical” sense-formation, which very phenomenal existence – at the boundary between unconscious and consciousness, activity and passivity, subject and world – pushes Merleau-Ponty to revise classical ontological models. We will show for what fundamental issues of phenomenological ontology Merleau-Ponty uses the concept of “oneiric symbolism” and what conclusions he manages to reach with its help, and briefly characterise the mutual relation between the models of subjectivity offered by phenomenological ontology and Freudian psychoanalysis.

Keywords: unconscious, phenomenological ontology, symbolism, dream, oneirism, chiasm, passivity, Merleau-Ponty, Freud

For citation: Demin, G. (2024), “Oneiric symbolism and multipolar subjectivity in M. Merleau-Ponty’s phenomenological ontology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 60–75, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-60-75

Введение

Во второй части лекционного курса 1956–1958, 1959–1960 гг., посвященного понятию «природы» в истории мысли¹, М. Мерло-Понти, рассматривая столкновение финализма и функционализма –

¹ *Merleau-Ponty M.* The Concept of Nature, 1957–1958: Animality, the Human Body, and the Passage to Culture // *Merleau-Ponty M.* Nature. Course Notes from the Collège de France. Evanston: Northwestern University Press, 2003. P. 123–190.

двух противопоставленных объяснительных моделей развития организма, – формулирует свой собственный философский ход в отношении рассматриваемой проблемы:

Рассматривая живой организм, мы не должны ни «платонизировать», ни «аристотелианизировать», удваивая реальность, предстоящую нашему взору, и не разрешая при этом проблемы. Будущее организма не существует в качестве совокупности его потенций, сложенных у истока его органической жизни, словно в скорлупке. <...> Необходимо избежать двоякой ошибки, когда, располагая феномен позитивного принципа (идеи, сущности, энтелехии) позади нас, мы упускаем целостность регулятивного принципа. Необходимо разместить в организме принцип, который будет негативным или будет основан на отсутствии. Мы можем сказать, что каждый момент собственной истории животного пустует в отношении того, что ему последует – пустота, которая будет восполнена позже. Всякий момент настоящего находит поддержку в будущем, которое больше любого будущего².

В этом пассаже находит свое выражение ход мысли, характерный для Мерло-Понти и представляющий особого рода «триангуляцию»: берутся две точки отсчета (в цитате выше это аристотелианский финализм, полагающий «целевую» причину первичной в отношении к развитию организма, и механицизм, отрицающий целиком телеологический характер развития организма) – и далее на основе последовательной критики обеих сторон оппозиции предлагается третий путь, призванный преодолеть саму онтологическую ситуацию, в которой дихотомическое противоречие интерпретаций мыслилось неизбежным.

В рассмотрении развития организма ключом к переходу в новую парадигму служит для Мерло-Понти понятие «поведения», которое он вычитывает из современных ему работ таких теоретиков развития, как А. Гезелл и Д. Когилл³, а также концепция «жизненного мира» (*Umwelt*), введенная в теоретический оборот Я. Иксюлем. Поведение организма, взятое в качестве феномена, присущего целостности, тотальности бытия его развитой формы (в рассматриваемых работах речь идет о развитии аксолотля, личиночной формы земноводных из семейства амбистомовых), как указывает философ, не может быть сведено ни к «простому архитектурному эффекту»⁴, производимому телеологически устремленным

² *Merleau-Ponty M.* Op. cit. P. 155.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 151.

организмом в процессе реализации очередного внутримирного целеполагания («финализм»), ни к «снопу функций» организма как совокупности биологических механизмов, действующих строго в рамках развертывания внутренней телеологии собственного устройства, без всяких целей и отношения к миру («механицизм»).

Согласно Мерло-Понти, понимание проблемы развития, к которому подталкивает концепция «поведения», предполагает такую модель, в которой

...в угоду инициативе, эндогенной организму, последний намечает собственное будущее, формируя набросок собственного «жизненного мира» (*Umwelt*); он [набросок] содержит в себе проект, с которым будет соотнесено целое его [организма] жизни⁵.

Речь идет о модели, принципиальной особенностью которой выступает взаимовключенность и взаимопереплетенность двух сторон предшествующей оппозиции, в данном случае механицизма и финализма: в то время, как различные ткани, органы и системы демонстрируют «эндогенную инициативу», в своем функционировании они оказываются приспособлены в соответствии с проектом собственного *Umwelt* организма; поведение аксолотля формирует набросок мира, который организму суждено будет населить и освоить.

Переосмысление проблемы развития организма посредством критики устоявшихся моделей понимания причинности («финализм» и «механицизм»), предложенное Мерло-Понти, продолжает линию размышлений о преодолении принципиальных ограничений так называемой «аристотелевско-картезианской» онтологии – одну из центральных тем поздних работ философа. Позже, в посмертно опубликованном «Видимом и невидимом»⁶, над оригинальным текстом которого Мерло-Понти работал в 1958–1959 гг., онтологический и эпистемологический прием, позволяющий осуществить субверсию традиционной постановки вопроса о причинности, будет связываться с известным понятием «хиазма» и теми перспективами, которые «хиазматическое», не-наивное к условностям и принципиальным ограничениям «картезианской онтологии» мышление открывает перед философом⁷. Принципиальная новизна позднего проекта феноменологической онтологии проявляется в пересмотре модели отношения субъекта и мира: на смену контрарному противо-

⁵ Ibid.

⁶ *Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible*. Evanston: Northwestern University Press, 1968. 282 p.

⁷ См.: [Fóti 2009].

поставлению, характерному, по мысли Мерло-Понти, в том числе и для феноменологического проекта Э. Гуссерля, приходит концепция взаимовключенного, переплетенного со-бытия⁸, где специфическое взаимодействие полярностей оказывается первично и конститутивно в отношении существования каждого из полюсов.

В современных исследованиях предпринимаются попытки продемонстрировать, как тема перехода от «картезианской» к «хизматической» онтологии обнаруживает себя уже в ранних работах Мерло-Понти, таких как «Структура поведения» [Muller 2017]. В нашей статье мы обратимся к материалам более позднего, но гораздо менее освоенного как в отечественной, так и в зарубежной литературе лекционного курса Мерло-Понти, посвященного проблеме «пассивности» в феноменологической философии⁹. Мы покажем, как в работе над текстами З. Фрейда, посвященными исследованию феномена сновидения, Мерло-Понти разрабатывает оригинальную концепцию «онейрического символизма»: области «мифического» смыслопроизводства, само феноменальное бытие которого – на границе между бессознательным и сознанием, активностью и пассивностью, субъектом и миром – подталкивает философа к выработке оригинальных онтологических моделей, которые в дальнейшем лягут в основу позднейшего проекта феноменологической онтологии.

Сон и сновидение

Прежде чем перейти к обсуждению темы сновидения, Мерло-Понти ставит вопрос о состоянии сна как таковом: «Что значит для сознания – спать? Как возможен сон?»¹⁰. Мерло-Понти отвергает теорию сна как телесного факта и предлагает рассматривать сон в качестве поведения, причем поведения интенционального: «2) Сон как поведение – значение предстоит отыскать, исследуя его интенции»¹¹. Мерло-Понти исследует интенции сновидения, сравнивая пробужденное и спящее сознание на материале описаний Ж.-П. Сартра¹².

⁸ *Entrelacement*. См.: [Lawlor 2002].

⁹ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity: Sleep, The Unconscious, Memory // Merleau-Ponty M. Institution and Passivity: Course Notes from the Collège de France (1954–1955)*. Evanston: Northwestern University Press, 2010. 310 p.

¹⁰ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity*. P. 138.

¹¹ *Ibid.* P. 139.

¹² *Sartre J.-P. L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination*. Paris: Gallimard, 1940. 246 p.

Тезисно изложим те выводы, к которым приходит философ. Во-первых, отход ко сну необходимо рассматривать в качестве акта, обладающего характером активного приведения пассивности в действие:

Когда я ложусь [спать], я что-то делаю, я не просто жду сна, но отдаю себя сну – попустительство. Но я не вызываю собственного засыпания; намерение спать препятствует засыпанию. <...> Я призываю сон, но это он приходит ко мне¹³.

Отношение волевого намерения со стороны Я и сна, который в конечном счете является тем, что приходит или отказывается приходить, по мысли Мерло-Понти, конституирует модель именно того отношения «латеральной пассивности»¹⁴, которое составляет предмет его рассмотрения на протяжении всего курса. Акт «попустительства» Мерло-Понти сравнивает с актом сексуального соблазнения, где тот, кого соблазняют, будет активен лишь постольку, поскольку он сам оказывается пассивно захвачен чарами соблазнителя¹⁵. Речь идет не о подчинении другому, но и не об исполнении собственного решения в качестве проекта, чье будущее заранее определено и приводится в исполнение со стороны активного Я: случается не то, что было решено, но то, чему было позволено случиться. Настоящее такого решения, согласно Мерло-Понти, – не исходная точка направленного к цели вектора, но «колыбель будущего»¹⁶, место, где для возможного открывается перспектива.

Во-вторых, акт отхода ко сну, где сон приходит в ответ на позволение со стороны активного Я, следует рассматривать как событие, в котором бодрствующее (воспринимающее) сознание позволяет

¹³ Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 142.

¹⁴ *passivité latérale*; «латеральную» пассивность Мерло-Понти противопоставляет пассивности «фронтальной». «Фронтальная пассивность» – это, в частности, пассивность субъекта, сведенного к субъекту сознания, перед лицом его «бессознательного» как совокупности его личного прошлого. Она мыслится как абсолютно определяющая его возможное будущее и настоящее, и, таким образом, целиком противопоставленная субъекту активного смыслопридания в духе трансцендентальной субъективности Гуссерля: «Пассивность никогда не фронтальна, как это [полагается в] реализме, но всегда имеет боковой характер, другими словами – субъект опознает себя продолжающим определенный *Stiftung*, определенную перспективу». См.: Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 135.

¹⁵ Ibid. P. 142.

¹⁶ Ibid.

«очаровать» себя сознанию воображающему¹⁷. Сознание, пребывающее в очарованном состоянии, утрачивает способность отделять воображаемое от реального. Реальность бодрствующего сознания с необходимостью включает в себя воображаемые элементы, выступая в качестве особого рода игры двух регистров. Воображаемая же реальность сновидения, лишенная игровой диалогичности, предстает как нечто более реальное, чем сама реальность воспринимающего бодрствования:

Сновидение – это воображающее сознание, которое верит, что его фантазм есть «крайняя точка мира», которое утратило всякий контроль со стороны реальности и для которого последняя, соответственно, «целиком на кону»¹⁸.

Мерло-Понти подчеркивает, что, с одной стороны, ничто во сне не воспринимается в качестве «реальности» даже со стороны самого сновидящего – однако именно потому, что дистанция между сновидящим и его сновидением отсутствует, сновидение выступает в качестве «псевдо-мира»¹⁹, особого рода пространства, где «всякая интенция увидеть [нечто] тут же становится видением»²⁰, что придает соответствующему феноменальному опыту характер «Судьбы, одновременно произвольной и своенравной: мы видим то, что хотим видеть»²¹.

Разделение двух типов сознания в том виде, в котором оно осмысляется Сартром, открыто признающим позитивное бытие лишь бодрствующего сознания и предписывающим воображающему сознанию характер «ложного» и «безумного» сознания, сознания «небытия» и т. п., принципиально не устраивает Мерло-Понти. Он задается вопросом, насколько мы можем вслед за Сартром мыслить различие бодрствующего и сновидящего сознания в концептуальной рамке «воспринимающего» и «воображающего» сознания, в понятиях «бытийного» сознания и сознания «ничто»²². Мерло-Понти отказывается видеть в той «фикции», которую предъявляет сознание сновидения, лишь «небытие», чистую «игру воображения»: сновидение не обладает характером «воображаемого»

¹⁷ Здесь разделение между «воспринимающим» и «воображающим» сознанием Мерло-Понти перенимает у Сартра.

¹⁸ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 144.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid. P. 146.*

мира, поскольку оно лишено какого-либо критерия проверки реальности, какого-либо «заднего плана бытия [или] восприятия»²³. Различие воспринимающего и воображающего сознания уместно там, где речь идет об объекте чувственного восприятия со стороны живого тела: объект либо будет, либо не будет наблюдаться; однако как пробужденная жизнь, так и жизнь сновидения состоит не из объектов чувственного восприятия, но из «поведений, событий, анекдотов»²⁴ – и, таким образом, ни к той ни к другой критерии «наблюдаемости–ненаблюдаемости» не могут быть применены в полной мере: «...даже в рамках пробужденного сознания мы не наблюдаем нашего собеседника прежде того, чтобы понимать, что он говорит, и отвечать ему»²⁵.

Мерло-Понти возвращается к тезису о повсеместном взаимопроникновении двух типов сознательной жизни:

Наша реальная жизнь постольку, поскольку она обращена к другим существам, уже воображаема... Таким образом, существует онейризм бодрствования, и, соответственно, квази-перцептуальный характер сновидений – мифическое²⁶.

Насколько воспринимаемый мир не является сферой истины как соответствия высказывания и вещи, воображаемый мир не является регионом лжи или обмана. Более того, сама идея соответствия в качестве критерия «бытийности» опыта неприменима к человеческому миру, по мысли Мерло-Понти. Чтобы пояснить это заключение, Мерло-Понти обращается к психоаналитическим концепциям проекции и интроекции²⁷:

Восприятие других ложно настолько же, насколько ложно воображение, в том смысле, что и то и другое есть проекция и интроекция, что они [оба] предлагают мне изображение самого себя настолько же, насколько и других, – и что в нем я также в основном вижу лишь то, что хочу [видеть]²⁸.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 147.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Проекция, интроекция // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. С. 379, 172.

²⁸ Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 147–148.

Мерло-Понти снимает оппозицию воспринимающего и воображающего сознания, определив человеческое восприятие как с необходимостью включающее воображаемые элементы, в частности – систему проекций и интроекций, а также «желание» как форму персонального схематизма редукции поля видимого.

В чем же в таком случае состоит различие бодрствующего сознания и сознания сновидения? Как ухватить природу работы того «мифического», что находит место как в воображаемом пробужденного Я, так и в сознании сновидения? Аналогично рассмотренному во введении примеру, где концепция «поведения» призывалась на помощь в преодолении дихотомии механицизма-финализма, Мерло-Понти отвечает на вызов дихотомии субъективизма-пассивизма²⁹, предлагая собственную концепцию «онейрического символизма», нацеленную на трансформацию понимания самой сути отношений бессознательного-сознания, активности-пассивности, обретающих в контексте авторской феноменологической онтологии место не противопоставленных, но взаимовключенных и «хиазматически переплетенных» полей.

Онейрический символизм

Природу этого «мифического», онейрического модуса функционирования сознания Мерло-Понти предлагает исследовать, рассматривая тему символизма сновидения. Символизм сновидения, который Сартр понимает лишь как игру фикции, лишенную подлинного характера бытия, а Фрейд, напротив, рассматривает в качестве целенаправленного обмана (плодов компромисса между давлением влечений Оно и работой «цензуры сновидения»), Мерло-Понти предлагает рассматривать в качестве особого, «импрессионального» модуса мышления³⁰.

Он разделяет сон и сновидение: первый связан с телом, для которого сон означает переход от «дифференцированного» состояния

²⁹ Пример субъективизма – классическая модель трансцендентальной субъективности Э. Гуссерля. Ярким примером «пассивизма» выступает в «Проблеме пассивности» понимание историчности субъекта со стороны вулгарного психоанализа, для которого «Я – [целиком] то, чем мое прошлое меня сотворило». См.: *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity*. P. 118.

³⁰ У Фрейда речь будет идти о различии «первичного» и «вторичного» процессов. См.: *Фрейд З. Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Фирма СТД, 2006. С. 588.*

бодрствующего тела к «дедифференцированному» состоянию тела спящего³¹, тогда как второе Мерло-Понти предлагает определить не в качестве игры свободного от оков реальности «воображающего» сознания, но как развертку такого региона, в котором доминирует символизм, причем в качестве «компромисса между активным и дедифференцированным телом»³².

Соглашаясь с идеей Фрейда, Мерло-Понти утверждает, что сновидение выступает хранителем сна и в то же время – связующим звеном, сохраняющим связь спящего дедифференцированного тела с миром, от которого оно стремится полностью отвернуться, сохраняющим мир «на дистанции». Мир для субъекта ни устраняется полностью, ни сохраняется в неизменности, но выступает как способ бытия «в расхождении» между непосредственным присутствием в мире и чистым отсутствием.

Сновидение, понятое как способ обитания «в расхождении» дифференцированного мира бодрствования и дедифференцированного мира «чистого» сна, позволяет Мерло-Понти говорить о пассивности онейрического бытия. Если кошмар в сновидении приводит к прерыванию сна, можно говорить о наличии связи между сновидением и «тревогами, драмами моей жизни»³³. Сновидение как компромисс между состоянием глубокого сна и бодрствования означает для Мерло-Понти, что речь в символизме сновидения идет не о произвольной игре свободного от оков «воображающего» *Sinnggebung*, но о двойном смещении по отношению к бодрствующему модусу сознательного функционирования: с одной стороны, наблюдается «частичное снятие барьера официальной личности, преобладание непосредственного желания, достигаемое благодаря дистанции с миром», однако, с другой стороны, можно говорить о наличии «контроля над этим желанием, которое, будучи открыто манифестировано, спровоцировало бы тревогу и пробуждение»³⁴. Против концепции Сартра, согласно которой сновидению как лишенному бытия модусу чистого «воображающего» смыслопридания присуща свобода в смысле безграничной произвольности *Sinnggebung*, Мерло-Понти выдвигает концепцию «полу-подавленного, полу-прегражденного» смыслопридания как «частичного функционирования машины означивания»³⁵. Для такого смыслопридания характерно не только всемогущество воображаемой

³¹ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 148.*

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid. P. 149.*

³⁵ *Ibid. P. 150.*

произвольности, но и бессилие – как перед лицом заранее установленных связей в ткани персонального смысла, которые не должны быть прямо обнажены, дабы не вызвать тревоги и пробуждения, так и перед лицом той работы «пролиферации смыслов», которая всякий раз направляет сновидение путями желания, исполненными риска тревоги и пробуждения.

Следуя мысли Фрейда, Мерло-Понти выделяет два «экзистенциала», которым онейрический символизм служит в своем функционировании: «1) недавние события, 2) постольку, поскольку они вторят событиям прошлого»³⁶. Такое функционирование, согласно Мерло-Понти, ограничивает регион сознательной жизни, в котором сознание перестает с необходимостью выступать в привычной феноменологической форме «сознания чего-то», вместо этого конституируя приватную сферу «мира-для-меня», прикосновением которой отмечено не только само сновидение, но и та «воображаемая» часть бодрствующей жизни, о которой ранее шла речь. Однако кто в таком случае выступает субъектом этого онейрического смыслопроизводства, объединяющего реальность и сновидение?

Мерло-Понти предлагает рассматривать не сознание, но сам «символизм» в качестве такого субъекта:

«Внутренний монолог» – предельно приблизительный способ сказать об онейризме. <...> «Безмолвная речь» представляет образование, состоящее из моих отношений с другими и их отношений между собой. Где она действует? Кто проговаривает ее? Кто сновидит? Сны нужно рассматривать как модальность жизни; в таком случае, кто живет? Символизм сновидения и жизни, общий субъект их обоих (но не сознание)³⁷.

Символизм как субъект представляет ход дегуманизации субъективности³⁸: Мерло-Понти не просто предпочитает монадической субъективности Гуссерля расщепленную субъективность Фрейда, но идет дальше, предлагая такое прочтение психоаналитических наблюдений, в котором на смену дуализму бессознательного-сознания приходит концепция многополярной, диалогической субъективности.

³⁶ *Merleau-Ponty M. Op. cit. P. 150.*

³⁷ *Ibid. P. 151–152.*

³⁸ «Выражение “антигуманистический гуманизм” может целиком характеризовать окончательную философию Мерло-Понти...» [Lawlor 2002, p. XX].

Бессознательное и мультиполярная субъективность

Мерло-Понти отмечает, что открытие Фрейда, открытие «бессознательного», часто трактуют, в контексте обсуждения темы сновидения, как открытие второго смыслового слоя или второго текста, «скрытого текста», прячущегося за фасадом «явного текста» сновидения. Согласно Мерло-Понти, в подобном прочтении находки Фрейда утрачивают свою подлинную сущность. Подобное прочтение предполагает, что герменевтика явного текста открывает для нас скрытый текст как оригинальный, как подлинный и изначальный поток мышления, субъектом которого выступает «бессознательное». Вследствие воздействия со стороны сил «цензуры», оперирующей посредством сгущения и смещения, «скрытый текст» был трансформирован в тот конечный продукт, который Я наблюдает в качестве собственного сновидения.

Мерло-Понти указывает, что это прочтение неверно. Ни скрытое, ни явное содержание сновидения не являются самодостаточными: если бы скрытый слой был действительно недоступен в явном содержании сновидения вследствие успехов цензуры, сновидение не способно было бы служить целям удовлетворения желания (основная, после охранной в отношении сна, функция сновидения, по Фрейду). Тот, кто смотрит сон, и тот, кто считывает его скрытые смыслы, должны быть одним субъектом, и этот субъект, согласно Мерло-Понти, не представляет из себя двух отдельных «инстанций» (бессознательное и Я, Оно и Эго) – но выступает в промежутке их диалога.

Символизм как субъект диалога инстанций, субъект их расхождения, субъект промежутка, который отличается от сознания как такового и служит целям удовлетворения желания, представляется Мерло-Понти тем решением проблемы бессознательного-сознания, которое позволяет избежать «демонологии бессознательного» (представления о бессознательном как о втором сознании, скрытом от непосредственной рефлексии) и не утратить при этом сущности фрейдовского открытия. Оригинальная модель субъективности, которую представляет онейрический символизм в качестве диалога инстанций, обнаруживает специфические черты собственного функционирования на страницах «Толкования сновидений». Наиболее значимой из них является мультицентричность, сверхдетерминированность всех содержаний, которые составляют ткань сновидения. Сновидение не способно ни явно утверждать, ни явно отрицать что-либо, не способно на выражение логических отношений (и, или, если – то, ...), не способно на производство речи и мысли, подобных бодрствующей речи и мышлению «от первого

лица». В то время как визуальные репрезентации будут испытывать воздействие цензуры – аффекты, как указывает Фрейд, будут присутствовать в открытом, незамаскированном виде, расходясь, таким образом, с явными содержаниями. Само сновидение будет принципиально иметь не одну, но множество подлинных и значимых интерпретаций.

В таком измерении смыслопроизводства, как указывает Мерло-Понти, становится бессмысленным искать «открытого» или «ясно выраженного», точного смысла – не потому, что это измерение является неподлинной сферой игры «воображающего» сознания, но потому, что в модели мультицентричного субъекта само понятие «ясного» как «единоначального», сводимого к единому значению, направленного на один интенциональный объект, теряет свой смысл. В «неделимом единстве»³⁹ символизма как многополярного субъекта смыслопроизводства, по меткому указанию Мерло-Понти, сексуальное (будь то в широком или в узком смысле) как один из базовых ключей к пониманию, предложенных Фрейдом, может одновременно быть сексуальным – и не быть представленным в качестве сексуального, но уже не согласно модели, в которой сексуальное выступает скрытым, подлинным смыслом явного, не-сексуального содержания – а в качестве сверх-детерминации, в соответствии с которой множество смыслов могут быть в равной степени подлинными. В таких обстоятельствах подходящим герменевтическим методом, позволяющим осуществлять толкование, выступает «герменевтическое мечтание [rêverie]»⁴⁰ над материалом сновидения – поскольку такой подход позволяет не сводить сновидение к тому или иному самотождественному высказыванию, но расслышать «систему эхо», которыми «голоса» различных смысловых уровней сновидения отзываются внутри него самого.

Прибегая к знаменитой формулировке Фрейда, в оригинале относившейся к особенностям конституирования смысла и речи в шизофрении⁴¹, Мерло-Понти указывает, что в псевдо-мире сновидческого сознания «слова “сходят за вещи”»: в то время как сами вещи сновидения как продукты работы «сгущения»⁴² представляют

³⁹ Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 154.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Фрейд З. Бессознательное (1915) // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 175.

⁴² О «сгущении» и «смещении» как базовых механизмах смыслообразования на уровне «первичного процесса» см.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Сгущение, смещение // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. С. 452, 473.

из себя материал высказываний, словесные выражения, задействованные в сновидении, могут выступать в качестве вещей (пример Мерло-Понти: сновидение англичанина, в котором фиолетовый цвет (violet) используется в качестве указания на сексуальное насилие (to violate)).

Бессознательное, специфику функционирования которого обнажает онейрический символизм, не может быть помыслено в качестве второго субъекта, второго *ego cogito*, скрывающегося в глубинах нашего существа⁴³; напротив, бессознательное как «отказ от норм бодрствующего выражения, предполагающих дистанцию⁴⁴ и категориальное мышление» будет располагаться к нам ближе, чем всякое слово и всякая вещь:

...бессознательное не удалено от нас; оно [располагается] близко, в качестве амбивалентности. <...> ...бессознательное как пульсация желания – не за нашей спиной... не позади нас, но целиком в пределах нашего поля, как до-объективное⁴⁵.

Мерло-Понти критикует дескрипции Фрейда, в которых бессознательное предстает в виде инстанции скрытого знания, отделенной от сознания работой цензуры и вытеснения, указывая, что в силу самого наличия сил вытеснения и цензуры мы не можем определить бессознательное в качестве другого сознания, ибо оно представляет собой

...то, чему я сопротивляюсь, то, о наличии чего в себе я осведомлен, в отношении чего я организую свои зоны невидимого. Сознание и бессознательное образуют одно расщепленное существо⁴⁶.

Заключение

Таким образом, уже в лекциях 1954–1955 гг., еще до появления специального терминологического аппарата позднейшего периода, Мерло-Понти с опорой на материалы наблюдений Фрейда

⁴³ Так Мерло-Понти прочитывает интерпретацию «бессознательного», данную самим Фрейдом.

⁴⁴ Имеется в виду дистанция, отделяющая друг от друга слова и вещи, наделяющая смыслом модель истины как соответствия высказывания и вещи.

⁴⁵ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 159.*

⁴⁶ *Ibid. P. 160.*

и в контексте разработки феноменологической интерпретации психоаналитического открытия предлагает модель мышления, предвосхищающую позднейшие разработки. В рамках этой модели отношения сознания и бессознательного обнаруживают характер сетевого субъекта, субъекта «онейрического символизма» как диалога, игры переключек и эхо между инстанциями, принципиально мультиполярного и эксцентричного. Регион онейрического смысла воплощения выступает той областью, где теряет смысл различение воображаемого и реального, подлинного и ложного, скрытого и явного: будучи насквозь пронизан амбивалентностью, он представляет собой ту сферу, где всякая реальность обладает собственной подлинностью, принимая участие в мультиполярных сетевых взаимоотношениях.

Благодарности

Выражаю глубокую признательность Е. Шестовой за релевантные обсуждения, помощь в редактуре и структурировании исследования.

Acknowledgements

I express my deep gratitude to E. Shestova for relevant discussions, assistance in editing and structuring the study.

Источники

- Лаплати Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
- Фрейд З. Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Фирма СТД, 2006. 682 с.
- Фрейд З. Бессознательное (1915) // Там же. С. 175.
- Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible. Evanston: Northwestern University Press, 1968. 282 p.
- Merleau-Ponty M. Nature. Course Notes from the Collège de France. Evanston: Northwestern University Press, 2003. 313 p.
- Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity: Sleep, The Unconscious, Memory // Merleau-Ponty M. Institution and Passivity: Course Notes from the Collège de France (1954–1955). Evanston: Northwestern University Press, 2010. 310 p.
- Sartre J.-P. L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris: Gallimard, 1940. 246 p.

Литература

- Fóti 2009 – Fóti V.M. Chiasm, Flesh, Figuration. Toward a Non-Positive Ontology // Merleau-Ponty and the Possibilities of Philosophy. Transforming the Tradition / Ed. by B. Flynn, W.J. Froman, R. Vallier. N.Y.: State University of New York Press, 2009. P. 183–197.
- Lawlor 2002 – Lawlor L. Verflechtung: The Triple Significance of Merleau-Ponty's Course Notes in Husserl's "The Origin of Geometry" // Husserl at the Limits of Phenomenology / Ed. by L. Lawlor, B. Bergo. Evanston: Northwestern University Press, 2002. P. XI–XLII.
- Muller 2017 – Muller R. The Logic of the Chiasm in Merleau-Ponty's Early Philosophy // Ergo, 2017. Vol. 4. No. 7. doi.org/10.3998/ergo.12405314.0004.007.

References

- Fóti, V.M. (2009), "Chiasm, Flesh, Figuration. Toward a Non-Positive Ontology", Flynn, B., Froman, W.J. and Vallie, R. (eds.), *Merleau-Ponty and the Possibilities of Philosophy. Transforming the Tradition*, State University of New York Press, New York, USA, pp. 183–197.
- Lawlor, L. (2002), "Verflechtung: The Triple Significance of Merleau-Ponty's Course Notes in Husserl's 'The Origin of Geometry' ", Lawlor, L., and Bergo, B. (eds.), *Husserl at the Limits of Phenomenology*, Northwestern University Press, Evanston, USA, pp. XI–XLII.
- Muller, R. (2017), "The Logic of the Chiasm in Merleau-Ponty's Early Philosophy", *Ergo*, vol. 4, no. 7, doi.org/10.3998/ergo.12405314.0004.007.

Информация об авторе

Глеб И. Демин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; demin94@gmail.com

Information about the author

Gleb I. Demin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; demin94@gmail.com

УДК 94:7.032(32)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-76-87

Герой под стенами крепости: к вопросу о визуальной репрезентации Рамсеса II в битве при Кадеше

Юрий С. Реунов

*Центр египтологических исследований Российской академии наук,
Москва, Россия yury.reunov@gmail.com*

Аннотация. Воздвигнутый при Рамсесе II храм Рамессеум является одним из наиболее значимых памятников египетской архитектуры времени XIX династии. На его стенах сохранились батальные сцены, иллюстрирующие последнее крупное сражение бронзового века – битву при Кадеше. Ожесточенное противостояние молодого фараона хеттам привело к подписанию первого в истории мирного договора. В египетских источниках Рамсес предстает победителем, одержавшим верх над противником благодаря личным качествам и воле богов. Сопоставление письменных свидетельств и рельефных изображений позволяет сформировать объективное видение сражения при Кадеше, его хода и результатов. Анализ источников также дает возможность выявить специфические черты египетского официального искусства, к которым относятся канонические правила передачи образа победоносного царя и используемые для этого художественные приемы. Особое внимание уделено контексту создания рельефов, а именно государственной идеологии и мировоззрению древних египтян в эпоху Нового царства.

Ключевые слова: Древний Египет, Рамсес II, Рамессеум, батальные сцены, идеология, мировоззрение

Для цитирования: Реунов Ю.С. Герой под стенами крепости: к вопросу о визуальной репрезентации Рамсеса II в битве при Кадеше // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 76–87. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-76-87

The Hero under the walls of the fortress.
On the question of the visual representation of Ramesses II
in the Battle of Kadesh

Yury S. Reunov

*Russian Academy of Sciences Centre for Egyptological Studies,
Moscow, Russia, yury.reunov@gmail.com*

Abstract. The Ramesseum temple erected under Ramesses II is one of the most significant monuments of Egyptian architecture of the XIX dynasty. Battle scenes illustrating the last major battle of the Bronze Age – the Battle of Kadesh – have been preserved on its walls. The fierce opposition of the young Pharaoh to the Hittites led to the signing of the first peace treaty in history. In Egyptian sources, Ramesses appears as a victor who prevailed over the enemy, thanks to his personal qualities and the will of the gods. The comparison of written evidence and relief images allows us to form an objective vision of the battle of Kadesh, its course and results. The analysis of sources also makes it possible to identify specific features of Egyptian official art, which include the canonical rules for the image presentation of the victorious king, as well as the artistic techniques used for that. Special attention is paid to the context of the creation of reliefs, namely, the state ideology and worldview of the ancient Egyptians in the era of the New Kingdom.

Keywords: Ancient Egypt, Ramesses II, Ramesseum, battle scenes, ideology, worldview

For citation: Reunov, Yu.S. (2024), “The Hero under the walls of the fortress. On the question of the visual representation of Ramesses II in the Battle of Kadesh”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 76–87, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-76-87

Битва при Кадеше, последнее крупное сражение бронзового века, стала важнейшим военным событием в царствование Рамсеса II. Ее итоги оказали заметное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь населявших Египет, страну хеттов и Восточное Средиземноморье народов. Сведения о сражении известны по изобразительным и письменным источникам, комплементарным друг другу. Согласно традиции фараона изображали победителем, что являлось наглядной формой проявления элементов государственной идеологии. Но действительно ли Рамсес II одержал верх над противником под Кадешем или речь идет о воплощенном в рельефах феномене государственной пропаганды, следовании древней традиции? В чем состоят

композиционные и иконографические особенности батальных сцен из Рамессеума – одного из наиболее значимых храмов эпохи Рамсеса II? Наконец, насколько соответствует описание битвы в письменных источниках ее художественно-образному воплощению на рельефах? Поиску ответов на эти вопросы посвящена настоящая работа.

Начало правления XIX династии в Египте – время восстановления страны после тяжелых экономических, политических и социальных потрясений эпохи Амарны. Пламенеющий конфликт между Эхнатоном и жречеством, подобных которому Египет прежде не ведал, разрушительным образом повлиял на государство. Крах внешней политики, разрушение торгово-экономических связей и повсеместное обнищание населения стали тем наследием, с которым надлежало совладать правителям, оказавшимся на троне после «преступника из Ахетатона». Необходимым шагом для обеспечения безопасности страны на азиатских рубежах было восстановление египетской гегемонии в Сиро-Палестинском регионе. Процветающие торговые города с развитыми ремесленными производствами, отправлявшие прежде фараону щедрую дань, были покорены хеттами или отложились от Египта, создавая для него военную угрозу, с которой приходилось считаться. Кроме того, контроль над Восточным Средиземноморьем обеспечивал правителям Нового царства дополнительную легитимность: он подкреплял их репутацию воителей, которая была необходимым компонентом идеологии царской власти после освобождения страны от гиксосов. Первых заметных успехов в восстановлении египетского влияния на Ближнем Востоке добился Сети I [Grimale 1994, p. 246], отец Рамсеса II. Ему удалось собрать сильную армию и вернуть значительную часть утраченных территорий. Короткое время правления не позволило сделать больше, однако и это стало важным шагом на пути к будущим достижениям династии.

Взошедшему на трон после смерти отца Рамсесу суждено было стать одним из наиболее известных властителей долины Нила, скульптурные изображения которого можно встретить по всей стране в количестве, заметно превосходящем изображения всех остальных царей. Его поистине долгое правление, длившееся около 67 лет [Schmidt 1973] и наполненное яркими и значимыми для страны событиями, оказалось отражено во множестве памятников. Помимо традиционных сцен, изображающих фараона делающим подношения богам или совершающим иные религиозные обряды, сцен аудиенции и награждения достойных слуг [Ершова 2019], Рамсеса II часто можно увидеть в образе воителя. Рельефные

изображения, на которых он отважно сражается с врагами Египта, составляют неотъемлемую часть художественного наследия династии Рамессидов и в числе прочего выступают ценным источником сведений о внешней политике и государственной идеологии того времени.

Битва при Кадеше хорошо освещена в источниках. Так, повествующие о ней рельефы сохранились на стенах крупнейших храмов Египта – Карнака, Луксора, Рамессеума, Абидоса и Абу-Симбела. Сражение под Кадешем является сюжетом целого ряда батальных сцен, а сопутствующие им тексты содержат дополнительную информацию о нем. Всего на стенах храмов насчитывается не менее десяти упоминаний о нем [Hassel 1998, p. 152]. Кроме того, сведения о битве при Кадеше можно обнаружить в папирусах Рефе и Салье III (подробнее об этом см.: [Панов 2019]). Значение этого события для Древнего мира было столь велико, что и по сей день среди специалистов не утихают споры о переводе проблемных мест в описывающих его текстах [Spalinger 2002, p. 324], а также о тактике и стратегии противостоящих армий [Hassel 1998, p. 155].

Необходимость восстановления контроля над Восточным Средиземноморьем стала для Рамсеса II первым по-настоящему серьезным военно-политическим вызовом, который молодой амбициозный царь не мог игнорировать. Достоинство проявить себя на поле брани означало для него не только получить заслуженный авторитет среди подданных, но и по праву занять место среди великих предков, фигуры которых в памяти народа ассоциировались с военными победами над традиционными врагами египтян – ливийцами, нубийцами и азиатами. Поэтому, едва взойдя на престол, Рамсес сразу начал подготовку к войне.

Город Кадеш на реке Оронт представлял собой достойную цель грядущей военной кампании. Эта расположенная в Сирии крепость была богата и известна, а власть над ней позволяла контролировать важные торговые маршруты, связывавшие Ближний Восток с другими регионами Древнего мира. Как это обыкновенно бывало в подобных случаях, после смерти Сети I местный князь отказался от вассальных по отношению к Египту обязательств и продемонстрировал лояльность державе хеттов [Hassel 1998, p. 152; Goedicke 1966, p. 72]. Следовательно, необходимо было напомнить местным правителям о египетском могуществе и не допустить расширения хеттской сферы влияния дальше на юг. Египет начал подготовку к большой войне.

Уже в первые годы правления Рамсес II осуществил ряд походов, создавая своей армии плацдарм для покорения Кадеша подобно тому, как это делали его предки Рамсес I и Сети I

[Murnane 1990]. Основу египетского войска, насчитывавшего около 20 000 солдат, составляли пехотинцы, а небольшая и самая боеспособная его часть была представлена колесницами [Goedicke 1966, p. 72]. Также к армии фараона должны были присоединиться наемники – пираты-шердены («народы моря»), которые веками занимались морским разбоем и в этой войне встали на сторону Рамсеса. В структурно-организационном плане египетские силы были разделены на четыре корпуса, названных в честь богов. Первый, носящий имя Амона, возглавлял непосредственно царь. Выдвинувшись из Египта, этот корпус миновал город Джахи (о локализации крепости см.: [Helck 1962, s. 274; Gardiner 1947, p. 145]) и стал лагерем. Там все отряды должны были соединиться, чтобы затем приступить к осаде расположенного неподалеку Кадеша. Однако вскоре выяснилось, что хеттский царь Муваталли II прибегнул к военной хитрости, которая едва не стоила Рамсесу жизни. Навстречу египетской армии были посланы верные хеттам лазутчики-шасу (бедуины), которые дезинформировали противника, сообщив ложные сведения о местонахождении основных сил врага. Спокойный за положение дел, Рамсес дожидаясь в лагере оставшиеся позади части своего войска.

На следующий за корпусом Амона корпус Ра неожиданно напали две с половиной тысячи вражеских колесниц. Очевидно, египтян застали врасплох, потому как они не сумели оказать противнику должное сопротивление. Тяжелые хеттские колесницы, экипаж которых составляли сразу три воина (в отличие от двух в армии фараона), были грозной силой, крайне эффективной на равнинной местности. Рассеяв корпус Ра, слуги Муваталли направились к лагерю Рамсеса. Он тем временем узнал истинное положение дел: тридцатитысячная армия хеттов стояла совсем близко, по другую сторону от Кадеша. Вскоре вражеские колесницы и пехота напали на египетский лагерь, посеяв в нем хаос и разруху.

От полной катастрофы Рамсеса спасло то, что хетты начали грабить египетский лагерь, не преодолев полностью сопротивление противника. Это дало фараону возможность отправить гонцов к отступающим частям, чтобы поторопить их, а также позволило, насколько возможно, организовать оборону. Перевес был на стороне хеттов, и в какой-то момент Рамсес взмолился Амону, прося помощи. Бог ответил ему, пообещав поддержку, и вскоре появились шердены. Они присоединились к силам фараона, вместе с ними отбили атаку хеттов и фактически спасли ему жизнь.

Рамсесу удалось наконец собрать воедино войско, однако для осады Кадеша имеющихся возможностей было недостаточно. Понимая это, он отвел армию на юг, в район современного Да-

маска, а затем вернулся в Египет. В последующие годы случались небольшие стычки с хеттами, однако значимых сражений больше не было. В царстве хеттов начались междоусобицы, обусловленные конфликтом в правящей семье, и угроза с севера для египтян себя исчерпала. А на четырнадцатый год после битвы при Кадеше был заключен первый в истории мирный договор, текст которого сохранился как в египетских, так и в хеттских источниках. В нем были утверждены границы сфер влияния двух великих держав, в результате чего большая часть территорий к югу от крепости снова попала в зависимость от Египта. Более того, в договоре даже приведены обязательства по оказанию помощи в случае нападения на одну из сторон.

Такова история битвы при Кадеше, переданная с небольшими расхождениями в египетских письменных источниках. Их анализ позволяет усомниться в официальной версии итогов Сирийской кампании, согласно которой Рамсес II одержал безоговорочную победу над хеттами. Кадеш так и не стал египетским, оставшись под властью хеттов. Но было бы несомненным упрощением утверждать, что Рамсесу не удалось добиться успеха в этой кампании. Он достиг главного – обеспечил безопасность внешних границ, заново подчинив богатые города Сиро-Палестинского региона. Египтяне остановили экспансию хеттов и продолжили получать дань от правителей покоренных земель. На эти средства возводили и украшали храмы, на стенах которых художники оставляли красочные рельефы, повествующие о коварстве врагов и побеждающем их отважном царе. Каким же предстает Рамсес II в батальных сценах, посвященных битве при Кадеше?

На северном пилоне во втором дворе Рамессеума сохранилось одно из наиболее ярких изображений битвы при Кадеше (рис. 1). Сложное многофигурное композиционное решение раскрывало эпическую панораму древнего сражения. Можно только предполагать, сколь сильное впечатление оказывала на современников возможность увидеть на гладкой ровной выбеленной поверхности пилона разворачивающуюся во всем многообразии эпическую битву Рамсеса с бесчисленными врагами. В настоящее время рельеф обветшал и выглядит бесцветным, однако изначально все образы были тщательно раскрашены в соответствии с бытовавшими в египетском искусстве каноническими требованиями. Приведенная прорисовка не способна этого передать, однако фигура царя имеет более глубокую линию контура, что способствовало визуальному выделению образа фараона за счет светотени, образуемой яркими лучами египетского солнца.

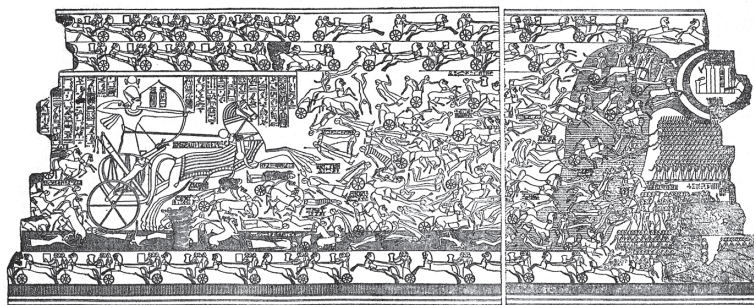

Рис. 1. Битва при Кадеше
(Рамессеум, второй двор, рельеф на северном пилоне,
прорисовка по: [Breasted 1927, p. 452])

Композиция может быть условно разделена на несколько сцен: победоносный царь на колеснице, непосредственно крепость Кадеш с ее защитниками и поле битвы между ними. Сверху и снизу размещены ритмично повторяющиеся силуэты хеттских колесниц, образующие вместе с водами Оронта своеобразный пейзажный фон. Этот рельеф передает переломный момент сражения, когда египтянам под предводительством Рамсеса удалось отбросить противника к реке. Подоспевшее подкрепление позволило войску фараона восстановить силы и свести почти проигранную битву к ничьей.

Фигура царя дана в большом размере: она значительно крупнее фигур всех остальных присутствующих персонажей. Возникновение этого художественного приема относится к концу IV – началу III тысячелетия до н. э., впервые он был использован при украшении палаток. Разномасштабность фигур служила выявлению иерархической значимости изображаемых персонажей: более важного всегда передавали крупнее остальных. Рамсес стоит на колеснице, запряженной двойкой коней. Эта деталь отражает действительность, поскольку известно, что египетские колесницы запрягались именно парой коней. Туловища и головы животных переданы единой линией контура, тогда как линии контуров их ног и хвостов повторяются, будто наложенные друг на друга. Этот прием позволял избежать нежелательного эффекта нагромождения силуэтов, который бы нарушал чистоту линейного решения, приковывая к себе внимание зрителя. Художник не забыл передать такие подробности, как наличие богатой попоны на царских конях, а также украшенную сбрую. Подобные детали могут показаться несущественными, однако они отражают специфические черты

фигуры фараона, которого традиция позволяла изображать лишь в идеальном возрасте, здоровым, окруженным роскошными вещами. Царь как живой бог был важнейшим элементом, самым ядром картины мира древних египтян, он олицетворял собой Египет [Baines 2007, p. 335]. Функция подобных рельефов, помимо прочего, была обусловлена магическим мышлением народа, в сознании которого образ, находящийся в сакральном пространстве храма, транслировался во внешний мир и имплицитно воздействовал на него [Assmann 2002, p. 247–250].

Грудь фараона украшена пекторалью, а на голове у него голубая, т. е. военная, корона, подчеркивающая контекст сцены. Царь обвязал поводья вокруг талии, чтобы освободить руки для стрельбы из лука. Такой способ управления колесницей практиковался нечасто и требовал выдающихся навыков, ибо контроль за движением колесницы существенно снижался. Известно, что египетские экипажи состояли из двух человек, возницы и стрелка, а в «Поэме Пентаура» даже названо имя возницы фараона – Менна [Spalinger 2002, p. 137]. Уместно задаться вопросом: был ли царь во время битвы действительно один на своей колеснице? В изобразительных источниках из Рамессеума, а равно и на рельефах в других храмах указаний на сопровождавшего правителя в бою возницу нет. Этому можно найти два объяснения. Во-первых, наличие рядом с Рамсесом сторонников, сражающихся с ним бок о бок, шло вразрез с целями государственной пропаганды: это умаляло бы решающий вклад царя в победу. Во-вторых, возницу в этом случае надлежало изображать стоящим рядом с господином, но в силу канонических требований масштаб его фигуры был бы значительно уменьшен, что неизбежно привело бы к пропорциональной несоразмерности композиции и, как следствие, утрате эстетической привлекательности всей сцены. Таким образом, логично предположить, что Рамсес на колеснице во время боя был все-таки не один, однако художественный язык официального искусства был заточен не на полную историческую достоверность в передаче сюжетного повествования, а на акцентирование героических функций правителя, «в одиночку» противостоящего множеству врагов и побеждающего их.

Над головой фараона художник поместил солнечный диск, фланкированный парой уреев. Культ солнечного бога Ра, соединившийся с культом Амона, играл важнейшую роль в жизни египтян эпохи Нового царства, о чем свидетельствует само имя царя: Рамсес означает «Рожденный Ра». В упомянутой выше «Поэме Пентаура» есть фрагмент, в котором фараон, окруженный хеттами, обратился к своему отцу Амону за помощью и тот пообещал ему поддержку, вслед за чем появилось подкрепление, переломившее ход сражения.

Таким образом, победа была достигнута благодаря личным качествам самого Рамсеса и воле высших сил, которую обыкновенно провозглашал в преддверии похода оракул [Spalinger 2007, p. 123]. К нему обращались перед началом военных кампаний, что указывает на специфические черты мировоззрения древних египтян – веру в сверхъестественное и предрасположенность к внешнему локусу контроля, т. е. экстернальности (по Дж. Роттеру [Rotter 1954]).

Перед кузовом колесницы художник изобразил льва фараона. Это животное также можно обнаружить на посвященных битве при Кадеше рельефах из других храмов [Wreszinski 1935, lf. 42]. Лев не только символизировал храбрость и смертоносность – необходимые качества правителя на поле боя, но и был олицетворением царской власти. Из «Поэмы Пентаура» известно, что Рамсес взял с собой в поход это животное и оно не оставило царя в тяжелый момент, подобно многим воинам, не поддавшись панике и стойко сражалось с врагами до самой победы. Здесь можно обнаружить парадокс батальных сцен, повествующих о битве при Кадеше: мы почти никогда не видим египетское войско, непосредственно противостоящее противнику, зато наблюдаем героического царя в сопровождении прирученного льва.

В средней части рельефа изображены во множестве хеттские воины. Все они в ужасе бегут от фараона, озираясь на него, и пытаются скрыться за стенами крепости. В хаосе фигур можно увидеть как пеших воинов, так и экипажи колесниц в характерных одеждах и броне. Фигуры хеттов переданы в неудобных позах, неустойчивыми и слабыми. Этот художественный прием должен был подчеркнуть контраст между величием фараона и уязвимостью его врагов. Отдельно следует упомянуть наличие иероглифических надписей рядом с некоторыми из поверженных противников, в них даны титулы и имена князей, бросивших вызов Рамсесу и не сумевших устоять перед его могуществом. Таким образом, художник стремился не просто создать выразительную батальную сцену, понять содержание которой мог бы любой смотрящий на нее человек, но и привел конкретные исторические подробности, дополняющие основное сюжетное повествование.

В правой части рельефа изображена сама крепость Кадеш, под стенами которой плотными рядами в готовности стоят ее защитники. Некоторые из них помогают своим собратьям выбраться из вод реки, другие терпеливо ждут команды. Известно, что царь хеттов Муваталли II так и не приказал основной части своего войска, пехоте, пересечь Оронт и вступить в схватку с египтянами. До конца не ясно, что стало тому причиной. Возможно, быстрый переход реки вброд был слишком опасен для тяжеловооруженных воинов

и обещал обернуться большими потерями. Может также стать, что Муваталли решил не бросать все силы в бой, пока не станет известен истинный размер армии Рамсеса, с учетом прибывающих подкреплений. Ясно лишь, что эта заминка дала возможность египтянам перехватить инициативу и отбиться от вторгшегося в лагерь противника – будто сами боги были на стороне Рамсеса.

Подводя итог, можно заметить, что такое значимое для истории Древнего Египта событие, как битва при Кадеше, передавалось двумя языками – литературным, раскрывающим повествование во времени, и живописным, передающим самые яркие, эмоционально насыщенные моменты сражения. Текстовые источники сообщают больше подробностей о предшествующих событиях, о подготовке к противостоянию, перечисляют вовлеченные в войну города и народы. Изображения же акцентируют внимание на идеологических аспектах, на которых зиждилась власть царей в Египте. Следует помнить также о том, что уровень грамотности населения в древности был низким. Это означает, что количество людей, способных прочесть хроники Кадешской кампании и проанализировать их, было невелико, тогда как язык визуального искусства был доступен широким слоям населения. Перед художниками стояла задача сообщить о прошедшем сражении, в котором символическим языком передавался образ мира древних египтян, в центре которого был фараон.

Вне зависимости от того, принимал царь участие в битве или нет, в соответствии с традицией его надлежало изображать победителем, четко указывая на то, что именно его присутствие явилось причиной победы. Но в данном случае Рамсес предстает не просто мифологической фигурой, формально участвующей в военной кампании, но непосредственным действующим лицом, на личном примере демонстрирующим необходимые воинам качества – отвагу, доблесть, стойкость и решительность. Рамсес II несомненно допустил ошибку, разделив свою армию на части и не собрав достоверные разведывательные данные о войске противника. Однако он же, оказавшись в грозящем обернуться смертью положении, показал себя самым достойным образом. Личный героизм, стойкость и божественная поддержка позволили ему дожидаться подкрепления и изменить ход сражения, обернув проигрышную ситуацию в свою пользу. Приведенные выше описание и анализ рельефа из Рамессеума позволяют заключить, что в эпоху Рамсеса II в арсенале египетских художников было достаточно инструментов, выразительных средств и вариантов композиционных решений для того, чтобы в подробностях передать образ победоносного царя, принимающего непосредственное участие в битве и побеждающего врагов.

Литература

- Ершова 2019 – *Ершова Е.С.* Иконография сцены награждения Именмипета из храма в Бейт эль-Вали // *Артикульт.* 2019. № 36 (4). С. 20–28.
- Панов 2019 – *Панов М.В.* Битва при Кадеше: Палеографические заметки к папирусу Пентаурета // *Современные исследования социальных проблем.* 2019. Т. 11. № 3. С. 65–84.
- Assmann 2002 – *Assmann J.* *The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs.* New York: Metropolitan books, Henry Holt and Company, 2002. 513 p.
- Baines 2007 – *Baines J.* *Visual and Written Culture in Ancient Egypt.* Oxford: Oxford University Press, 2007. 440 p.
- Breasted 1927 – *Breasted J.H.* *A History of Egypt from the Earliest Times to the Persian Conquest.* London: Hodder & Stoughton, 1927. 635 p.
- Gardiner 1947 – *Gardiner A.H.* *Ancient Egyptian Onomastica.* Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1947. 153 p.
- Goedicke 1966 – *Goedicke H.* Considerations on the Battle of Kadesh // *Journal of Egyptian Archaeology.* 1966. Vol. 52. P. 71–80.
- Grimal 1994 – *Grimal N.* *A History of Ancient Egypt.* Oxford: Blackwell Publishing, 1994. 520 p.
- Hassel 1998 – *Hassel M.G.* *Domination and Resistance: Egyptian military activity in Southern Levant, ca. 1300–1185 B.C.* Leiden: BRILL, 1998. 372 p.
- Helck 1962 – *Helck W.* *Die Beziehungen Agyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend vor Chr.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. 624 s.
- Murnane 1990 – *Murnane W.J.* *The Road to Kadesh: A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak.* Chicago: The Oriental Institute, 1990. 157 p.
- Rotter 1954 – *Rotter J.* *Social Learning and Clinical Psychology.* New York: Prentice-Hall, 1954. 466 p.
- Schmidt 1973 – *Schmidt J.D.* *Ramesses II. A Chronological Structure for his Reign.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 216 p.
- Spalinger 2002 – *Spalinger A.* *The Transformation of an Ancient Egyptian Narrative. P. Sallier III and the Battle of Kadesh.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 389 p.
- Spalinger 2007 – *Spalinger A.* *The Army // The Egyptian World / Ed. by Toby Wilkinson.* London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2007. P. 112–128.
- Wreszinski 1935 – *Wreszinski W.* *Atlas zur Altaegyptischen Kulturgeschichte.* Bd. II. Leipzig: Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde, 1935. 202 lf.

References

- Assmann, J. (2002), *The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs*, Metropolitan books, Henry Holt and Company, New York, USA.
- Baines, J. (2007), *Visual and Written Culture in Ancient Egypt*, Oxford University Press, Oxford, UK.

- Breasted, J.H. (1927), *A History of Egypt from the earliest times to the Persian Conquest*, Hodder & Stoughton, London, UK.
- Ershova, E.S. (2019), "Iconography of the scene of awarding Imenmipet from the temple in Beit el-Wali", *Articult*, no. 36 (4), pp. 20–28.
- Gardiner, A.H. (1947), *Ancient Egyptian Onomastica*, vol. 1, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Goedicke, H. (1966), "Considerations on the Battle of Kadesh", *Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 52, pp. 71–80.
- Grimal, N. (1994), *A History of Ancient Egypt*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.
- Hassel, M.G. (1998), *Domination and Resistance: Egyptian military activity in Southern Levant*, ca. 1300–1185 BC, BRILL, Leiden, Netherlands.
- Helck, W. (1962), *Die Beziehungen Agyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend vor Chr.*, Harrassowitz, Wiesbaden, Germany.
- Murnane, W.J. (1990), *The Road to Kadesh: A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak*, The Oriental Institute, Chicago, USA.
- Panov, M.V. (2019), "The Battle of Kadesh. Paleographic Notes on the Papyrus of Pentauret", *Modern Studies of Social Issues*, vol. 11, no. 3, pp. 65–84.
- Rotter, J. (1954), *Social Learning and Clinical Psychology*, Prentice-Hall, New York, USA.
- Schmidt, J.D. (1973), *Ramesses II. A Chronological Structure for his Reign*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Spalinger, A. (2002), *The Transformation of an Ancient Egyptian Narrative. P. Sallier III and the Battle of Kadesh*, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Spalinger, A. (2007), "The Army", Wilkinson, T. (ed.), *The Egyptian World*, Routledge, Taylor & Francis Group, London, UK, pp. 112–128.
- Wreszinski, W. (1935), *Atlas zur Altaegyptischen Kulturgeschichte*, Bd. II, Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde, Leipzig, Germany.

Информация об авторе

Юрий С. Реунов, кандидат искусствоведения, Центр египтологических исследований Российской академии наук, Москва, Россия: 119071, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 29, стр. 8; yury.reunov@gmail.com

Information about the author

Yury S. Reunov, Cand.of Sci. (Art Studies), Russian Academy of Sciences Centre for Egyptological Studies, Moscow, Russia; bldg. 8, bld. 29, Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119071; yury.reunov@gmail.com

«Ликование для царедворца»:
сцены возвращения чиновника после награждения
в системе декора древнеегипетских частных гробниц
эпохи Нового царства

Елена С. Ершова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ershova.es@rggu.ru*

Аннотация. К эпохе Нового царства относится расцвет феномена награждения придворных чиновников за верную службу, что подтверждается значительным количеством источников, а также сценами, иллюстрирующими награждение фараоном представителей знати, которые появляются в частных гробницах в правление Тутмоса IV. Однако в данной статье речь пойдет не о рельефах, иллюстрирующих процесс награждения чиновника, а о менее распространенных сценах, которые свидетельствуют о награждении чиновника. Данная статья посвящена особенностям композиции сцен возвращения чиновника после награждения, их эволюции, а также месту подобных сцен в системе росписи частных гробниц XVIII–XIX династий. В XVIII династию, особенно в амарнскую эпоху, когда сцены награждения приобретают максимальный размах, подобные сюжеты являются частью сцены, иллюстрирующей награждение чиновника, например сцена в гробнице Эйе в Ахетатоне (ТА 25). Но уже при правлении последних царей XVIII династии они становятся отдельной сценой, которая вначале появляется на стелах, например стела Ани, а потом и на стенах гробниц, например гробница Маиа (LS 27). Подобные сцены продолжают существовать в начале правления XIX династии: сцены в гробнице Именмипета (ТТ 41) и Усерхата (ТТ 51) наглядно отражают влияние амарнского стиля на искусство времени XIX династии, так как композиционно близки этим сценам. Возможно, отсутствие изображения самого награждения связано с тем, что данных чиновников не награждал лично царь, а они получали эти награды в царской сокровищнице во дворце от вышестоящих сановников. В период правления XX династии подобные сцены полностью исчезают из частных гробниц, что косвенно маркирует изменение роли чиновников при дворе, в целом понижая роль частного лица в государственных делах и вновь выводя на первый план деяния правителя, как это было в начале XVIII династии.

Ключевые слова: Древний Египет, Новое царство, сцены награждения, золото почести, награды, частные гробницы

Для цитирования: Ершова Е.С. «Ликование для царедворца»: сцены возвращения чиновника после награждения в системе декора древнеегипетских частных гробниц эпохи Нового царства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 88–105. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-88-105

“Jubilation for the court official”.
Scenes of the official’s return after being awarded
in the decoration system of private tombs dated back
to the new kingdom of Ancient Egypt

Elena S. Ershova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ershova.es@rggu.ru*

Abstract. The phenomenon of the court officials’ being awarded by the king for the loyal service had reached the highest peak of its development by the New Kingdom period as confirmed by a considerable number of sources, as well as by scenes illustrating the pharaoh’s rewarding of the nobility, which appeared in private tombs first during the reign of Thutmose IV. However, the focus of the article will not be on reliefs that illustrate the process of awarding an official, but rather on less common scenes that attest to the awarding of an official. The present article is about the features of the composition of the scenes of an official’s return after being awarded their evolution, and the place of such scenes in the system of painting private tombs of the XVIII–XIX dynasties. In the XVIII dynasty, especially in the Amarna era, when reward scenes are at their greatest, such subjects are part of a scene illustrating the awarding of an official, such as the scene in the tomb of Aye at Akhetaton (TA 25). But already during the reign of the last kings of the XVIII dynasty they become a separate scene, which first appears on stelae, such as the stela of Ani, and then on the walls of tombs, (for instance, the Tomb of Maya, LS 27). That kind of scenes continued its existence during the early period of the XIX dynasty: images in the Tomb of Amenemope (TT 41) and the Tomb of Userhat (TT 51) reflect the impact which the Amarna style had on the XIX Dynasty art because they are stylistically close to it. Probably there’s no rewarding scene exactly because those officials were not awarded by a king himself, the rewards were handed over to them by the high-ranking officials in the royal treasury of the palace. During the reign of the XX dynasty such scenes completely disappear from private tombs, indirectly marking the changing the officials’ role at the royal court, generally downgrading the role of the private individual in state affairs and bringing the deeds of the ruler back to the forefront, as was the case in the early XVIII dynasty.

Keywords: Ancient Egypt, New Kingdom, rewarding scenes, gold of honour, rewards, private tombs

For citation: Ershova, E.S. (2024), “‘Jubilation for the court official’. Scenes of the official’s return after being awarded in the decoration system of private tombs dated back to the new kingdom of Ancient Egypt”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 88–105, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-88-105

В начале XVIII династии в Древнем Египте окончательно складывается комплекс наград, называемый «золотом почести», и получают максимальное распространение сцены, иллюстрирующие процесс награждения чиновника, хотя награждения чиновников известны еще с эпохи Древнего царства. Примечательно, что в конце XVIII – начале XIX династии древнеегипетская знать хотела прославить свои заслуги не только в своих гробницах, но уже и при жизни. В это время распространяются изображения награждения или свидетельства о нем на стенах и в храмовых комплексах. «Золото почести», состоящее чаще всего из ожерелья-оплечья *Sbyw* и браслетов-*awaw*, становится не просто наградой, но символом статуса чиновника и его близости к царю.

Сцены, свидетельствующие о награждении чиновников, можно разделить на два типа: сцены, иллюстрирующие процесс награждения, и сцены, на которых чиновник предстает уже награжденным, это может быть царская аудиенция или возвращение чиновника домой после награждения. После получения в награду «золота почести» чиновники довольно часто изображают себя в наградах на различных сценах в гробнице: мы можем видеть их в «золоте почести» перед жертвенным столом, в сценах принесения даров или поклонения богам [Ершова 2019]. Данная статья посвящена сценам из древнеегипетских частных гробниц, в которых чиновники предстают награжденными, вернувшимися после награждения домой. Именно на анализе этого типа сцен мы остановимся.

Сцены, иллюстрирующие возвращение награжденного чиновника, появляются довольно рано – еще при Аменхотепе II (1428–1397 гг. до н. э.). Так, в гробнице Рехмира (ТТ 100) на северной стене коридора изображена сцена прибытия Рехмира из Хут-сехема (Диосполис Парва) (рис. 1)¹. Важность этой сцены становится ясной после прочтения текста, сопровождающего данное изобраа-

¹ Davies N. de G. The tomb of Rekh-mi-Re' at Thebes. New York, 1943. Pl. LXVIII, LXIX, LXX, LXXI.

Подтверждая свое расположение, Аменхотеп II наградил Рехмира золотом.

Несколько позже, уже в амарнскую эпоху, когда сцены, иллюстрирующие награждение чиновника, становятся максимально подробными, они будут сопровождаться дополнительными сюжетами, как, например, в гробнице Эйе (ТА 25) в южном некрополе Ахетатона², которая датируется временем правления Эхнатона (1351–1334 гг. до н. э.). За воротами дворца Эйе встречают его друзья (рис. 2). Над воротами изображен солнечный диск, от которого исходят лучи, оканчивающиеся руками; они как бы благословляют каждого, кто проходит через них. Центральное место в сцене занимает Эйе, которого приветствуют после награждения его друзья. Он представлен протягивающим к ним руки, в парадной тунике с коротким рукавом, руки его покрыты браслетами *awaw*, на шее семь ожерелий-оплечий *Sbyw*. Эйе изображен в парике, поверх которого надета повязка и конус из благовоний, в ушах – серьги. Слуга, идущий вслед за ним, несет поднос, на котором находится еще одно ожерелье-оплечье *Sbyw* и два сосуда. Эйе встречают другие придворные и слуги, все они облачены в парадные одежды. Придворные изображены в различных позах, некоторые падают ниц, другие опускаются на колени, большинство же просто стоят с руками, поднятыми в ликующем жесте.

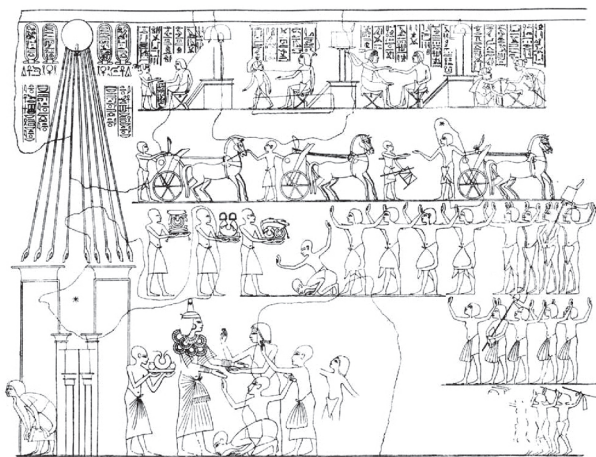

Рис. 2

² Davies N. de G. The rock tomb of El Amarna. London: Egypt Exploration Fund. Part VI. 1908. Pl. XXIX–XXX.

Во втором регистре три слуги несут на подносах дары царя. Далее находятся придворные и слуги, встречающие Эйе, их одеяния и позы подобны изображенным регистром ниже. Третий регистр занимают изображения трех колесниц, в каждую из которых запряжено по две лошади, около колесниц стоят возницы, держащие поводья.

Как следует из пояснительных надписей, верхний регистр иллюстрирует сцены дворцовой жизни, в том числе распространение вести о награде Эйе и его жены Тии среди чиновников, находящихся на службе. Всего представлено четыре сюжета: в первом ребенок прибегает сообщить придворному о произошедшем награждении; во втором ребенка посылают следить за награждением; в третьей сцене один чиновник сообщает другому о награждении, а последняя сцена показывает, как один мальчик просит другого присмотреть за своей сумкой, пока он будет наблюдать за награждением. Об этом повествует текст, представленный в виде диалога между двумя участниками.

Первый диалог:

ir.tw nhm hA nm pAy Sry

ir.tw nhm n iy pA it nTr Hna tii sy iry m rmT n nbw ptr.k n nfrw aHaw nA

– Для кого делается ликование это, мой мальчик?

– Делается ликование для Эйе, отца бога, вместе с Тии, сделанных в качестве людей золота. Смотри ты на красоты жизни.

Второй диалог:

sxtv ptr pA n hm aA r Dd nm na iy m wni

irit mk.wi

– Беги, посмотри и Расскажи, для кого ликование великое. Иди, торопись.

– Сделано, смотри на меня.

Третий диалог:

m pA nty twt Hr n hm.n.f

aHa ptr.k xn nfr nA ir pr-aA a.w.s. n iy it nTr Hna tii di.tw n.sn pr-aA
a.w.s. HHw n fAy nbw m mitt xt nb

– Кто тот, для которого ликование?

– Встань, посмотри ты на речения прекрасные, сделанные фараоном, да будет он жив, здоров и благополучен, для Эйе, отца бога, вместе с Тии. Дал им фараон, да будет он жив, здоров и благополучен, миллионы мер золота подобно вещам всяким.

Четвертый диалог:

nw r tA isbt Hna n tA Tnfyt ptr.n iry n iy pA it nTr

m ir wDf r.k iw.i r ms r in.n pAy Hry

– Посмотри за стулом вместе с сумкой. Посмотрим мы, что делается для Эйе, отца бога.

– Не медли. Сделаю я отправление для того, чтобы принести им это наверх.

Таким образом, в гробнице не просто иллюстрируется процесс награждения, а разворачивается повествовательный ряд, показывающий, что предшествовало этому событию во дворце и как разносится весть о награждении среди чиновников во дворце.

В конце XVIII династии сцены возвращения чиновника после награждения могут быть частью сцены награждения (например, в фиванской гробнице Неферхотепа (ТТ 49)) или являются самостоятельным элементом (в гробнице Маиа и Мерит в Саккаре).

В гробнице Неферхотепа, которая датируется временем правления Эйе (1323–1319 гг. до н. э.), южную часть западной стены первого зала занимает сцена награждения Неферхотепа и его жены

Меритра (рис. 3)³. Она включает три регистра, которые могут быть разделены на пять смысловых частей: награждение Неферхотепа, его возвращение домой, пир по случаю награждения, награждение Меритра, ее возвращение домой.

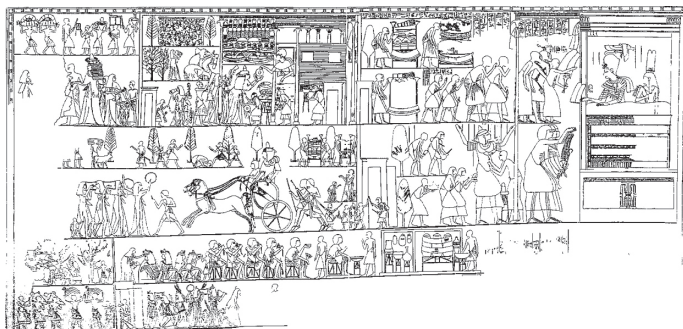

Рис. 3

Правую часть сцены занимает «окно появления», на балконе находится царская чета: Эйе и его жена. Справа в двух регистрах изображены чиновники, присутствующие при награждении. В нижнем регистре происходит само награждение. Около балкона стоит группа из трех чиновников, склонившихся в поклоне перед фараоном и протягивающих к нему одну руку. В другой руке они держат различные предметы, символизирующие их сферу деятельности: опахало в виде пера, скипетр и свиток. Все они облачены в пышные юбки и верхние длинные плиссированные туники, а также в короткие парики. За ними стоит Неферхотеп с поднятыми в ликующем жесте руками. Он показан в коротком парике с диадемой и конусом благовоний на голове, одетый в пышную юбку и длинную плиссированную верхнюю тунику. На шее у него находятся шесть ожерелий-оплечий *Sbyw*.

Левую часть второго регистра занимает возвращение Неферхотепа домой. После аудиенции он выходит в сад, где его ожидает колесница. Он показан стоящим на колеснице в парадной одежде и подаренных царем ожерельях. Колесницей, запряженной парой лошадей, управляет возничий, стоящий перед Неферхотепом. Перед ней бежит слуга, а за ней два охранника с дубинками, облаченные в обычные юбки. Около ворот в двух регистрах нахо-

³ Davies N. de G. The tomb of Nefer-Hotep at Thebes. New York, 1933. Pl. I.

дятся еще несколько чиновников. Во втором регистре изображен привратник, опирающийся на посох, с двумя слугами, в первом два писца в парадном одеянии с палитрами и посохами в руках, а также двое слуг с различными жезлами в руках и один, несущий кувшин. Эту процессию встречают четыре музыкантши с бубнами в руках. Во втором регистре через некоторое расстояние расположены деревья, в правой части сцены слуги выносят столы с дарами фараона. Далее находятся бегущие воины, возможно, сопровождающие Неферхотепа и рассказывающие о его награждении встречным людям.

Нижний регистр занимает изображение пира в доме Неферхотепа в честь его награждения. В левой части до двери показаны слуги, приносящие различные мешки и сосуды в дом. За дверьми происходит пиршество, от нижнего регистра сохранилась только левая часть. В ней расположены музыкантши и танцовщицы, все они одеты в длинные плиссированные платья, в париках и с ароматическими конусами на голове. Некоторые держат в руках бубны, другие – пальмовые ветви. Во втором регистре находятся пять чиновников, приглашенных на пир, они сидят на низких стульях и облачены в пышные плиссированные юбки. У некоторых в руках чаши, у других цветки лотоса. Один мужчина сидит отдельно от остальных, возглавляя пиршество, возможно, это сам Неферхотеп или кто-то из его приближенных. За ними сидят четыре женщины, возможно, жены, в длинных плиссированных платьях, в длинных париках, украшенных ароматическими конусами, лентами и цветками лотоса. Гостям прислуживают пять слуг. В правой части на столах находятся различные сосуды.

В верхнем регистре происходит еще одно награждение: царица одаривает жену Неферхотепа – Меритра. Н. де Г. Дэвис считает, что награждение происходит в саду гарема царя Эйе. В правой части сцены расположено «окно появления» и часть дворца. В окне показана царица, одной рукой она опирается на подушку, другую, с ожерельем *Sbyw*, протягивает Меритра. Меритра в длинном парике, украшенном лентами и конусом из благовоний, стоит около балкона, протягивая обе руки к ожерелью, которое дает ей царица. Перед Меритра находятся два стола с различными царскими дарами и трое слуг, подносящих различные подарки. У одного в руках столик с высоким сосудом, у другого – ожерелье *Sbyw*. Столы с различными дарами изображены в нескольких регистрах над Меритра, среди подарков различная посуда (кувшины и чаши), а также еда.

За воротами показана сцена возвращения Меритра с аудиенции царицы. Служащий гарема провожает Меритра, держа ее руку. Она

одета точно так же, как и на предыдущей сцене, но на ее шее находится ожерелье *Sbyw*, подаренное царицей. За ней следует ее свита, состоящая из трех женщин, мужчины и двух детей, изображение которых мы видим и в предыдущей сцене. Левая часть сцены практически не сохранилась, но можно различить силуэт женщины, встречающей Меритра. Во втором регистре показаны слуги, несущие различные царские дары – сундуки и кувшины.

Похожую сцену мы видим в гробнице Маиа и его жены Мерит (Saqqara LS 27), которая находится в саккарском некрополе и относится ко времени правления Тутанхамона или Хoremхеба⁴. Гробница Маиа во многих отношениях схожа с саккарской гробницей военачальника Хoremхеба. Она состоит из наземной части: внушительных размеров пилона, за которым следует внешний двор, помещения для статуй с двумя боковыми часовнями, внутреннего двора с колоннами и, наконец, помещения для жертвоприношений в западном конце комплекса, с двумя часовнями по бокам. Из внутреннего двора можно попасть в подземное помещение — расписанную погребальную камеру.

Хотя сцены награждения Маиа как таковой в гробнице нет, однако на южной стене дверного проема пилона мы видим сюжет, иллюстрирующий возвращение Маиа после награждения домой. Основная часть сцены представляет собой три фигуры: приходящий Маиа, изображение которого сохранилось только частично, и встречающие его жена Мерит и мачеха Хенутиуну, чья фигура сохранилась частично. На Маиа не менее одиннадцати ожерелий *Sbyw*, состоящих из двух и трех рядов бусин. В нижнем регистре изображены слуги, облаченные в парадные длинные плиссированные юбки, приносящие дары, полученные от Тутанхамона. Первый и второй слуга несут столики, на которых мы видим по два ожерелья *Sbyw*, состоящих из двух рядов дисковидных бусин с трапециевидными застежками и свисающими от них цепочками, над ожерельями изображены головные повязки, также на столиках находятся конусы благовоний. Далее двое слуг несут столик с четырьмя перчатками — довольно редкий дар.

В луксорской гробнице царского писца и распорядителя владений Амона в южном городе (Фивах) Именмипета, названного Ипи (TT 41), датируемой временем правления царей XIX династии Рамсеса I (1292–1290 гг. до н. э.) и Сети I (1290–1278 гг. до н. э.), на восточной стене второго зала находится сцена возвращения

⁴ *Geoffrey Th.M.* The hidden tombs of Memphis: new discoveries from the time of Tutankhamun and Ramesses the Great. London; New York, 1991. P. 172.

Именмипета после награждения домой (рис. 4)⁵. Сама сцена награждения Именмипета отсутствует, однако сцена его возвращения после награждения довольно развернутая, хотя и дошла до нас с большими утратами. Сцена разделена на два сюжета. Первый – это выезд Именмипета из дворца: он стоит на колеснице, запряженной двумя лошадьми и управляемой возничим. Именмипет облачен в парадные одежды: тунику с коротким рукавом, на шее у него ожерелье-оплечье *Sbyw*, поверх парика надета диадема и конус из благовоний. Позади колесницы в двух регистрах изображены чиновники, сопровождающие Именмипета, которые, видимо, присутствовали на награждении. Они показаны в парадных одеждах, с поднятыми в ликующем жесте руками. Перед Именмипетом сцена также разделена на два регистра. В верхнем регистре находятся слуги, несущие столы с царскими дарами – ожерельями *Sbyw* и диадемами, а в нижнем изображены приветствующие Именмипета члены его семьи и, возможно, слуги, преклонившие перед ним колени. Во второй сцене Именмипет держит в руке букет из цветов лотоса, который он дарит своей жене, стоящей около их дома.

Рис. 4

Подобную сцену мы видим в гробнице первого пророка Ка (души) Тутмоса I Усерхата (рис. 5), названного Неферхабефом (TT 51) в Луксоре⁶, датируемую временем правления царей XIX династии Рамсеса I (1292–1290 гг. до н. э.) и Сети I (1290–1278 гг. до н. э.). Нижний регистр южной части восточной стены в первом поперечном зале занимает сцена возвращения Усерхата после награждения. Усерхат в парадном одеянии, на шее у него золотое ожерелье *Sbyw*, состоящее из восьми рядов бусин, а на каждой руке по два браслета. Усерхат показан выходящим из храма или двор-

⁵ Assman J. Das Grab des Amenemope (TT 41). Mainz, 1991. Pl. 31.

⁶ Davies N. de G. Two Ramesside Tombs At Thebes. New York, 1927. Pl. XIII.

ца, однако, судя по изображению пилон и двора с осирическими статуями за ним, можно утверждать, что это храм. За Усерхатом находятся слуги с букетами из цветов лотоса, еще несколько слуг стоят перед ним, двое из них также подносят ему букеты из лотосов. За ними изображен стол с наградами – тремя ожерельями *Sbyw* из двух рядов бусин. Левую часть сцены занимает изображение жены Усерхата, облаченной в парадное одеяние, в сопровождении нескольких женщин, возможно, музыкантш, так как одна из них держит красный круглый предмет, похожий на бубен. Сцена за женой Усерхата разделена на два регистра: в нижнем изображены три стола с царскими дарами – едой и цветами, а в верхнем регистре находится колесница, запряженная двумя лошадьми, и возничий, ожидающий Усерхата.

Рис. 5

Сцена сопровождается текстом:

aA xt rx di.w imn iai-ib.f pr-aA anx wDA snb pA nb aA Kmt iw.k r rdit
xt n DAMw nty bw ir.tw mstw pr-aA anx wDA snb pA n nb r Dr n

Множество вещей важных, даны они Амоном, чисто сердце его. Фараон, да будет он жив, здоров и благополучен, владыка великий Египта, ты дашь вещи поколениям, которые еще не рождены (букв. «не сделали рождение»). Фараон, да будет он жив, здоров и благополучен, владыка всех нас.

Хотя в гробницах Именмипета и Усерхата нет собственно сцен награждения, на свершившийся факт указывают сюжеты, иллю-

стрирующие их триумфальное возвращение домой с царскими дарами.

Не менее интересна система росписи гробницы писца царской корреспонденции Чаи (ТТ 23) в Луксоре⁷, датируемой временем правления царя XIX династии Мернептаха (1213–1203 гг. до н. э.). В открытом дворе гробницы на восточной стене представлены сцены, иллюстрирующие повседневную жизнь Чаи, например, изображение «министерства иностранных дел» [Иванов 2014, с. 101] или его возвращение домой после награждения (рис. 6). Сама сцена награждения Чаи присутствует в скальной части его гробницы. Интересен тот факт, что Чаи, как и Маиа, выносит сцену своего возвращения с награждения из внутренней скальной части гробницы в открытый двор – ближе ко входу в гробницу и, следовательно, в более доступную ее часть. В сцене мы видим Чаи, облаченного в парадное одеяние, на шее у него не менее пяти ожерелий *Sbyw*, руки до локтя украшены браслетами, возможно, браслетами *awaw*. В руках у Чаи букет из цветов лотоса и папируса, который он протягивает стоящей около дома жене, также облаченной в парадное одеяние. Ее волосы украшены диадемой, лотосом и конусом благовоний. По всей видимости, действие происходит во дворе около дома Чаи, так как позади него мы видим ворота, а за фигурой жены показан дом и сад Чаи.

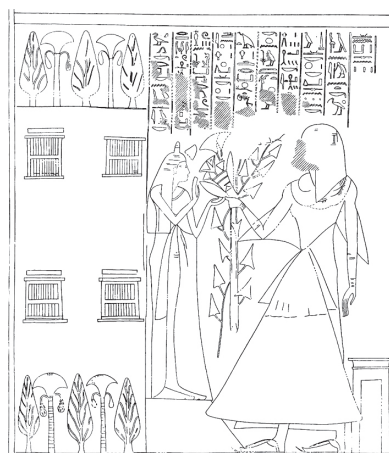

Рис. 6

⁷ Davies N. de G. The Town House in Ancient Egypt. Metropolitan Museum Studies. Vol. 1. No. 2 (May, 1929), fig. 7.

Текст сцены гласит:

aq.k r pr.k n nDm iw.k rSwT Hai.tw Ssp.k Hswt n nsw pri.tw n Imn-Ra
Hr xwi.k ran b Mwt Hr dr xftyw.k nsw m Wast ... sAw Haw.k IaH wDA.k
ran b di.sn n.k imnty n iAwT ntk Ax n kA.sn

Входишь ты в дом свой удобный (уютный). Ты счастливый и радостный, получил ты восхваления от царя, которые исходят от Амона-Ра, защищающего тебя день каждый, Мут подавляет врагов твоих, Хонсу в Фивах защищает тело твое, луна (Тот?) ...на? благополучии твоим день каждый. Дали они для тебя запад (гробницу?) для старости. Полезен ты для Ка их.

Схожую сцену мы видим в еще одной фиванской гробнице – Моси⁸, писца сокровищницы (ТТ 254), датируемой концом XVIII династии. Эта небольшая гробница, состоящая из одной комнаты, в настоящее время сильно повреждена, в ней нет прямого свидетельства награждения Моси царем. Однако в одной из сцен мы видим Моси, возвращающегося домой в сопровождении слуги (рис. 7). В руках у него букет лотосов, который он дарит своей жене, облаченной в такое же одеяние, как и жена Чаи. На шее у Моси показано ожерелье-оплечье, но неясен тип украшения – наградное *Sbyw* или более распространенный *wxh*. За женой Моси представлен их дом. Учитывая стилистическую близость со сценой в гробнице Чаи, можно предположить, что Моси также был награжден царем. Здесь следует упомянуть о букете, который чиновник дарит своей жене. Это букет с алтаря Амона, имеющий символическое значение. Возможно, такие букеты вместе с другими дарами награждаемые чиновники получали от царя, по желанию бога Амона. Интересно, что в гробнице Неферхотепа также есть сцена, на которой чиновник дарит букет своей жене Меритра (рис. 8)⁹. В сцене Неферхотеп показан дважды: первый раз в Карнакском храме между двумя пилонами, где жрец вручает ему букет из цветов лотоса и мандрагоры, а второй раз – уже за пределами храма, около пилона, когда чиновник протягивает букет Меритра.

⁸ Davies N. de G. The Town House in Ancient Egypt. Metropolitan Museum Studies. Vol. 1. No. 2 (May, 1929), Fig. 6.

⁹ Davies N. de G. The tomb of Nefer-Hotep at Thebes. New York, 1933. Pl. III.

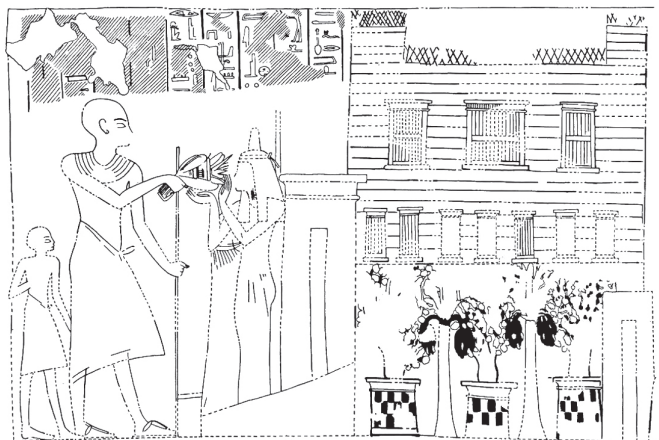

Рис. 7

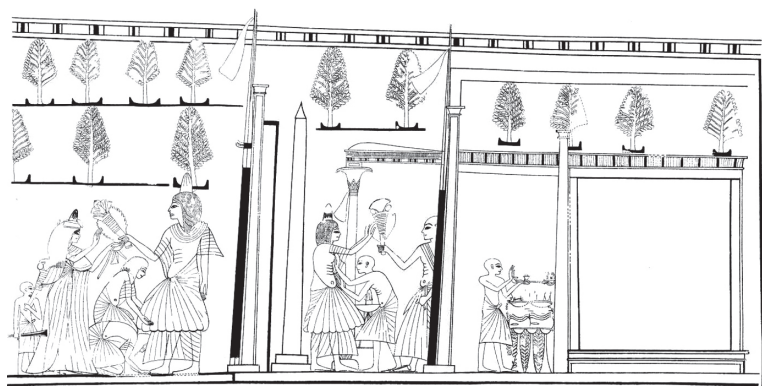

Рис. 8

Итак, если говорить о сценах, иллюстрирующих возвращение чиновника после награждения, то можно отметить их следующие особенности. Подобные сцены практически отсутствуют в гробницах чиновников доамарнской эпохи; исключением является гробница Рехмира (ТТ 100). С начала правления Аменхотепа IV (Эхнатона) они приобретают все большую популярность, их композиция становится сложнее и разнообразнее, расширяясь от одного-двух нижних регистров в сцене награждения, например в гробнице

Мерира II (ТА 2) в Ахетатоне¹⁰, до отдельной сцены, занимающей пространство, практически равное сцене царской аудиенции (гробница Эйе в Ахетатоне (время правления Эхнатона), или фиванская гробница Неферхотепа (ТТ 49, время правления Эйе). В амарнскую эпоху этот сюжет превращается в самостоятельную сцену, которая переносится из внутригробничного стенного пространства на отдельно стоящую небольшую стелу, как, например, на стеле Ани¹¹, где чиновник изображен на колеснице возвращающимся с награждения домой. Однако во время правления последнего царя XVIII династии Хoremхеба эти сцены минимизируются: уходит пышность, лишь несколько друзей встречают чиновника после награждения (как у Неферхотепа (ТТ 50)¹²), или же эти сюжеты становятся отдельными сценами, как происходит в гробнице Маиа и Мерит в Саккаре.

Подобные сцены продолжают существовать в начале правления XIX династии: сцены в гробнице Именмипета (ТТ 41) и Усерхата (ТТ 51) наглядно отражают влияние амарнского стиля на искусство времени XIX династии, так как композиционно близки этим сценам. Возможно, отсутствие изображения самого награждения связано с тем, что данных чиновников не награждал лично царь, а они получали эти награды в царской сокровищнице во дворце от вышестоящих сановников. В период правления XX династии подобные сцены полностью исчезают из частных гробниц, что косвенно маркирует изменение роли чиновников при дворе, в целом понижая роль частного лица в государственных делах и вновь выводя на первый план деяния правителя, как это было в начале XVIII династии.

В заключение необходимо обратиться к еще одному вопросу. Без сомнений, в начале Нового царства – эпохи возвышения силы и мощи Египетской державы, довольно сильно изменяется мировоззрение чиновников. Эти изменения находят отражение в искусстве этого периода, в том числе и в системе декора частных гробниц. Чиновник всячески пытается передать тот статус, который он имеет при дворе. Этим можно объяснить как появление сцен, иллюстрирующих царские аудиенции и награждения чиновников, которые в зависимости от положения чиновника при дворе занимают все большее пространство в гробнице, так и изображение чиновника

¹⁰ Davies N. de G. The rock tomb of El Amarna. Part II. London: Egypt Exploration Fund, 1905. Pl. XXXIII–XXXVI.

¹¹ Ibid. Part V. London: Egypt Exploration Fund, 1908. Pl. 22B.

¹² Hari R. La tombe Thebaine du pere divin Neferhotep (ТТ 50). Geneve: Éditions de Belles-Lettres, 1985. Pl. VI.

в «золоте почести», своеобразном символе близости к царю, вне сцены награждения, при входе в гробницу или на статуях. Ведь сам факт награждения частного лица ожерельем-*Sbyw*, которое изначально носили только цари и боги, является символом близости награжденного к ним. Возможно, выделение в отдельную сцену сюжета возвращения чиновника после награждения и вынесение сцены из внутренней скальной части в открытый двор – ближе к входу в гробницу и, следовательно, в более доступную ее часть, также связано с желанием максимально прославить свои заслуги, показать свою близость к царю, а следовательно, к верховному богу – Амону. И даже сцена, на которой мы видим Неферхотепа в Карнакском храме, где он получает букет с алтаря бога Амона от жреца и дарит его своей жене, не что иное, как попытка акцентировать внимание на величии самого Неферхотепа. И в данных сценах изображение дворца, дома или храма – это всего лишь фон для фиксации значимости владельца гробницы, которому оказывают высшие почести: его друзья и слуги приветствуют его и падают перед ним ниц, умащивают благовониями. Кроме того, дары, столь подробно показываемые на стенах гробниц, идут от царя по желанию бога Амона или – в амарнское время – от Атона. Естественно предположить, что появление подобных сцен в гробнице связано с желанием чиновников эпохи Нового царства продемонстрировать свой социальный статус и свою близость к царю, а следовательно, и сонму богов.

Закономерна связь подобных сцен с историческими реалиями этого времени. Так, распространение и наиболее подробное изображение сцен награждения и возвращения награжденного чиновника, т. е. сцен придворной жизни, относится к времени правления Эхнатона. Их популярность могла быть связана с возвышением культа бога Атона, а следовательно, и запретом на изображение сцен поклонения другим богам и заупокойных текстов. Тогда вполне логично, что при XIX и XX династиях в системе декора гробниц египетского чиновничества и жречества, наоборот, будут преобладать ритуальные сцены, связанные с поклонениями богам, а также наибольшее распространение приобретут изображения погребальных процессий, сцены, иллюстрирующие обряд отверзания уст и очей, а также сцены из «Книги Мертвых». Все это, а также постепенное уменьшение власти царя, особенно во второй половине XX династии, приведет к исчезновению сцен, иллюстрирующих придворную жизнь, из системы декора древнеегипетских частных гробниц.

Источники

- Assman J.* Das Grab des Amenemope (TT 41). Mainz, 1991.
- Davies N. de G.* The rock tomb of El Amarna. Part I–VI. London: Egypt Exploration Fund, 1903–1908.
- Davies N. de G.* Two Ramesside Tombs at Thebes. New York, 1927.
- Davies N. de G.* The Town House in Ancient Egypt. Metropolitan Museum Studies. Vol. 1. No. 2 (May, 1929). P. 233–255.
- Davies N. de G.* The tomb of Nefer-Hotep at Thebes: In 2 vols. New York, 1933.
- Davies N. de G.* The tomb of Rekh-mi-Re' at Thebes: In 2 vols. New York, 1943.
- Geoffrey Th.M.* The hidden tombs of Memphis: new discoveries from the time of Tutankhamun and Ramesses the Great. London; New York. 1991.
- Hari R.* La tombe Thebaine du pere divin Neferhotep (TT 50). Geneve: Éditions de Belles-Lettres, 1985.

Литература

- Ершова Е.С.* Виды и символика древнеегипетских наград эпохи Нового царства. Артикульт. 2019. № 34 (2). С. 32–40.
- Иванов С.В.* Фиванская гробница Чаи в Луксоре // Наука в России. 2014. № 1. С. 97–106.

References

- Ershova, E.S. (2019), "Types and symbolic meaning of ancient Egyptian rewards in the New Kingdom", *Articult*, 34 (2), pp. 32–40.
- Ivanov, S.V. (2014), "The tomb of Tjay in Luxor, Thebes", *Science in Russia*, no. 1, pp. 97–106.

Информация об авторе

Елена С. Ершова, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ershova.es@rggu.ru

Information about the author

Elena S. Ershova, Cand. of Sci. (Cultural Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ershova.es@rggu.ru

Две аланские композиции IX–X веков с антропоморфными изображениями из Ингушетии

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются и контекстуализируются два предмета в серии антропоморфных изображений «мифологических сюжетов» из разрушенных грабителями с 2011 по 2019 г. катакомб на р. Чемульга. Набор антропоморфных персонажей здесь уникален для территории Хазарского каганата. В целом композиции с мужскими персонажами концентрировались в комплектах мужских поясов IX–X вв. Костюм и детали иконографии изображений связывают их с сасанидским Ираном и доисламским Согдом. Выбор персонажей аланами объяснялся параллелями с местной мифологией и эпосом, в том числе – инокультурных композиций (полет Александра Великого). Эта сцена, как и изображение старика, играющего на лютне, и орла, уносящего человека, могут быть связаны с сюжетами о старейшине нартов – Урызмаге в нартовском эпосе осетин. Юноша с арканом под деревом и конный охотник на зайца имеют параллели в важных сюжетах (о происхождении аланов-нартов и древнего Бога-меча от браков с дочерьми бога морей). Крылатые и молящиеся сидя персонажи – это, вероятно, зæдтæ – духи, покровители групп людей и т. п. в старой аланской религии. Эти сюжеты соответствовали мироощущению аланских воинов.

Ключевые слова: антропоморфные изображения IX–X вв., аланы, Северный Кавказ, параллели в нартовском эпосе, влияние иконографии доисламских Ирана и Согда

Для цитирования: Яценко С.А. Две аланские композиции IX–X вв. с антропоморфными изображениями из Ингушетии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 106–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-106-127

Two Alanian compositions of the 9th–10th centuries with the anthropomorphic personages from Ingushetia

Sergey A. Yatsenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

sergey_yatsenko@mail.ru

Abstract. Two subjects are considered in a series of anthropomorphic images of “mythological type” from the catacombs destroyed by robbers from 2011 to 2019 on the Chemulga River. The set of anthropomorphic characters here is unique for the territory of the Khazar Khaganate. In general, compositions with male characters were concentrated in sets of men’s belts of the 9th–10th cc. The costume and details of the iconography of images connect them with Sasanian Iran and Pre-Islamic Sogdia. The Alans’ choice of characters was explained by parallels with local mythology and epic, including foreign cultural compositions (the flight of Alexander the Great). That scene, as well as the image of an old man playing a lute and an eagle carrying off a man, may be related to the stories about the elder of Narts – Uryzmag in the Nart Epic of the Ossetians. A young man with lasso under a tree and a hare horseman hunter have parallels in important plots (the origin of the Alans-Narts and the ancient Sword God from marriages with the daughters of the Sea God). A winged and seated praying characters are, probably, *zædtæ* – spirits, patrons of groups of people etc. in the old Alanian religion. The plots were corresponded to the worldview of the Alanian warriors.

Keywords: anthropomorphic images of the 9th–10th cc., Alans, the North Caucasus, parallels in the Nart Epic, the influence of the iconography of Pre-Islamic Iran and Sogdia

For citation: Yatsenko, S.A. (2024), “Two Alanian compositions of the 9th–10th centuries with the anthropomorphic personages from Ingushetia”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 106–127, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-106-127

Речь здесь пойдет о двух необычных изделиях, найденных в Центральном Предкавказье, в аланских погребениях IX – начала X в. В научный оборот они (и серия связанных с ними синхронных артефактов) вводятся впервые. История моего внимания к ним началась 28.02.2017 г., когда д-р ист. наук *Константин Юрьевич Рахно*¹ (Полтава) обратил мое внимание на появившуюся в *Facebook*

¹ Я благодарен коллеге за знакомство с известными тогда изображениями и важными ссылками на литературу. Именно К.Ю. Рахно убеждал меня сделать специальную статью на эту тему.

небольшую серию фото вещей из разрушенных элитных аланских погребений. Находчики, представившиеся охотниками, якобы случайно нашли разрушенную могилу и предлагали вещи к продаже во владикавказский музей. Среди них обращали на себя внимание серебряная (видимо, с кожаной прокладкой внутри) трапезиевидная пластина и набор золотых деталей княжеского пояса (рис. 1, 3). Уникальность их для территории Хазарского каганата была в том, что все детали этих небольших изделий были покрыты антропоморфными изображениями, а не привычными растительными узорами и стилизованными животными. Затем «продавцы» исчезли, угас и мой интерес к ним, так как детали про находки в Ингушетии они сообщать не хотели. Новая информация о разрушении аланских катакомбных могильников появилась 6,5 лет спустя, в начале декабря 2023 г., когда я списался с замдиректора Центра археологических исследований им. Е.И. Крупнова (г. Назрань) *Умалатом Беслановичем Гадиевым*. Тогда же я получил дополнительную информацию о судьбе найденного и новые фото от одного из руководителей историко-этнографического общества «Уацамонга» *Марата Асланбековича Цагараева* (г. Владикавказ). Я весьма обязан трем названным коллегам, и без них текст не состоялся бы.

Картина теперь выглядит следующим образом. В 2011–2013 гг. группа грабителей проводила в предгорьях, у северных склонов хребта Церейлам, у речки Чемульга (в бассейне чуть более крупной р. Фортанга, в Сунженском районе Ингушетии, на самой границе с Чечней, на юг от с. Берд-Юрт) нелегальные раскопки очень значимых для культуры Северного Кавказа аланских грунтовых катакомбных могильников с серией элитных могил. Помешать действиям расхитителей местным археологам тогда не удалось из-за того, что район был закрытым для посещения, что расхитители без раздумий были готовы применить оружие, а также из-за того, что пересеченная и покрытая густым лесом местность² мало подходит не только для контроля, но и для передвижения. Вскоре грабители сделали серию фото своих находок для потенциальных покупателей (весьма низкого качества, при плохом освещении и без масштаба). Эти фото (серия их датируется 16.03.2014 г.), а позже и осмотр

² Лес в данной местности стал расти лишь около 180 лет назад. Единственная находка из богатой «добычи» грабителей, которую удалось получить для краеведческого музея им. Т. Мальсагова в г. Назрань, – золоченая бляшка в форме трехлучевой вихреобразной свастики от женского головного убора (сравните *in situ* – погребение 10 в Мартан-Чу в соседней Чечне, где близки и другие типы бляшек такого убора [Виноградов, Мамаев 1984, с. 70; рис. 8, 33–36]).

остатков разграбленных некрополей на местности позволили ингушским коллегам датировать материал VI–XI вв. (имеются там и монеты времен Золотой Орды и мавзолее из обожженного кирпича)³. Попытки ограбления эпизодически продолжались и позже, по 2019 г. В 1 км от некрополей известно небольшое аланское поселение, но крупное (к которому должны бы относиться могильники) пока не обнаружено из-за характера местности. Из всей коллекции сделанных фото здесь важны относящиеся к двум основным изделиям (см. рис. 1; 3).

Другая группа аланских находок из Ингушетии (отчасти – явно из того же района) деталей поясов IX – раннего X в. – обнаружилась благодаря поискам М.А. Цагараева в Интернете (см. часть из них в статье: рис. 1, 4; 7, 11; 5, 2, 4). Это фото, главным образом, единичных вещей – более высокого качества и с масштабом. Они явно предназначались для продажи. И действительно, эти находки реализовывались, как теперь известно, на антикварных воскресных «развалах» в Нальчике и Пятигорске.

Наконец, серия фото аланских артефактов из того же региона попала в поле внимания известной турецкой блогерши *Нурай Билгили* и оказалась на ее «досках» в *Pinterest.com* (см. в статье рис. 2, 1, 3; 4, 1–6, 8–10; 5, 1, 2 верхний, 3)⁴. Это весьма ценная часть привлекаемых нами материалов.

Увы, все находки, о которых идет речь, разошлись по частным коллекциям и дошли до нас лишь в фотографиях. Кроме серебряной пластины (рис. 1), остальные анализируемые артефакты относятся к наборам воинских поясов или отдельным их деталям, включающим оригинальные антропоморфные образы, входящие, по терминологии А.В. Комара, в круг так называемых. мифологических сюжетов. Эти изделия можно датировать IX – ранним X в., т. е. перед активной христианизацией Алании.

³ В числе находок – пояса (с золотыми, серебряными и позолоченными деталями), золотые полихромные браслеты и простые серебряные, золотые серьги, серии золотых и серебряных перстней (три из них – с гравировками), серебряный косметический набор, позолоченные бляшки головных уборов, серебряные нашивные бляшки, сабли с богатым декором, сасанидские и арабские монеты, стеклянные браслеты и полихромные бусы и др. Идея А.В. Комара, что вещи изучаемой группы – серия качественных, но недорогих фальшивок (для кого?), с помощью ряда приемов зачем-то выданных за происходящие из конкретных некрополей Ингушетии, не подтверждается наличными фактами.

⁴ URL: <https://www.pinterest.com/nuraybilgili/> (дата обращения 6 декабря 2023).

Обратимся теперь к самим образам и композициям, в которые они вписаны. Здесь рассмотрены только те антропоморфные образы, которые имеют параллели двум основным находкам (еще три уникальные композиции не рассматриваются). Постараемся понять, с какой именно традицией связаны особенности их внешнего облика. Являются ли представленные на них (в эпизодах) сюжеты лишь копированием чужих популярных образцов, или же они отражают какие-то традиции и фольклорные тексты местных аланских заказчиков? Помимо обилия на обоих предметах разнотипных антропоморфных изображений (по четыре на каждом), они выделяются одной маленькой, но, на мой взгляд, очень важной деталью. У семи из восьми разных персонажей (кроме юноши с арканом на серебряной пластине) ткани одежды имеют специально подчеркнутый (для миниатюрных фигурок размером 2–3 см это лишняя трудоемкая работа) однотипный *узор из рядов треугольников из трех точек*. Эта же особенность характерна и для ряда изображений с конкретным сюжетом из нашей же коллекции – для сидящих и молящихся крылатых одиночных фигур (рис. 4, 1, 8) и более нигде в Восточной Европе неизвестна. Где же встречался этот орнамент и почему он в нашем случае важен? Хотя это узор эпизодически был известен еще в ахеменидское время, популярен он стал впервые в мужском костюме кушанской Бактрии; однако подлинная популярность к нему пришла в сасанидском Иране, где он обычен у обоих полов и разных социальных групп [Яценко 2006, рис. 151; 157–159]. Сегодня истоки «мифологических сцен» на поясной гарнитуре позднего Хазарского каганата выводят, прежде всего, из Согда и даже танского Китая [Комар 2016, с. 550–553]. Однако такой декор костюма (не говоря уже о деталях собственно одежды) не известен у согдийцев ни на их родине, ни в китайской диаспоре [Абдухоликов и др. 2021, с. 288–317, 414–449], ни в раннеисламском Согде (см., например: [Маршак 1971, табл. 30, 40–41]); не увидим мы их и в костюме ранних тюрков VI–VIII вв. (см., например: [Яценко 2009]). В искусстве Византии и Арабского халифата этот узор практически не встречается. Сложнее говорить об Иране IX–X вв., так как изделий художественного металла с человеческими фигурами оттуда, в силу историко-культурной специфики, сохранилось немного. Но такой орнамент документируется на знаменитой расписной керамике из Нишапура в Хорасане после того, как к власти в регионе, сменив Тахиридов, пришла «проиранская» в своей культурной ориентации династия Саффраидов из Систана (861–1003). Таков, например, сидящий правитель на одной из чаш [Wilkinson 1973, p. 48, No 66].

Не менее любопытна одна деталь оформления головы персонажей на серебряной пластине, не очень понятная мастеру в результате копирования инокультурных изделий. У двух юношей на обеих сторонах (танцующего и стоящего с арканом) ожерелье неумело передано как кружок (как лента с низкой бус, нашитых на полоску ткани), свисающий с кадыка. Однако у правителя в верхнем регистре ошибки нет: здесь схематично передана уникальная особенность *прически сасанидских шаханшахов* (борода была внизу перевита золотой цепочкой, а на конце такой «косички» получалось утолщение) [Яценко 2006, с. 252]. Похожая схема передана и у сидящего правителя на синхронном аланском наконечнике пояса из той же Ингушетии (рис. 4, 11). Третья важная и подчеркиваемая особенность костюма этих персонажей – довольно *высокий каблук* на сапогах или полусапожках. Как известно, он впервые появился в I–II вв. н. э. в Южном Иране – на родине вскоре пришедшей к власти династии Сасанидов [Яценко 2006, рис. 64, 79; 76, 2]. Иными словами, все три яркие особенности костюма персонажей – во все не согдийские («восточноиранские»), не танские китайские и не тюркские (как можно было ожидать, исходя из господствующей в литературе версии), а происходят из граничащей еще за два века до этого с Аланией могущественной *империи Сасанидов*. Типичны для сасанидского Ирана и мужские расклешенные штаны с полосой декора по краю, а также наглухо застегнутый короткий кафтан [Яценко 2006, рис. 157–158].

Большим сюрпризом является то, что на деталях практически всех поясных наборов из Ингушетии, которые разбираются ниже, встречен *так называемый узелковый бордюр* (рис. 3, 1–3; 4, 1, 5–6, 8–11; 5, 1–4). Известен он и в соседней Чечне, южнее г. Грозный (некрополь Дуба-Юрт, погребение 11) [Комар 2016, рис. 3, 4]. Между тем его и «сюжетные изображения людей и животных» на поясах этого времени такой известный специалист, как А.В. Комар, считает важными индикаторами единичных памятников «типа Субботцев», маркирующих признанный сегодня путь кочевых мадьяр из Приуралья через степи Украины на новую дунайскую родину [Комар 2016, с. 545]. На одном его конце находится Больше-Тиганский некрополь у низовий р. Кама в Татарстане (могилы 16 и 28) [Халикова, 1976, рис. 5; 11–12], на другом – некрополь у с. Субботцы (погребение 2) на р. Ингул (Правобережная Украина) (Бокий, Плетнева 1988, рис. 5). В обоих этих памятниках на деталях поясов также два антропоморфных персонажа имеют элементы иконографического сходства с разбираемыми аланскими ([Бокий, Плетнева 1988, рис. 5, 2, 6] и наши рис. 3, 4; 4, 3, 6). Однако в целом стилистика и сюжетный ряд как татарстанских,

так и западноукраинских вещей своеобразна и сильно отличается от рассматриваемых ниже. Ингушетия и Чечня лежат слишком далеко в стороне от пути мадьяр в «период обретения родины», но вещей с признаками так называемого типа Субботцев здесь, как мы увидим, найдено больше, чем на маршруте миграции венгров к Дунаю. Некоторые из них по художественному уровню не уступают «непревзойденным» деталям пояса из Субботцев (рис. 2, 3; 3, 1–2; 4, 2–8)⁵. Иными словами, сегодня картина выглядит более сложной, чем до сих пор представлялось.

Попробуем уточнить *сюжеты* на обоих предметах и начнем с *серебряной пластины* (рис. 1). Строго говоря, подобных единых композиций в раннесредневековой Евразии я не знаю. Есть основания думать, что в этом случае мы имеем не одну сюжетную линию, а с *каждым персонажем связан отдельный сюжет / эпизод*. Внимание привлекает, прежде всего, «царственный» персонаж, восседающий в верхнем ярусе лицевой стороны пластины (в последнем нет сомнений, так как на ней концентрируются три из четырех персонажей и важные дополнительные детали). Он восседает на ковре или иной подстилке, на голове его диадема с характерными для правителей Сасанидов «развевающимися» в стороны концами; об оформлении его бороды (тоже типичном для сасанидских шаханшахов) уже говорилось. Этот человек держится за шеи двух крупных птиц (судя по форме клювов и лап – хищных). О какой же значимой для аланской знати композиции может идти речь? Именно в IX в. на Ближнем Востоке, после ряда новых переводов (на арабский и др.), становятся особенно популярными версии легенд об Александре Великом из поздней «редакции С» «Александрии» Псевдо-Каллисфена. Один из важных сюжетов, любимых в средневековом мире до монгольского нашествия, – *полет в небо Александра Македонского*. В предполагаемой многими более ранней версии он делает это не на грифонах, а *на двух белых птицах, подстелив для себя шкуру*⁶. Думается, именно этот сюжет с царственным персонажем изображен на изучаемой пластине. Однако

⁵ Кстати, женский перстень сложной формы из Субботцев (Бокий, Плетнева 1988, рис. 2, 2) практически идентичен одному из образцов, найденных грабителями на р. Чемульга.

⁶ См., например, в одном из русских переводов: *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Университетская тип., 1893. С. 215.

«Я [Александр] приказал взять из числа птиц, [обитавших] в этом месте, двух. Это были огромные птицы, белые и ручные, ибо, увидев нас, они не убежали... Они питались дикими зверями, а многие из птиц прихот-

в нашей коллекции он представлен неоднократно в трех близких иконографических версиях и на деталях наборных поясов (рис. 1 слева; 2, 3-4)⁷. В двух из трех этих вариантов птицы смотрят уже не на Александра, а в противоположную сторону, и в одном случае есть попытка показать такую «мелочь», как два копыта в руках с нанизанной едой для птиц (рис. 2, 1). Во всех трех случаях голова «Александра» слегка или заметно наклонена влево. Этот сюжет в интересующее нас время становится популярным в самых разных по социальному устройству и религиозной принадлежности обществах. Известен ли еще подобный сюжет в Восточной Европе того времени? Да, и он представлен для бляшек из катакомбы X 2011 в Верхнем Салтово, связанном с верхнедонскими аланами (рис. 2, 5) (О.В. Комар посчитал эти бляшки частью сбруи).

В недавно крещеной домонгольской Руси он изображался, в числе прочего, на сакрализованных княжеских коронах и магически значимых подвесках к женским головным кикам и, вероятно, ассоциировался с солярными аспектами легенд об Александре [Рыбаков 1987, с. 567–573]. У потомков аланов – осетин – также бытовали разные варианты переосмысленных легенд об Александре (исходно – из того же источника), и есть основание предполагать весьма древние основы «привязанных» к ним мотивов. Подчеркну связь с ним важного для культур Кавказа *мотива прекращения убийств стариков*, имеющего аналогии у многих иранских народов [Рахно 2019]. (Этот мотив в эпосе во многом связан со старостью предводителя нартов – *Урызмага*⁸.) В поздний период этот образ уже не был популярен, а потому вариантов сюжетов с ним сохрани-

дили к нам ради павших лошадей. Выбрав двух из этих птиц, я приказал не кормить их три дня. А на третий день я приказал изготовить из дерева род ярма и привязать его к их шеям. Затем я поручил принести бычью кожу и положить ее посреди ярма. Так, соорудив нечто вроде корзины, я вошел в ее середину, крепко держа копыта в семь локтей длиной, на конце которого была лошадиная печень. Тотчас же птицы взлетели, чтобы съесть печень, и я поднялся вместе с ними в воздух...» В католической Европе вариант сюжета с птицами хотя и был редок (по сравнению с версией о грифонах), но иллюстрировался до конца Средневековья (см., например: рис. 2, 2).

⁷ Для рис. 2: 1 – <https://pin.it/2VYN5xo>; 2 – <https://uchitelj.livejournal.com/792563.html>; 3 – <https://pin.it/7KJhynu>; 4 – предоставлено М.А. Цагараевым; 5 – [Комар 2016, с. 551; рис. 2, 2]; 6 – [Арсланова 2013, рис. 2, 1; фото 5; 6].

⁸ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2 / Ред. У.Б. Далгат. М.: Наука, 1989. С. 80–85, 89–91.

лось немного. Время стерло многие из них из народной памяти; они остались лишь в памятниках торевтики.

Иную композицию отражает сюжет синхронной сабли с्रो-стинской культуры в кургане 145 в Зевакино на Северном (Казахском) Алтае (рис. 2, 6). Здесь мужчина сидит с кубком в руке, а по сторонам его стоят две птицы (гуси). Эта сцена хорошо известна в постсасанидском Иране: тот же персонаж с двумя стоящими птицами по бокам представлен на ранней керамике Нишапура⁹. В Музее искусств Лос-Анджелеса имеется сходная чаша уже с сидящим персонажем (это женщина с 4 длинными косами).

Однако мужчина, держащийся за шеи двух птиц, – отнюдь не единственный персонаж на изучаемой пластине. Там изображены также *трое других мужчин*. Это на той же стороне – стоящие юноша с полусвернутым арканом в руках и пожилой мужчина с бородой, играющий на струнном щипковом инструменте типа лютни¹⁰, а на оборотной стороне – танцующий юноша с распущенными рукавами (что у многих народов бывало при ритуальном танце или молитве). Случайно ли здесь оказалась эта троица? Наверняка нет, и доказательство тому – наличие тех же трех персонажей, в тех же ролях и с теми же атрибутами, в синхронном поясном наборе «аланской» коллекции Нурай Белгили (рис. 2, 3)¹¹; увы, набор этот сохранился не полностью. Он тоже, похоже, отчасти формально связан с одной из литературных версий «Александрии»: известно, что будущих ездовых животных вначале чем-то «приманивали» (в иранском фольклоре это могла быть музыка или/и танец), а для поимки животных¹² аркан – главное средство. Но при этом несколько важных деталей в такие иноземные версии явно не вписываются. И на вопрос, чем именно были привлека-

⁹ Чаша продавалась на одном из аукционов в июне 2003 г. URL: https://issuu.com/orientalartauctions6/docs/islamic_art_auction_thursday_22_june_2023/s/26084418 (дата обращения 8 декабря 2023).

¹⁰ Этот тип лютни хорошо известен на торевтике постсасанидского Ирана. См.: серебряные блюда из Британского Музея и бывшей коллекции С. Строганова в Риме: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. Табл. XXXV, XXXVII.

¹¹ Добавлю, что в обеих композициях аналогичны в основном и позы этих персонажей: юноша с арканом и музыкант повернуты друг к другу (точнее – к Древу), тогда как тело танцующего повернуто вправо; лишь у юноши с арканом в обоих случаях нет орнамента из кружков.

¹² Ср. оба действия в версиях «Александрии» с грифонами: Повесть о рождении и победах Александра Великого / Пер. и коммент. Н. Горелова. СПб.: Азбука-Классика, 2006. С. 98, 163.

тельны для аланских средневековых воинов подобные сюжеты, можно ответить.

На лицевой стороне пластины едва ли главным объектом на деле является Древо, занимающее большую ее часть. На нем есть одновременно не только листья, но, похоже, и плоды. Именно на верхушку дерева смотрит юноша с арканом, разглядывая что-то в его ветвях. В имеющихся фольклорных записях сюжеты с несколькими птицами, попыткой их поимки и последующим попаданием главного из действующих лиц к могущественному существу из Иного мира сохранились в нескольких версиях. И это как раз... «базовая» легенда о происхождении самих аланов-нартвов от потомков Ахсартага. Здесь важную роль играет волшебное Древо («Жизнь нартвов зависела от одного дерева. А дерево это... до полуночи оно цвело, с полуночи до рассвета приносило плоды». На нем «созревало одно яблоко. А было оно лекарством от смерти» и т. п.). На плоды и цветы Древа покушаются по ночам чудесные птицы (или олени) – дочери властелина подводного царства (их в разных текстах то одна, то три, то четыре, то неназванное число). Попытки их поймать приводят юношу Ахсартага в глубины моря, где он женится на исцеленной им девушке-птице Дзерассе, и та становится родоначальницей героев-нартвов. «Хозяином» (отцом) птиц в нашем случае является могущественный водный бог¹³.

Требует объяснений и пожилой музыкант с длинной бородой, играющий на лютне¹⁴ и опирающийся ногой в какую-то вертикальную поверхность. Аналогичный сюжет в эпосе тоже только один: старейший *предводитель нартвов Урызмаг* целыми днями в степи, у камня, развлекал игрой на «скрипке» (хъисынфандыр, который изобрел главный трикстер эпоса – Сырдон [Плаева 2016, с. 67–68]), небесную госпожу, жену его побратима, могущест-

¹³ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 7, 21.

¹⁴ Обратить внимание на набор музыкальных инструментов на предметах нашей коллекции со сходным составом персонажей. Это упомянутая лютня, а также свирель (рис. 2, 3 справа). Именно эти инструменты мы видим на постсасанидских персидских блюдах со сценами пира аристократа (Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. Табл. XXXV, XXXVII). Свирель имела немалое значение для аланов и нередко предстает как волшебный инструмент (ср. мотив нартвовского эпоса с волшебными золотыми свирелями «сартæнзет» Ацамаза и Урагома – сына водного бога, стальной, подаренной богом-кузнецом на рождение будущего прародителя нартвов Ахсартага, и той, что имел Хозяин животных Афсати [Плаева 2016, с. 67–68]).

венного Уарп-алдара, будучи соблазнен ею. В результате торжествует незыблемая дружба мужчин-воинов, и ради ее сохранения Уарп-алдар наказывает не Урызмага, а неверную жену, и предаёт ее позорной смерти¹⁵. Мотив наказания этой «небесной» женщины, как выясняется, имеет древние иранские мотивы [Рахно 2021, с. 81–88].

Что касается единичного танцующего юноши с распущенными руками на оборотной стороне, то это явно мотив, не связанный с аланской традицией. Это характерный согдийский мужской танец, неоднократно воспроизведенный в искусстве согдийской диаспоры VI–VIII вв. в Китае [Yatsenko 2012, fig. 12, 1; 2019, fig. 6, 2].

Рассмотрим второй важный предмет «ингушской коллекции» грабителей – *пояс с золотыми деталями*. На них мы видим четырех различных антропоморфных персонажей. Несмотря на миниатюрность этих поясных элементов, мастер нашел возможность показать на каждом из них типичный сасанидский узор тканей с треугольниками из трех точек (рис. 3). Два персонажа (на обойме и наконечнике ремня) представляют тип сидящего, скрестив ноги, усатого правителя в диадеме или короне с характерными для сасанидского искусства развевающимися в стороны лентами, сложными по конструкции длинными серьгами и с повернутым немного вправо лицом. Пол или ковер при этом украшены линиями из кружков. Он либо держит пиалу, либо поддерживает руками шарф. Идентичное изображение правителя с шарфом, но выполненное в бронзе, известно в «ингушской коллекции» Нурай Билгили (рис. 4, 10; 5, 3). Бляшки с прорезями изображают приседающего мужчину-танцора с длинным шарфом в руках (рис. 3, 4). Танец с таким шарфом был известен для женщин еще в сасанидском Иране¹⁶, но для мужчин документирован в согдийской диаспоре [Абдухоликов и др. 2021, с. 412; рис. 13, 1–2].

В этой группе изображений меня интересует, прежде всего, персонаж на пряжке (рис. 3, 2). Это *сидящий мужчина с небольшими, изогнутыми на концах внутрь крыльями*. Такие крылья с характерным изгибом появились у небесных персонажей (в том числе сидящих, поджав ноги так, как мы увидим на аланских образцах: рис. 3, 2; 4, 1, 6, 8–9) впервые еще в древней Месопотамии, в искусстве Аккада и ранней Вавилонии. В нашей небольшой серии из аланских катакомб в Ингушетии неоднократно встречены (также в поясных наборах) еще 8 разных синхронных версий иконографии этого существа (!), что не имеет аналогов и,

¹⁵ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 475–484.

¹⁶ См., например: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Табл. XLVI.

помимо прочего, говорит о его немалой популярности в аланских землях: он характерен именно для них (рис. 4, 1–2, 4–9)¹⁷. Обычно он молитвенно поднимает руки (рис. 3, 2; 4, 1, 5, 8), при этом подчас – с распушенными рукавами (рис. 4, 2, 9; 5, 2; первый и третий образцы являются копиями из серебра и золота); изредка его руки соединены на животе (рис. 4, 4, 7) или широко расставлены в стороны (тоже молитвенная поза) (рис. 4, 6). На голове его всегда узкая повязка-диадема, и (почему-то это было важно) подчеркнуты волосы прически. В половине случаев мы видим у него уже знакомый сасанидский узор тканей из треугольников с тремя точками (рис. 3, 2; 4, 1–2, 8). Некоторое сходство этот персонаж имеет с несколькими согдийскими изображениями на терракотовых фигурках (от них сохранились головы и части туловища) из Самарканда и Пенджикента VI–VII вв. У этих мужских персонажей имеются сходной формы крылья, они тоже носят диадему, но украшенную рядом круглых блях; руки у них, как и у ряда аланских, сложены на животе [Мешкерис 1989, с. 230, рис. 125]. Это довольно редкий тип изображений.

Естественно, возникает вопрос: какой именно важный аланский персонаж так часто представлен на мужских поясах? У предшественников средневековых аланов – кочевых сарматов, а также у более ранних скифизированных меотов Западного Предкавказья – использовались собственные или специально неоднократно отобранные греко-римские изображения (Эрот, одна из версий с Аполлоном и вороном, Змееногая богиня и Хозяин зверей) [Яценко 2022а, с. 149–150, 152, 157–158, 161]. У «этнографических» осетин крылаты «голые дети в Райском саду», сам Уастырджиджи¹⁸, а также уиаг (великан) Кандзргас и Аксак-Темур. Увы, все эти персонажи мало подходят для передачи смиренной (и, похоже – регулярной) молитвы.

¹⁷ Для рис. 4: (1 – <https://pin.it/37HuUdV>; 2–3 – <https://pin.it/3NS84f3>; 4 – <https://pin.it/2JpqlE7>; 5 – <https://pin.it/4JH74ZX>; 6 – <https://pin.it/qHVQlCu>; 7, 11 – предоставлено М.А. Цагараевым; 8 – <https://pin.it/5UOAAcU>; 9 – <https://pin.it/6jNAQlw>; 10 – <https://www.artofit.org/image-gallery/598134394234190706/Пояс-аланы-9-10вв/>. К северо-востоку от территории донских аланов, в Тамбовской области есть единственная находка такого крылатого персонажа на поясном наконечнике (рис. 5, 6). А.В. Комар видит здесь правителя со скипетром (кривым!) в левой руке и с поднятой вверх правой кистью, но не видит небольших крыльев [Комар 2016, с. 551]. Я же не вижу ни скипетра, ни правителя; правая рука персонажа лежит на груди; за «скипетр» приняты ворот одежды и край штанов.

¹⁸ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 160, 321.

Наш выбор вполне понятно падает на такую категорию крылатых существ, как *зэды* (*единств. Зæд; множ. Зæдтæ*). Это духи – покровители местностей, природных стихий, групп животных и людей, но они также подчинены верховному божеству и сообщают ему о происходящем с людьми. Им полагалось молиться и приносить жертвы. Они могли при этом летать на большие расстояния, участвовать в сражениях, помогая людям¹⁹. По любезной информации Ю.А. Дзиццойты, зэды постоянно вершат суд на священной горе Бурхох; они в том числе судили и нартовского героя Батраза за убийство своих сородичей. У поздних осетин зэды – только мужского пола, но у одного персонажа подчеркнуты женские груди (рис. 4, 7; 4, 4). Аналогичные духи (обоих полов) есть у дардских народов Гиндукуша (калаши, кхо и др.). Они также имеют небольшие крылья, собираются и живут на вершинах гор, помогают в сражениях и на охоте и т. п. [Йеттмар 1986, с. 379–380, 446–452]. Оба пола имеют и *пери* у равнинных таджиков.

Обратимся теперь к поясным наборам данного времени (рис. 5)²⁰, известным нам из «ингушских коллекций» М.А. Цагараева (рис. 5, 2, 4) и Нурай Белгили (рис. 5, 1, 3). В их составе есть уже рассмотренные персонажи и сюжеты с ними: «полет Александра на птицах» (рис. 2, 1, 4) и крылатая молящаяся фигура (рис. 5, 1–2, 4). *Нет ли среди них еще таких, которые могут быть сопоставлены с алано-осетинскими сюжетами?*

Наше внимание сразу привлекает мотив *охоты всадника на зайца*, встречавшийся в скифском и сарматском искусстве [Яценко 2022b, с. 349–350]. Как и на скифских бляшках из «царских» курганов Куль-Оба и Александропольский, на наконечнике пояса из Ингушетии охотник одет очень парадно, декор его одежды подчеркнут. Он в диадеме с развевающимися лентами, как в сасанидском искусстве; одежда, похоже, декорирована знакомыми сасанидскими треугольниками из точек. Акцентированы также гривна (?), серьги, детали конских уздечки и стремян. Он стре-

¹⁹ Осетинские народные сказания. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948. С. 345; Нартские сказания. Осетинский народный эпос / Пер. В. Дынник. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. С. 367.

²⁰ Для рис. 5: 1- <https://pin.it/75M1H2A>; 2a – <https://pin.it/6jNAQlw>; 2, 4 – предоставлено М.А. Цагараевым; 3 – <https://www.artofit.org/image-gallery/598134394234190706/Пояс-аланы-9-10вв/>; 5 – святилище у г. Курганинск (Берлизов, Каминская, Каминский 1995, табл. 4в, 97); 6 – Крюково-Кужуновский, погребение 217 (Комар 2016, рис. 2, 7). Материал: 1, 4, 6 – серебро; 2 – золото; 3 – бронза; 5 – бронза, железо.

ляет, обернувшись назад (так называемый парфянский выстрел). Бегущий заяц на узкой пластинке не поместился и размещен над головой преследователя. Как известно, охота всадника на зайца нередко изображалась на значимых изделиях в искусстве иранских народов [Кузьмина 1977, с. 20–21]. В нартовском эпосе с нею связан лишь один, притом важный сюжет: охота героя Хамыца на краю света на волшебного белого зайца, облик которого приняла дочь водного царя²¹. От брака чудесным образом родился Батраз, чей образ сохранил, как принято думать, много черт скифо-сарматского бога-меча (бога войны).

На одном из поясов, с уже известными нам «крылатыми молящимися» в двух вариантах, на наконечнике ремня (рис. 5, 1 справа) изображена весьма необычная сцена: *орел уносит человека*. От последнего видны только свисающие ноги, остальное закрыто фигурой взлетающей птицы. Такой сюжет широко известен в фольклоре иранских народов (персов, белуджей, осетин) и издавна документирован [Рахно 2022, с. 114–122]. Он связан с мотивом неотвратимого рока, выражающемся в неизбежности гибели «исчезнувшего» сына, после того как его неожиданно обнаруживает отец. В нартовском эпосе это сюжет с Урызмагом, который был похищен орлом и попал затем в подводное царство²². На этом же поясе мы видим по орлу на бляшках с прорезью и крылатых «пегасов».

Самым загадочным для поясов разбираемой серии является сюжет с *человеком, сидящим верхом на быке* (рис. 5, 4). Бык, похоже, встает, а всадник спокойно сидит, держась за его рога. У мужчины – рубаха с короткими рукавами, узкие штаны, уже знакомые нам полусапожки на каблуке и гривна. В необычный комплект входят «крылатый молящийся» и бляхи с головой оленухи, наклонившейся к олененку (?). На другом поясе (рис. 5, 2) мы вновь и неоднократно встречаемся с образом быка. На узком наконечнике ремня он показан с изогнутым дугой телом (иначе фигура не поместилась бы), на самых мелких бляшках видим только бычьи головы. Что за персонаж перед нами? Около начала I в. н. э. в святилище сарматов-сираков у г. Курганинск на Кубани (открытая площадка около 60 кв. м, с каменным алтариком и с разнообразными приношениями, включающими и следы человеческих жертв, серию золотых аксессуаров костюма, бусы ожерелий, оружие и доспех, конскую упряжь, посуду и др.) был

²¹ Шанаев Г. Из осетинских сказаний о нартах. (1) // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. IX / II. С. 1–9.

²² Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 50–52, 60–61, 69–70.

обнаружен единственный небольшой идол из железа и бронзы – фигурка всадника на быке [Берлизов и др. 1995, с. 125; рис. 4в, 97] (рис. 5, 5). В слое III в. н. э. в боспорском Пантикапее найдена грубая глиняная фигурка «местного культа» в виде всадника на быке, подносящего ко рту свирель²³. К сожалению, у поздних наследников сармато-аланов не сохранилось памяти о подобном божестве (и это лишний раз показывает, как мало мы еще знаем сегодня аланскую религию). Известно лишь, что с быками могли ассоциироваться разные виды конного войска²⁴, а пара быков, живущих в море, упоминается в связи с рождением Батраза²⁵. Судя по атрибуту этого божества в Пантикапее (свирель) и приношениям в святилищах от обоих полов, наиболее «подходящими» поздними персонажами среди владельцев волшебных свирелей (прим. 12) были Ацамаз либо его «двойник» Урагом, с их золотыми инструментами, «отвечавшие», видимо, когда-то за охрану и возрождение природы, а чисто мужской покровитель – Хозяин животных Афсати – не подходит.

Мы говорили о предполагаемом наборе аланских сюжетов и одном из эпизодов с Александром Великим (образ которого был переосмыслен в алано-осетинском фольклоре). *Размещение именно таких сюжетов на атрибутах мужчин-воинов* (прежде всего – поясах) *кажется отражающим мироощущение аланских мужчин*. Напомню их: одна из версий эпизода поимки Ахсартагом своей будущей жены Дзерассы (в виде птицы) – история происхождения героев-нартов; Хамыц и поимка его будущей жены (в виде зайца) – рождение Батраза (когда-то – бога войны); Уразмаг со «скрипкой» (лютней) и соблазнение жены Уарп-алдара – восхваление идеального воинского побратимства; один из сюжетов с Александром (с которым аланы связали, прежде всего, прекращение убийства заслуженных стариков – уважение к боевым заслугам юности, связываемое с Урызмагом); орел, уносящий Урызмага – история о непреодолимости судьбы, столь понятная многим воинам; крылатые зэды – покровители, среди прочего, групп людей.

Древние вещи молчат. Они не спешат рассказывать нам свои истории. Однако попытки «заговорить» с ними нужны, и одна из них была предпринята сейчас вместе с читателями. Мы приходим к выводу, что выбор сюжетов аланами отражал их мифологию и эпос. Большинство сюжетов IX–X вв. характерны именно для

²³ Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея (Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Свод археологических источников. Вып. Г1-11). М.: Наука, 1974. Рис. 12.

²⁴ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 82.

²⁵ Там же. С. 222.

этого этноса, а изделия с ними, видимо, производились в Предкавказье. Детали иконографии отражают, прежде всего, процессы, происходившие ранее – влияние развитых изобразительных традиций (и к тому же родственных, ираноязычных) доисламских персов и согдийцев, причем заметно влияние и раннеисламского искусства расположенного поблизости Ирана.

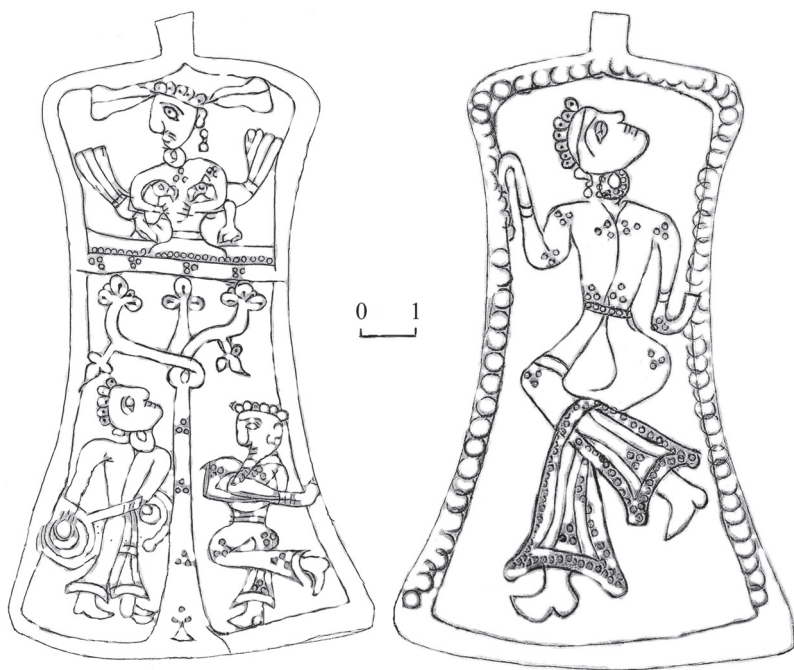

Рис. 1. Серебряная пластина с р. Чемульга
(рис. автора)

Рис. 2. Аналогии сюжету «Александр возносится на небо»
на серебряной пластине (1–2, 4, 6)
и сопровождающим персонажам (3–5) в Ингушетии и вне ее.
Материал: 1, 3, 5–6 – серебро с позолотой;
2 – текстиль; 4 – серебро

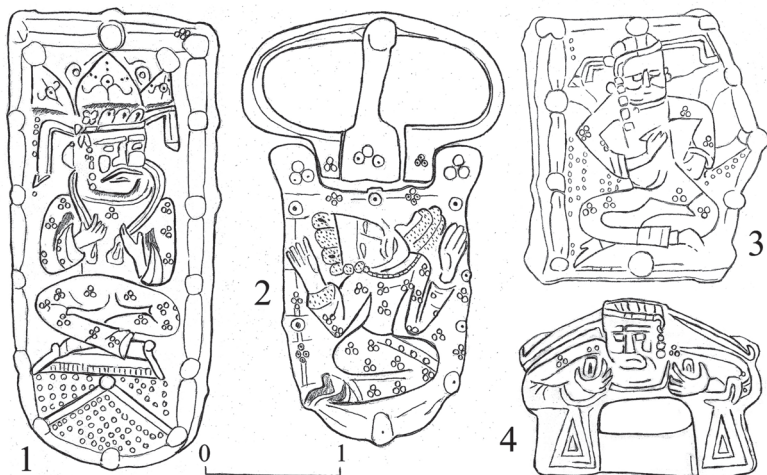

Рис. 3. Золотая гарнитура пояса с р. Чемульга
(рис. автора)

Рис. 4. Поясная гарнитура с сидящим крылатым «молящимся» (1–4, 6–9) и правителем на кресле (10–11) из Ингушетии. Материал: 1–4, 7–9, 11 – серебро; 6 – серебро с позолотой; 5, 10 – бронза

Рис. 5. Элементы поясных наборов из Ингушетии и аналогии сюжетам (5–6)

Источники

- Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Университетская тип., 1893. 356 с.
- Нартские сказания. Осетинский народный эпос / Пер. В. Дынник. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. 436 с.
- Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2 / Ред. У.Б. Далгат. М.: Наука, 1989. 171 с.
- Осетинские народные сказания. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948. 504 с.
- Повесть о рождении и победах Александра Великого / Пер. и коммент. Н. Горелова. СПб.: Азбука-Классика, 2006. 256 с.
- Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея (Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Свод археологических источников. Вып. Г1-11). М.: Наука, 1974. 48 с.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. 18 с., илл.
- Шанаев Г.* Из осетинских сказаний о нартах. (1): Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. IX / П. С. 1–9.

Литература

- Абдухоликов и др. 2021 – *Абдухоликов Ф.Ф., Ртвеладзе Э.В., Бердимуродов А., Богомолов Г., Гюль Э., Ильясов Дж., Компарети М., Кулакова Л., Лурье П., Маршак Б., Торгоев А., Цветкова Т., Яценко С., Вужун С. Юхань Я.* Согдиана – сердце Шелкового пути. Ташкент: Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, 2021. 544 с. (на узбек., англ., русск. яз.).
- Арсланова 2013 – *Арсланова Ф.* Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 405 с.
- Берлизов и др. 1995 – *Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н.* Сарматские памятники Восточного Закубанья // Историко-археологический альманах. 1995. Вып. 1. С. 120–131.
- Бокий, Плетнева 1988 – *Бокий Н.М., Плетнева С.А.* Захоронение семьи воина-кочевника в бассейне Ингула // Советская археология. 1988. № 2. С. 99–115.
- Виноградов, Мамаев 1984 – *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ, 1984. С. 62–86.
- Йеттмар 1986 – *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Комар 2016 – *Комар А.В.* Поясные наборы IX–X веков с «мифологическими» сюжетами // Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honor of Csánad Bálint on the Occasion of His 70th Birthday /

- Ed. by Á. Bollók, G. Sciky and T. Vida). Budapest: Institute of Archaeology, 2016. P. 545–556.
- Кузьмина 1977 – *Кузьмина Е.Е.* Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности / Ред. М.А. Коростовцев. М.: Наука, 1977. С. 16–25.
- Маршак 1971 – *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971. 157 с.
- Мешкерис 1989 – *Мешкерис В.А.* Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989. 324 с.
- Плаева 2016 – *Плаева З.К.* Музыкальные инструменты в нартовском эпосе осетин: свирель Ацамаза // Традиционная культура. 2016. № 4. С. 67–78.
- Рахно 2019 – *Рахно К.Ю.* Александр Македонский в осетинской фольклорной традиции // Saucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета. 2019. Вып. IV. С. 89–100.
- Рахно 2021 – *Рахно К.Ю.* Уарп-Ахсина: древнеиранские истоки одного женского образа в Нартовском эпосе // Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований. 2021. Вып. 26. С. 76–92.
- Рахно 2022 – *Рахно К.Ю.* Потомки Рустама: татско-осетинские параллели // NARTAMONGÆ. 2022. № 1-2. С. 98–183.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
- Халикова 1976 – *Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. № 2. С. 158–178.
- Яценко 2006 – *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 661 с.
- Яценко 2009 – *Яценко С.А.* Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII в. (образы «Иных») // Transoxiana. Número 14 (Agosto 2009). URL: http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html (дата обращения 6 декабря 2023).
- Яценко 2022a – *Яценко С.А.* Боги сарматов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 143–186.
- Яценко 2022b – *Яценко С.А.* О фольклорных образах в культуре ранних кочевников, близких алаано-осетинской традиции // NARTAMONGÆ. 2022. № 1-2. С. 343–364.
- Wilkinson 1973 – *Wilkinson C.K.* Nishapur: Pottery of the early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973. 418 p.
- Yatsenko 2012 – *Yatsenko S.A.* Sogdian Costume in Chinese and Sogdian Art of the 6th–8th cc. // Serica – Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations / Ed. G. Malinowski, A. Paroń, B.Sz. Szmoniewski. Instytut archeologii i etnologii PAN, Wrocław: 2012. P. 101–114.
- Yatsenko 2019 – *Yatsenko S.A.* Some notes on Sogdian Costume in Early Tang China // The Silk Road. 2019. Vol. 17. P. 65–73.

References

- Abdulkholikov, F.F., Rtveladze, E.V., Berdimurodov, A., Bogomolov, G., Gul, E., Ilyasov, J., Compareti, M., Kulakova, L., Lurye, P., Marshak, B., Torgoev, A., Tsvetkova, T., Yatsenko, S., Wujun, S. and Yuhan, Ya. (2021), *Sogdia: The Heart of the Silk Road*, Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, Tashkent, Uzbekistan.
- Arslanova, F. (2013), *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya* [Essays on the Medieval Archaeology of the Upper Irtysh], Institut Arkheologii, Astana, Kazakhstan.
- Berlizov, N.E., Kaminskaya, I.V. and Kaminsky, V.N. (1995), "Sarmatian Monuments in the East of Trans-Kuban Region", *Istoriko-arkheologicheskii almanakh*, iss. 1, pp. 120–131.
- Bokii, N.M. and Pletneva, S.A. (1988), "The Grave of the Nomad Warrior' Family in Ingul Basin", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 99–115.
- Jettmar, K. (1986), *Religii Ginkukusha* [Religions of Hindukush], Nauka, Moscow, Russia.
- Khalikova, E.A. (1976), "Bolshie Tigany Cemetery", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 158–178.
- Komar, A.V. (2016), "Belt Sets of the 9th–10th cc. with the 'Mythological' Plots", Bollók, Á., Sciky, G. and Vida, T. (eds.), *Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honor of Csánad Bálint on the Occasion of His 70th Birthday*, Institute of Archaeology, Budapest, Hungary, pp. 545–556.
- Kuzmina, E.E. (1977), "Image Semantics of the Silver Disc and Some Interpretation Issues of Oxus Treasure", Korostovtsev, M.A. (ed.), *Iskusstvo Vostoka i antichnosti*, Nauka, Moscow, USSR, pp. 16–25.
- Marshak, B.I. (1971), *Sogdiiskoe serebro* [Sogdian Silver], Nauka, Moscow, USSR.
- Meshkeris, V.A. (1989), *Sogdiiskaya terracotta* [Sogdian Terracotta], Donish, Dushanbe, Tajikistan.
- Plaeva, Z.K. (2016), "Musical Instruments in the Nart Epic. The Pipe of Atsamaz", *Traditional culture*, no. 4, pp. 67–78.
- Rakhno, K.Yu. (2019), "Alexander of Macedonia in Ossetian Folklore Tradition", *Caucaso-Caspica*, Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University, vol. IV, pp. 89–100.
- Rakhno, K.Yu. (2021), "Uarp-Akhsina. The Ancient Origins of One Female Image in the Nart Epic", *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy*, iss. 26, pp. 76–92.
- Rakhno, K.Yu. (2022), "The descendants of Rustam. The Parallels of Ossetians – Tats", *NARTAMONGÆ*, no. 1-2, pp. 98–183.
- Rybakov, B.A. (1987), *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of the Ancient Rus'], Nauka, Moscow, USSR.
- Vinogradov, V.B. and Mamaev, Kh.M. (1984), "Alanian Cemetery near Martan-Chu Village in Chechnya", Kuznetsov, V.A. (ed.), *Voprosy arkheologii i etnografii*

- Severnoi Osetii* [Issues of Archaeology and Ethnography of the Northern Ossetia], Severo-Osetinskii NII, Orzhonikidze, USSR, pp. 62–86.
- Wilkinson, C.K. (1973), *Nishapur: Pottery of the early Islamic Period*, The Metropolitan Museum of Art, New York, USA.
- Yatsenko, S.A. (2006), *Kostyum drevnei Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples)], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Yatsenko, S.A. (2009), “The Early Turks. The Male Costume in the Chinese Art of the 2nd half of 6th – the first half of 8th cc. (Images of Others)”, *Transoxiana*, no. 14, available at: http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html (Accessed 6 December 2023).
- Yatsenko, S.A. (2012), “Sogdian Costume in Chinese and Sogdian Art of the 6th–8th cc.”, Malinowski, G., Paroń, A. and Szmoniewski, B.Sz. (eds.), *Serica – Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations*, Institut archeologii i etnologii PAN, Wrocław, Poland, pp. 101–114.
- Yatsenko, S.A. (2019), “Some notes on Sogdian Costume in Early Tang China”, *The Silk Road*, vol. 17, pp. 65–73.
- Yatsenko, S.A. (2022a), “Gods of Sarmatians”, *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*, no. S1, pp. 143–186.
- Yatsenko, S.A. (2022b), “On the Folklore Characters in the Culture of Early Nomads, Close to Alanian-Ossetian Tradition”, *NARTAMONGAĖ*, no. 1-2, pp. 343–364.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergey_yatsenko@mail.ru

УДК 7.072(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-128-138

Искусствоведческое самоопределение русских филологов-формалистов

Николай А. Хренов

Государственный институт искусствознания,

Москва, Россия, nihrenov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются границы самоопределения русских филологов-формалистов как исследователей искусства. Показывается, что формализм находился в ситуации двойного кризиса: кризиса амбиций символизма и кризиса позитивистского искусствознания. Кризис символизма заставлял формалистов находить новый позитивистский код для обоснования своей деятельности, тогда как кризис самого позитивизма требовал использования специфических эстетических нарративов. Наступила эпоха общей эстетики, которая превратилась из проекта в духе Б. Кроче в общее самоопределение искусства как исследующего разрыв между возможным и действительным. Формализм с его пафосом действительности слова не мог до конца отказаться от области возможного, которая и была понята как базовая эстетическая область, в том числе для производства личных реакций на происходящее. Только контекстуализация формализма внутри лингвистического поворота, с опорой на идеи Бахтина и Гадамера, позволяет понять вклад этого движения не только в методы отдельных гуманитарных наук, но и в спецификацию искусства в XX веке.

Ключевые слова: русский формализм, эстетика, позитивизм, методология искусствоведения

Для цитирования: Хренов Н. А. Искусствоведческое самоопределение русских филологов-формалистов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 128–138. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-128-138

Art criticism self-definition of Russian formalists

Nikolai A. Khrenov

State Institute of Art History, Moscow, Russia, nihrenov@mail.ru

Abstract. The article considers the limits of self-definition of Russian formalist philologists as art researchers. It is demonstrated that formalism was in a state of double crisis: the crisis of ambitions of symbolism and the crisis of positivist art criticism. The crisis of symbolism forced the formalists to look for a new positivist code to substantiate their work, while the crisis of positivism itself required the use of particular aesthetic narratives. The era of general aesthetics came, which evolved from a project in the vein of B. Croce into a shared self-definition of art as probing the gap between the possible and the actual. Formalism, with its paths of the reality of the word, could not entirely renounce the domain of the possible, which was conceptualized as the core aesthetic sphere, including the production of personal reactions to what was happening. Only the contextualization of formalism within the linguistic turn, drawing on the ideas of Bakhtin and Gadamer, allows us to realize the input of the movement not only to the methods of certain humanities, but also to the specification of art in the 20th century.

Keywords: Russian formalism, aesthetics, positivism, methodology of art criticism

For citation: Khrenov, N.A. (2024), "Art criticism self-definition of Russian formalists", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 128–138, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-128-138

В статье рассматривается вопрос о научном самоопределении литературоведов, представлявших русский формализм, в области искусства. Когда заходит разговор о критерии научности, под ним принято подразумевать методологию скорее не гуманитарных, а естественных наук. Но позитивизм явился выражением духа культуры, которая в период появления формализма начала уходить в прошлое.

От позитивизма начали отрезаться уже на рубеже XIX–XX вв. и, как уже казалось, отреклись навсегда. Поколение в русском искусстве, получившее выражение в столь мощном художественном течении, как символизм, оказалось в оппозиции по отношению к поколению своих отцов, пребывавших во второй половине XX в. под сильным воздействием позитивизма [Хренов 2012]. Не случайно Д. Писарев под воздействием социологии в ее французском варианте критиковал даже Пушкина, да и всю существующую эстетику.

Но раз формалисты, создавая свою методологию исследования искусства, отталкиваются от практики футуристов, а формалисты, как известно, находились в оппозиции по отношению к символистам, то получается, что рождающаяся новая методология, а именно методология формализма – это тоже возрождение позитивистской традиции. На этом и основывается прокламируемый формалистами принцип научности. Их интересуют не субъективные эстетические и философские теории, а научное исследование объективных фактов.

Что же получается? Эстетика, которая на протяжении столетий питала искусствоведческую рефлексию, формалистами отправляется в отставку. Реабилитация позитивистской методологии формалистов диктует им обратиться к лингвистике, а она, разумеется, помогает выявить отличие художественного выражения в поэтических текстах, сопоставляемых с непоэтическим, практическим языком. Эта проблема формалистов интересовала на первоначальном этапе становления их методологии, когда их интересовала исключительно поэтическая речь, а не конструкция художественного произведения, что и является предметом изучения поэтики. Это, кстати, и диктовало их обращение к лингвистике. Спрашивается, откуда же формалисты взялись? Только ли из футуризма, как они на этот вопрос отвечают?

Кстати, заслуга формализма заключается еще и в том, что они во многом способствовали преодолению негативной стороны эстетики, которая В. Дильтеем связывалась с перманентным ее разрывом с живой практикой искусства. Кажется, что именно для разрешения этой задачи они и появились. И действительно, им и в самом деле удалось в этом смысле продвинуться.

Сами формалисты обосновывали собственные теоретические положения, анализируя опыт футуризма, т. е. авангарда. Именно поэтика давала ключ к тому принципу, который Б. Кроче называет «выражением». Казалось бы, поэтика не противостоит эстетике. Первый опыт построения эстетики, как известно, Аристотель так и называет – поэтика.

Но в рассуждениях формалистов между эстетикой и поэтикой никаких связей не находилось. Формалистов упрекали в том, что они игнорируют вопросы эстетики, философии, психологии и социологии. Реагируя на это, Б. Эйхенбаум подтверждает отрыв от эстетики и аргументирует его так:

...упреки эти, несмотря на их качественные различия, одинаково справедливы в том отношении, что они правильно схватывают характерный для формалистов и, конечно, не случайный отрыв, как и от

всех готовых или считающих себя такими общих теорий. Этот отрыв (особенно от эстетики) – явление более или менее типичное для всей современной науки об искусстве¹.

Констатация Б. Эйхенбаума верна. Правда, причину этого он не объясняет. А она не только в кризисе эстетики, но и в том, что ей приходится передать часть своей проблематики новой, рождающейся в XX в. науке – теории искусства. Таким образом, Б. Эйхенбаум объясняет игнорирование эстетики, отрыв от нее общей ситуацией, складывающейся в науке об искусстве в первые десятилетия прошлого столетия. Но что же это за абстракция – «общая ситуация»? Она еще ничего не объясняет. Объяснить всё можно разве тем, что у формалистов на первый план создаваемой ими методологии выходит принцип научности.

Уклон формализма в сторону позитивизма Б. Эйхенбаум объясняет так:

При этом важно было противопоставить субъективно-эстетическим принципам, которыми вдохновлялись в своих теоретических работах символисты, пропаганду объективно-научного отношения к фактам. Отсюда – новый пафос научного позитивизма, характерный для формалистов: отказ от философских предпосылок, от психологических и эстетических истолкований и т. д. Разрыв с философской эстетикой и с идеологическими теориями искусства диктовался самим положением вещей. Надо было обратиться к фактам и, отойдя от общих систем и проблем, начать с середины – с того пункта, где нас застает факт искусства. Искусство требовало, чтобы к нему подошли вплотную, а наука – чтобы ее сделали конкретной².

Существовавшая эстетика, стало быть, этим требованиям не соответствовала. Не соответствовала этому и символистская эстетика как новая эстетика. Таков был взгляд формалистов.

Б. Эйхенбаум не просто отмахивался от эстетики. Он ее кризис осознал. Он пишет, что вся существующая наука, пользующаяся устарелыми эстетическими, психологическими и историческими аксиомами, утратила ощущение собственного предмета исследования³. Значит, действительно, в эстетике имел место кризис, который ощутил еще В. Дильтей. Иначе говоря, эстетика не только сама

¹ *Эйхенбаум Б.* Теория «формального метода» // Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 387.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 388.

утратила представление о предмете, но и стала причиной такого же состояния наук, оказавшихся под ее влиянием. Конечно, тут речь должна идти и о науке об искусстве. Устарел предмет наук, которые прибегали к эстетике, но и эстетика тоже свой предмет потеряла. Так подтверждался диагноз В. Дильтея.

Целью формалистов было возрождение аристотелевской традиции: была предпринята попытка создать новый вариант поэтики, возможный в результате осмысления современного искусства. Да, собственно, само возникновение формализма было реакцией на кризис эстетики, а он заключался в расхождении между ее представлениями, возникшими в эпоху Просвещения, и опытом современного искусства. Ради приближения к современности, а также более углубленного осмысления классики с эстетикой пришлось расстаться. Эта же цель обязывала формалистов обратиться к лингвистике. Поэтика в ее новом, т. е. авангардном, проявлении, над которой трудились формалисты, – это производное от взрыва утопического сознания этого времени. А сам утопизм – признак модерна.

Но только что из этого получилось? А получилось то, что, как казалось, предвидеть было невозможно. Движение формалистов в сторону лингвистики было осознанным и, можно сказать, программным. Пытаясь подхватить аристотелевскую традицию, которая, с точки зрения В. Дильтея, умерла, а именно создание поэтики, смысл которой заключается в принципе выражения, формалисты открыли для себя новую методологию, а ее они находили в лингвистике. Вот как опять же пишет об этом Эйхенбаум:

Так, вместо обычной для литературоведов ориентации на историю культуры или общественности, на психологию или эстетику и т. д. у формалистов явилась характерная для них ориентация на лингвистику как на науку, по материалу своего исследования соприкасающуюся с поэтикой, но подходящую к нему с иной установкой и с иными задачами. С другой стороны, лингвисты тоже заинтересовались формальным методом, поскольку факты поэтического языка, обнаруживающиеся при сопоставлении его с практическим, могли рассматриваться в сфере чисто лингвистических проблем, как факты языковые вообще. Получилось нечто аналогичное тем отношениям взаимного пользования и разграничения, какие существуют, например, между физикой и химией⁴.

Получается, что Б. Эйхенбаум просто повторяет суждение Б. Кроче о взаимной заинтересованности эстетиков и лингвистов.

⁴ *Эйхенбаум Б.* Указ. соч. С. 390.

Однако сами формалисты разрабатываемую ими поэтику с эстетикой вовсе не связывали. Даже наоборот, ее игнорировали. Получилось все не так, как прогнозировал и Б. Кроче. В результате можно констатировать, что прогноз Б. Кроче начинает осуществляться. Но так ли это? Б. Эйхенбаум ведь констатирует не только отношения взаимного пользования, но и разграничения между науками. Вот тут-то все дело. Стена-то между эстетикой и лингвистикой вроде бы начинается успешно пробиваться. Но так получается, что заимствуемая из лингвистики методология эстетики и лингвистику не только сближала, но и разъединяла.

Первоначально, ближе к концу 1920-х гг. все позитивные открытия формализма были раскритикованы и, по сути, свернуты, хотя они будут реабилитированы в 60-е гг. и с этого момента получают признание в мировой науке. Но дело не в этом. Вклад формалистов в науку значителен. Но, увы! эстетика тут оказалась ни при чем. Если судить по тому, что пишет Б. Эйхенбаум, то получается, что этот вклад был сделан не благодаря эстетике, а вопреки ей. Более того, как свидетельствует опыт формалистов, эстетика вообще ими была отправлена в отставку. Это было ими осознано.

Но все-таки хочется задать вопрос: а так ли это на самом деле? Может быть, вопреки утверждениям формалистов, эстетика все-таки при чем. Но это следует еще доказать. В связи с этим обратим внимание на одну мысль, высказанную Б. Пастернаком в письме к П.Н. Медведеву в связи с формализмом. Б. Пастернак имел некоторое отношение к формализму, во многом обязанному футуризму как художественному направлению, с которым был связан ранний Б. Пастернак. Мысль поэта заключалась в том, что в реальности теоретические идеи не противоречили эстетике. Они могли стать основанием построения эстетики в ее новой форме, хотя сами формалисты этого не поняли.

Так, отчасти разделяя критику П. Медведевым формализма, Пастернак в письме к нему от 1929 г. находил в формализме позитивное зерно.

И вашу позицию в отношении формализма целиком разделяю, с той, впрочем, лишнею оговоркой, что, разумеется, в деталях вы к ним несправедливы. Это, вероятно, осознаете и вы, и это допущено умышленно. Я говорю о недостаточных толкованиях некоторых понятий, как то: остранение, взаимоотношение фабулы и сюжета и пр. и пр. Мне всегда казалось, что это, теоретически, очень счастливые идеи, и меня всегда поражало, как позволяют эти понятия, эвристически столь дальнобойные, быть их авторам тем, что они есть. На их месте я тут же, сгоряча, стал бы из этих наблюдений выводить систему эстетики

и если что всегда, с самого зарождения футуризма (и чем дальше, тем больше), меня от левовцев и формалистов отдаляло, то именно эта непостижимость их замиранья на самых обещающих подъемах. Этой непоследовательности я никогда понять не мог⁵.

В самом деле, мы приходим к выводу о том, что формализм все же имел отношение к эстетике и решал эстетические проблемы. Просто формалистов этот вопрос не интересовал. Но чтобы это понять, необходимо рассмотреть этот вопрос в культурологическом аспекте, во-первых, а во-вторых, рассмотреть его исторически. Здесь следует говорить не об эстетике вообще, а об эстетике определенного периода в истории культуры, а этот период начинается в эпоху Просвещения, когда, собственно, эстетика и появилась.

Тут невозможно пройти мимо того, что формализм, возрождающий позитивизм, как научное явление в вакууме не был. Ему предшествовала отечественная традиция в гуманитарной науке, связанная именно с позитивизмом, который они и возрождали. В России он связан с именем А. Веселовского. В своей книге об опыте формализма Р. Jakobson называет его типичным воспитанником шестидесятых и семидесятых годов и ортодоксальным приверженцем естественных наук с присущим им культом точных наук, считавшихся образцом науки вообще [Jakobson 2011, с. 42]. Однако Р. Jakobson говорит, что, несмотря на то, что его учителем был А. Веселовский, находящийся под влиянием романтической школы Ф. Буслаева, у самого А. Веселовского от романтизма ничего нет. Даже когда он изучал открытый для эстетики романтиками фольклор, он исключал рассмотрение всяких мифологических представлений, без реабилитации которых романтизма не существует, о чем свидетельствует философия близкого романтикам Ф. Шеллинга, а тем более не существует и символизма. А. Веселовский был последователем немецкого ученого Бенфея, пытавшегося применить открытия, имевшие место в лингвистике, к философии.

Тем не менее, хотя к А. Веселовскому формалисты обращаются, его помнят и знают, не так уж и много для становления их методологии его имя для них значит. Они уходят в сторону лингвистики. Однако она не исключает воздействия на них позитивизма. Но ясно, что тут дело не столько в почитании авторитетного предше-

⁵ *Пастернак Б.* Из писем // Литературное наследство: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 709.

ственника, сколько в возрождении позитивизма, что можно проиллюстрировать не столько идеями заимствующего свой знаменитый принцип «остранения» у А. Бергсона и В. Шкловского, сколько методологией В. Проппа. Однако лингвистика еще не позволяет разрешить многие проблемы, стоящие перед филологией и искусствоведением.

Несмотря на некоторое совпадение между *наукой об искусстве* и *наукой о языке*, Б. Эйхенбаум не зря говорит о существующем между ними «разграничении». Оно и в самом деле существенно. Критика М. Бахтиным использованного формалистами лингвистического подхода не исключает обращения к нему, но и далеко не исчерпывает всей сложности предмета. Конечно, в своей обобщающей статье Б. Эйхенбаум говорит о том, что методология формализма еще не успела достичь необходимой системности, она еще не успела сложиться. Правда, потом Бахтин скажет, что все, что могли сказать формалисты, они уже сказали, а дальше может быть только повторение открытого ими на раннем этапе становления формализма.

Пытаясь включить анализ формализма в контекст лингвистического поворота, мы отдаем отчет в справедливой критике формализма Бахтиным, который касается как раз ориентации формализма на лингвистику. Бахтин пришел к такому заключению:

Формалисты совершенно некритически проецируют конструктивные особенности поэтических произведений в систему языка, а лингвистические элементы языка непосредственно переносят в поэтическую конструкцию – в скрытой или открытой форме, в большей или в меньшей степени⁶.

Так, анализируя статью Л. Якубинского «О поэтическом глоссемосочетании», Бахтин пишет:

Расчленение языка на фонетические, морфологические и иные элементы является существенным и важным с точки зрения лингвистики. Язык как система действительно конструируется из этих элементов. Но отсюда отнюдь не следует, что морфемы, фонемы и прочие лингвистические категории являются самостоятельными конструктивными элементами поэтического произведения, что и поэтическое произведение конструируется из грамматических форм⁷.

⁶ Бахтин М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 263.

⁷ Там же.

Позднее формалисты откроют и начнут осваивать уже не только синхронный срез литературы, а историю литературы и историю искусства, что давало новые перспективы для развития их метода. Но кое-что все-таки уже успело проясниться, и в том числе по поводу разграничений между эстетикой и лингвистикой. Тем более что то, что начали формалисты, будет после некоторого перерыва продолжено, но, правда, уже другими исследователями. В частности, идеи формалистов получают продолжение и в отечественной науке. Например, об этом будет свидетельствовать деятельность тартуско-московской школы в 1960-е гг. Об этом же будет свидетельствовать французский структурализм. Так, Ю. Степанов констатировал: «Уже с конца 1920-х гг. начинается постепенный переход от “формализма” к “структурализму”»⁸. Он же пишет:

В конце 50-х гг. книга Проппа 1928 г. была переведена на английский и французский языки, стала известна в Европе и сразу была опознана структуралистами как один из источников их собственных идей. К. Леви-Строс, антрополог и структуралист, указывал, что современный «антропологический структурализм» является развитием «формального метода» русской школы, в частности метода Проппа⁹.

Традиция позитивизма проявилась в методологии формалистов, но и позднее в методологии структуралистов. Вот об этой активизации позитивизма в середине XX в. удачно говорит последователь герменевтической методологии Х.Г. Гадамер, которая берет свое начало в романтизме (в частности, у Шлейермахера) и вновь вспыхивает во второй половине XX в. Мы обращаемся к Гадамеру еще и потому, что он, представляя герменевтику, позволяет обнаружить более точное понятие (и вообще метод), выражающее смысл оппозиции позитивизму, что важно при распознавании происходящих в гуманитарных науках трансформаций.

Процитируем суждение Гадамера.

Когда я закончил эту книгу в конце 1959 года [«Истина и метод»], я был в большом сомнении по поводу того, не произошло ли это «слишком поздно», то есть не является ли уже излишним тот итог традиционно-исторического мышления, который я здесь подвел. Множились признаки новой волны технологической враждебности

⁸ Семиотика: Антология / Сост. Ю. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект: Деловая книга, 2001. С. 13.

⁹ Там же.

к истории. Ей соответствовало ширившееся принятие англосаксонской теории науки и аналитической философии, и в конце концов новый подъем, который переживали общественные науки (среди них прежде всего социальная психология и социальная лингвистика), не предвещал гуманистической традиции романтических гуманитарных наук никакого будущего. Но это была традиция, из которой вышел я. Она представляла собой опытную почву моей теоретической работы – хотя отнюдь не ее цель. Но даже внутри классических исторических гуманитарных наук произошло изменение стиля в направлении к новым методическим средствам статистики, формализации; было очевидным стремление к планированию науки и технической организации исследований. Выдвинулось вперед новое «позитивистское» самопонимание, которое требовалось с принятием американских и английских методов постановки вопросов¹⁰.

Но идеи «формальной школы» также обсуждались и в другом направлении – постструктурализме в лице Р. Барта, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова и др. Таким образом, и сам формализм, и следующие за ним структурализм и постструктурализм свидетельствуют об актуальности принципа научности в гуманитарных науках и о возрождении в науке об искусстве позитивистской традиции и, наконец, о том, что Д. Бахманн-Медик называет лингвистическим поворотом. Как бы ни обособлять гуманитарные науки от естественных и ни констатировать активность гуманитарных наук, о чем свидетельствуют многочисленные повороты, очевидно, что традиция позитивизма никуда не уходит. Но ее функция связана не столько с предвосхищением будущих форм, сколько с сохранением того, что должно с возникновением новой культуры угаснуть. А значит, мы остаемся не только с наукой о языке, но и с наукой об искусстве.

Литература

- Хренов 2012 – *Хренов Н.А.* Шесть тезисов по поводу эстетики русского символизма // Дух символизма. Русское и западноевропейское искусство в контексте эпохи конца XIX – начала XX века. М.: Прогресс-Традиция. 2012. С. 15–84.
- Якобсон 2011 – *Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011. 280 с.

¹⁰ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 615.

References

- Khrenov, N.A. (2012), "Six theses on the aesthetics of Russian symbolism", *Dukh simvolizma. Russkoe i zapadnoevropeiskoe iskusstvo v kontekste epokhi kontsa 19 – nachala 20 veka* [The Spirit of Symbolism. Russian and Western European art in the context of the era of the late 19th and early 20th century], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, pp. 15–84.
- Jacobson, R. (2011), *Formal'naya shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie* [Formal school and modern Russian literary criticism], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Russia.

Информация об авторе

Николай А. Хренов, доктор философских наук, профессор, Государственный институт искусствознания, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Козицкий пер., д. 5; nihrenov@mail.ru

Information about the author

Nikolai A. Khrenov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, State Institute of Art Studies, Moscow, Russia; bld. 5, Kozitsky Lane, Moscow, Russia, 125009; nihrenov@mail.ru

Методические пособия 1960–1980-х гг.
как отражение принципов педагогической системы
Заочного народного университета искусств
им. Н.К. Крупской

Вера В. Авдеева

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, v.v.avdeeva@urfu.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы общие аспекты методики образования в Заочном народном университете искусств им. Н.К. Крупской (ЗНУИ) в 1960–1980-е гг., в которых раскрывается специфика основных принципов взаимодействия педагога и ученика. Именно в вышеданных пособиях данного времени делается акцент на ряде важных установок для обучения художников-самоучек: от учебно-методических вопросов, проблем художественного воспитания до обучения основам изобразительной теории и практики. Рассматриваются основные методические пособия, разработанные специально для самодеятельных художников, среди них: на первом этапе «Творческая работа самодеятельного художника» (1961) и руководство для самодеятельных художников «Рисунок и живопись» Ю.Г. Аксенова, Р.М. Закина, Е.М. Зонненштраль, Ф.М. Кригера, Г.Е. Тарасевич (в 2 т., 1961), на втором этапе «Обучение и творчество» Р.М. Закина (1965) и «Художник-оформитель: руководство для самодеятельных художников» Г.Е. Тарасевича, В. Грохотова, Е. Павлиновой (1966), на заключительном третьем этапе выпускают учебное пособие «Перспектива» Е.А. Аксеновой и Ю.Г. Аксенова (1974) и практическое руководство по рисунку и живописи «Цвет и линия» М. Левидова и Ю.Г. Аксенова (1976). Все анализируемые пособия были подготовлены коллективом преподавателей факультета рисунка и живописи ЗНУИ.

Ключевые слова: самодеятельные художники, художники-самоучки, педагог, ученик, методические пособия, творчество, наивный художник, образование, рисунок, живопись

Для цитирования: Авдеева В.В. Методические пособия 1960–1980-х гг. как отражение принципов педагогической системы Заочного народного университета искусств им. Н.К. Крупской // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 139–153. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-139-153

Methodological manuals of the 1960–1980s as a reflection of the principles of the pedagogical system of the N.K. Krupskaya Extramural People University of Arts

Vera V. Avdeeva

*El'tsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
v.v.avdeeva@urfu.ru*

Abstract. The article considers and analyzes the general aspects of educational methods at the N.K. Krupskaya Extramural People University of Arts (ZNUI) in the 1960s–1980s, which proves the specifics of the basic principles of interaction between teacher and student. In the published manuals of that time, the emphasis is placed on a number of substantial guidelines for teaching amateur artists: educational and methodological issues, and questions of artistic education in the basics of visual theory and practice. The main teaching aids developed specifically for amateur artists are: for the first period “Creative work of an amateur artist” (1961), and a guide for amateur artists “Drawing and Painting” by Yu.G. Aksenov, R.M. Zakin, E.M. Sonnenstral, F.M. Krieger, G.E. Tarasevich (2 vols, 1961), for the second period “Training and Creative Work” by R.M. Zakin (1965) and “Design Artist. A Guide for Amateur Artists” by G.E. Tarasevich, V. Grokhotov, E. Pavlinova (1966), for the final third period the tutorials are produced, namely the textbook “Perspective” by E.A. Aksenova and Yu.G. Aksenov (1974) and a practical guide to drawing and painting “Color and Line” by M. Levidov and Yu.G. Aksenov (1976). All analyzed manuals were compiled by a team of teachers from the Faculty of Drawing and Painting of the University.

Keywords: amateur artists, self-taught artists, teacher, student, teaching aids, creative work, naive artist, education, drawing, painting

For citation: Avdeeva, V.V. (2024), “Methodological manuals of the 1960–1980s as a reflection of the principles of the pedagogical system of the N.K. Krupskaya Extramural People University of Arts”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 139–153, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-139-153

Во второй половине XX в. в деликатном подходе и тонком понимании сущности творческого начала нуждались различные группы населения нашей страны: и пенсионеры, и школьники, и заключенные, являясь зачастую потенциальными «наивными» художниками. Все они были в большинстве своем разрозненны и потеряны и испытывали потребность в обретении себя и общении

в таком месте, где смогли бы реализовать свои духовные и эстетические принципы. Таким центром притяжения для многих из них стал Заочный народный университет искусств им. Н.К. Крупской¹, учреждение, в котором сформировались общие аспекты методики образования в один из ярких периодов его существования, в 1960–1980-е гг., когда сложились основные принципы педагогической системы как примера взаимодействия педагога и ученика. В вышедших методических пособиях того времени предлагались различные подходы по обучению художников-самоучек, связанные во многом с художественным воспитанием и его учебно-методическим оснащением в период обучения основам изобразительной теории и практики. Именно благодаря слаженной педагогической системе ЗНУИ с каждым годом становился для каждого обучающегося почти родным домом, а педагогический коллектив превращался в семью. Так произошло со всемирно известным кузбасским художником Иваном Егоровичем Селивановым (1907–1988), который учился в ЗНУИ с 1947 по 1969 г. у педагога Юрия Григорьевича Аксенова и продолжал с ним общаться до конца жизни. Их переписка велась на протяжении почти сорока лет.

В Советском Союзе в 1960–1970-е гг. многими изостудиями, особенно в крупных центрах, руководили художники-профессионалы, имеющие специальное образование, а также большой опыт творческой и педагогической работы. Зачастую такие руководители не нуждались в методических указаниях и специальных пособиях. По большей части, они сами становились авторами работ, в которых подробно описывали свою собственную учебную методику и процесс обучения художников-самоучек. Вскоре это становилось базой для развития и внедрения новой методики обучения и другими педагогами. Известно, что существовало немало кружков и студий, которыми руководили самостоятельные художники из числа наиболее подготовленных, т. е. люди, никогда не учившиеся в профессиональных художественных учебных заведениях. Многие из них занимались искусством в свободное от основной производственной работы время – так же, как и их ученики в студии. К этой категории руководителей относятся довольно многочисленные учащиеся факультета изыска-

¹ Созданный на базе заочных курсов для желающих учиться рисованию, организованных в 1934 г. при существующем с 1915 г. Центральном доме народного творчества им. Н.К. Крупской, он по этой причине носил полное название Заочный народный университет искусств Центрального дома народного творчества им. Н.К. Крупской, в 1960 г. переименован в Государственный заочный народный университет искусств (Москва).

зительного искусства Заочного народного университета искусств им. Н.К. Крупской (ЗНУИ), которые на местах руководили изосамодеятельностью. Если же они успешно заканчивали повышенный курс университета, то могли получить право руководства изокружком. Именно для таких педагогов, вышедших из числа художников-любителей, и прежде всего для учащихся ЗНУИ, создавались точно выработанные методические пособия, с определенной системой обучения основам рисования. Эти методические принципы совершенствовались с годами практики педагогической работы большого коллектива художников-преподавателей Заочного народного университета искусств, среди них особую роль играли Рафаил Матвеевич Закин, Юрий Григорьевич Аксенов, Екатерина Михайловна Зонненштраль, Майя Михайловна Левидова и многие другие.

Методические пособия 1960–1980-х гг., созданные педагогами ЗНУИ, освещали и подсказывали решения многих проблем методики обучения искусству. Они подготовлены коллективом преподавателей рисунка и живописи Заочного народного университета искусств им. Н.К. Крупской (ЗНУИ) начиная с 60-х гг. прошлого столетия. Они специально были разработаны для обучения самодеятельных художников. На первоначальном этапе выпускаются сразу пособие Рафаила Матвеевича Закина² «Творческая работа самодеятельного художника» (1961)³ [Закин 1961], в этом же году выходит руководство для самодеятельных художников «Рисунок и живопись», в работе над которым принимал участие целый коллектив педагогов факультета рисунка и живописи: Юрий Григорьевич Аксенов, Рафаил Матвеевич Закин, Екатерина Михайловна Зонненштраль, Федор Морицевич Кригер⁴, Григорий Ефимович

² Рафаил Матвеевич Закин (1915–2000), закончил Московское художественное училище «Памяти 1905 года» в 1940 г. Ученик Р. Фалька. Ветеран Великой Отечественной войны. Воевал с сентября 1941 по май 1945 г. Преподавал в ЗНУИ.

³ *Закин Р.М.* Творческая работа самодеятельного художника. М.: Искусство, 1961. 54 с.

⁴ Федор Морицевич Кригер (1891–1981?), талантливый педагог ЗНУИ, вел художественную студию до 90 лет. Закончил в 1914 г. юридический факультет, военный инженер и специалист по военной маскировке, в юности учился в студии К. Машкова, высоко его творчество оценивал В.И. Суриков. Во время Первой мировой войны служил офицером, после Февральской революции был избран в Совет солдатских депутатов. После Октябрьской революции отошел от политики и стал художником. Сотрудничал с Центральным антирелигиозным музеем в Москве, после его

Тарасевич [Аксенов 1961]⁵. На втором этапе выпускает пособие Р.М. Закин «Обучение и творчество» (1965)⁶, и через год выходит книга «Художник-оформитель: руководство для самодеятельных художников»⁷, над которой работали несколько педагогов: уже упомянутый ранее Г.Е. Тарасевич⁸, В. Грохотов, Е. Павлинова. На заключительном этапе в середине 1970-х гг. появляются достаточные по популярности и пользующиеся спросом методические пособия: «Перспектива» Елены Александровны Аксеновой и Юрия Григорьевича Аксенова (1974)⁹ и практическое руководство по рисунку и живописи «Цвет и линия» Майи Михайловны Левидовой и Юрия Григорьевича Аксенова (1976)¹⁰.

Главное внимание в методических пособиях этого времени уделялось вопросам учебно-методического плана, аспектам художественного воспитания учащихся и обучению их основам изобразительной теории и практики. Именно в последнем случае возникали многочисленные и иногда трудноразрешимые вопросы. Помимо понятных каждому методических основ, начинающему руководителю приходилось задуматься над вопросами: как происходит усвоение образовательной программы художником-самоучкой и как изменить метод работы при неусвоении материала. Нюансы появлялись постепенно в процессе индивидуальной работы с художником и зачастую изначально были не видны. Некоторые

закрывая в 1947 г. часть его работ была передана в дар Ленинградскому музею истории и атеизма (ныне Государственный музей истории религий, Санкт-Петербург).

⁵ Рисунок и живопись: Руководство для самодеятельных художников / Ю.Г. Аксенов, Р.М. Закин, Е.М. Зонненштраль, Ф.М. Кригер, Г.Е. Тарасевич. М.: Искусство, 1961. Т. 1. 289 с.; Т. 2. 384 с.

⁶ Закин Р.М. Обучение и творчество: Беседы с руководителем изостудии / Заоч. нар. ун-т искусств, фак. изобразит. искусства. Л.: Художник РСФСР, 1965. 141 с.

⁷ Тарасевич Г., Грохотов В., Павлинова Е. Художник-оформитель: Руководство для самодеятельных художников. М.: Сов. художник, 1966. 259 с.

⁸ Григорий Ефимович Тарасевич (1898–?). Родился в Черниговской губернии, окончил Московский высший художественно-технический институт (ВХУТЕИИ) в 1930 г., в 1941 г. уехал в Читу для организации выпуска «Окон ТАСС». С 1942 г. – член Союза художников СССР.

⁹ Аксенова Е.А., Аксенов Ю.Г. Перспектива: Учеб. пособие. М., 1974. 96 с.

¹⁰ Аксенов Ю.Г., Левидова М.М. Цвет и линия: Практическое руководство по рисунку и живописи. М.: Сов. художник, 1976. 304 с.

аспекты преподавательской деятельности ЗНУИ становились предметом педагогического поиска, и эффективность и совершенствование методологии зависели от каждого педагога, в том числе от его индивидуальных особенностей и преподавательского опыта. Заметим, что упомянутые издания имеют общий признак: они выработывались специально для художников-самоучек.

Чтобы яснее представлять методологические принципы педагогов, выработанные в этот период ЗНУИ, попробуем разобраться в наиболее характерных из них. Итак, в вышедшем в середине 1960-х гг. пособие «Обучение и творчество» (1965) ведутся так называемые «Беседы с руководителем изостудии» Рафаилом Матвеевичем Закиным. Пособие включает двенадцать бесед, в каждой из которых подробно даются ответы на вопросы, раскрывая организацию и практическую сторону самостоятельного творчества.

Так, ставится вопрос трактовки реалистических образов: как ее достичь. В частности, объясняется, что даже если художник-самоучка уже включен в творческий процесс деятельности, ему непременно нужно знать элементарную академическую грамотность. Она необходима для того, чтобы четко представлять внутреннюю форму и внешние отражения этой формы изображаемого предмета. Дается достаточно наглядный пример такого методического приема:

Перед вами обыкновенный стакан, вы все как будто хорошо о нем знаете. В быту мы относимся к стакану, как к предмету, из которого можно пить; в который можно что-то наливать или насыпать, но теперь этот стакан нам нужно рисовать. И вот, если к нему приглядеться повнимательнее, оказывается, что этот вполне известный нам предмет открывает нам еще новые качества – некоторых мы не замечали, о других не задумывались. Вы ощущаете твердость и тяжесть прохладного стекла, его хрупкость. Видите, как на этой прозрачной форме причудливо играет свет и как разнообразно располагается на ней светотень, как благодаря прозрачности стакан мягко «вписывается» в окружающую атмосферу и какие неожиданные создаются вокруг него падающие тени, отсветы, полутона. Но, для того чтобы правдиво передать свои впечатления даже от такой, казалось бы, простой природы, необходимо грамотно построить рисунок...¹¹

На данном примере опытный педагог хотел показать важность знаний навыков и умений изображения формы и как следствие понимания основ формообразования.

¹¹ *Закин Р.М.* Творческая работа самостоятельного художника. М.: Искусство, 1961. С. 35.

Итак, следуя изложенным в пособии методологическим принципам, самостоятельный художник должен усвоить, что академическая грамотность является конкретной и во многом прикладной вещью, без которой ему не обойтись. Именно такой подход, по мнению Р.М. Закина, «стимулирует выражение индивидуальных черт каждого учащегося»¹². Уже в первых работах начинающего художника можно наблюдать устойчивые признаки. Большое значение имеет личностно-индивидуальное отношение автора к выполняемой задаче, ложащееся в основу творческого процесса. Педагог последовательно руководит и советует самоучке «приобрести навыки в наблюдении окружающей среды, и именно с наблюдения природы начинается развитие тех качеств, которые необходимы художнику-реалисту»¹³. Такой же позиции придерживается исследователь Т.Б. Бельская, позиционируя творчество самостоятельных художников, как «вечную эстафету реализма, мудрого, здорового, жизнеутверждающего начала в искусстве»¹⁴. Однако такие взгляды и позиции были зачастую рождены советской идеологией советского общества и не имели результативности.

Проблематика восприятия самостоятельными художниками процесса живописной работы с натуры в «Обучении и творчестве» (1965) решается рядом предложенных Р.М. Закиным методологических принципов, а именно наблюдением натуры, «постановкой глаза», взаимосвязью преподаваемых предметов – рисунка, живописи, композиции. Здесь встают вопросы о глубоком понимании формы и цвета и о роли и технике рисунка и живописи, о знаниях основ цветоведения – вопросы воспитания художественных начал. Можно сделать вывод, что «Беседы», посвященные теоретическим вопросам, для художника-самоучки важны как опыт обобщений настолько же, насколько и бесполезны как указание на конкретный подход. Ведь настоящий самостоятельный или наивный художник, базирующийся на личностном восприятии мира и нетронутый условными рамками академического ремесла, при неправильном подходе может просто погибнуть.

С другой стороны, «образование адекватных изобразительных понятий создает из человека художника» [Арнхейм 1974, с. 163], исходя из чего изучение академических основ не несет прямого

¹² Там же. С. 36.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ *Бельская Т.Б.* [Вступ. ст.] // *Самостоятельные художники: Репродукции с картин, представленных на Всесоюзной выставке «Самостоятельные художники – Родине!»* / Автор вступ. ст. и сост. Т.Б. Бельская. М.: Сов. художник, 1981. С. 9.

вреда, а лишь формирует художественное видение, отличное от видения не-художника. Главное – видеть предмет в ином образе, как в упомянутом примере с изображением стакана. Нужно быть способным заглянуть «внутрь» предмета, разобрав его на основные составляющие (пропорции, правильно взятое направление формы, падающие тени, полутени, блики, расположение в перспективе). Лишь тонкая грань между художественным и повседневным восприятием окружающего являет собой рождение художника.

Однажды Матисса спросили, выглядят ли для него помидоры одинаковыми, когда он их ест и когда рисует. «Нет, – ответил он. – Когда я их ем, я их воспринимаю такими же, какими они кажутся всем людям на свете» [Арнхейм 1974, с. 163].

Рассуждая об эффективности базирующего на академической основе педагогического метода, не нужно забывать о том, что методика Заочного народного университета искусств в основе своей направлена не на подавление и переделывание стремления художника-самоучки к творческому процессу, а на его плавное и внимательное направление. Это доказывается в «Беседах» об общем ходе обучения и различных индивидуальностях учащихся», где затрагивается различный спектр характеров и дарований самодеятельных художников. Зачастую их объединяет тот факт, что некоторые самоучки тяготеют к «преимущественному восприятию различных сторон жизни и к созданию внутреннего мира образов и чувствований»¹⁵. Например, речь идет о самодеятельных авторах, которые воспринимают явления жизни «чувственно и конкретно, особенно остро реагируя на материально-предметную сторону (материальность, тяжесть, плотность, фактуру, собственный цвет и т. д.)»¹⁶, в соответствии с таким характером восприятия виден творческий путь развития непрофессионального автора.

Для других самоучек самым интересным представляется «сюжетно-повествовательная сторона житейских событий» (по Р.М. Закину) – у них наглядно формируется мир образов, который может стать предпосылкой для дальнейшей работы в области жанровой композиции (напр., работы Павла Леонова. Песни и пляски. На Ивановских просторах. 2004. Холст, масло). Третьи же видят «в природе и жизни людей главным образом их лирико-поэтическую окраску» (по Р.М. Закину): у таких художников постепенно созревает свой круг симпатий и ассоциаций, в дальнейшем толкаю-

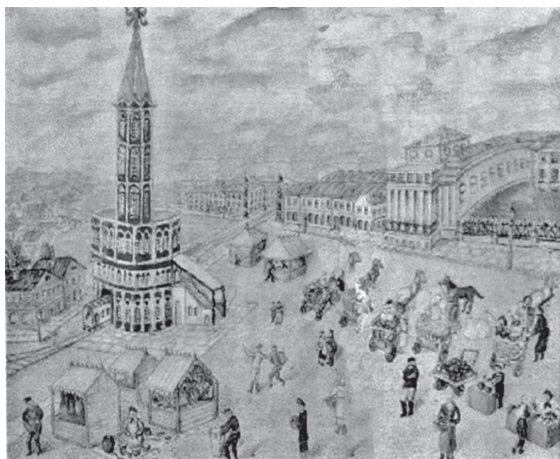
¹⁵ Закин Р.М. Указ. соч. С. 70.

¹⁶ Там же.

щий их на создание пейзажных, портретных и сюжетных построений эмоционально-лирического склада. Наглядным примером могут служить работы кисти Ивана Селиванова (рис. 1, 2).

*Рис. 1. И. Селиванов. Городской пейзаж. 1959.
Бумага, акварель. 45×58
Из личного архива Г.С. Ивановой*

*Рис. 2. И. Селиванов. Старая Москва. Сухарева башня. 1972.
Картон, смешанная техника
Государственный Российский Дом народного творчества
(Собрание ЗНУИ), Москва*

Для других мастеров наива «во всем соцветии мира наиболее сильно и увлекательно действует героическая тональность, мечта о великих подвигах и романтических приключениях» (по Р.М. Закину): эта тема сопровождает их творческое развитие и характеризует их видение жизни. К данному типу можно отнести работы В. Березнева (рис. 3).

*Рис. 3. В. Березнев. Проводы. 1970-е гг.
Собрание ЗНУИ, Москва*

У других мастеров-самоучек

...успешно формируется чувство красоты и значительности быденных, привычных вещей, а также способность к увлеченной поэтизации и глубокому анализу рядовых событий, происходящих вокруг нас в повседневном быту¹⁷.

Они в своем творчестве тяготеют к изображению бытового жанра, окрашенного субъективным восприятием действительности. К этой группе можно отнести полотна И.С. Сарычева.

С помощью приведенного методологического подхода было выявлено, что педагоги ЗНУИ (в нашем случае Р.М. Закин) в ходе работы с художниками-самоучками вывели закономерную классификацию художников, к которым условно можно отнести того или

¹⁷ Закин Р.М. Указ. соч. С. 73.

иного учащегося. Не редкость, что многих довольно сложно отнести к какой-либо определенной группе и их творческие тяготения обладают достаточно широким ареалом. Ярким примером этому могут служить работы кисти одного из ведущих художников российского наивного искусства, П.П. Леонова, ученика ЗНУИ, которые представляют собой синтез сюжетно-повествовательного и портретного жанра, использующего пейзаж как элемент гармонии, например, в полотне «Автопортрет. Леонов П.П. с женой Зиной идут в театр», 1995.

Завершающие части «Бесед» (1961) посвящены методике обучения рисунку, живописи и основам композиции. Наибольшее внимание уделяется вопросам, связанным с воспитанием живописного видения учащихся. Кроме того, Р.М. Закин размышляет о вопросах искусствоведческого воспитания касательно самостоятельных художников. По его мнению, учащимся, наряду с постоянной практикой, нужно раскрывать основы теории искусства, которая должна способствовать развитию важных качеств: знаний об искусстве и понимания явлений и конкретных произведений искусства.

Вторым важным методическим пособием начала 1960-х гг., раскрывающим специфику взаимодействия педагога и ученика и сам процесс формирования и реализации педагогических принципов ЗНУИ, становится «Рисунок и живопись» (1961) под авторством целого коллектива: Ю.Г. Аксенова, Р.М. Закина, Е.М. Зонненштраль, Ф.М. Кригера и Г.Е. Тарасевича.

В этом пособии акцент ставится на теоретических постулатах искусствознания – теории и истории искусства, ставших опорой для разъяснения практических задач. «Рисунок и живопись» был рекомендован самостоятельным художникам в качестве пособия для учебных занятий и самостоятельной творческой деятельности. В отличие от пособия «Обучение и творчество» (1961) данный двухтомник содержит в себе более точные задания для работы с самостоятельными художниками. Предлагаемый метод обучения являет собой последовательный образовательный процесс, который подкрепляется теорией, основанной на взятых из мировой истории искусств примерах. Исследуемое руководство помогает самостоятельному художнику освоить основы изображения человека, объясняет основы пластической анатомии и сюжетной композиции. Каждый изученный раздел закрепляется предлагаемым практическим заданием.

Также авторы руководства дают систематические подсказки и направления, которые помогают в выполнении данных работ. К примеру, для раздела, объясняющего навыки изображения человека, одними из предлагаемых заданий являются наброски фигур

людей в несложных положениях или же рисунок головы в одном направлении с разных сторон, где объясняются процессы работы на примерах признанных мастеров изобразительного искусства. В частности, к заданию «Два этюда фигур разных людей» авторами приводятся советы и наставления, которые расставляют для учащихся основные точки в ориентировке на его выполнение; к примеру, обращается внимание на моделирование формы в цвете и на соотношение используемых оттенков, также на выбор натурщиков и на композиционную постановку фигуры. Примером для выполнения задания ставится этюд кисти художника А.Е. Архипова (1862–1930) «Старушка с мешком на коленях»:

Вы видите, что весь этюд решен очень общо, без лишних мелких деталей в лице, в руках, в одежде и в окружающей обстановке, и по мере сил надо стремиться к такой же ясности, простоте и обобщенности формы, как в рассматриваемом этюде Архипова¹⁸.

Кроме того, на каждое задание предложено определенное количество часов, например, работа над этюдом фигур, по мнению авторов руководства, должна составлять не менее 8–9 часов¹⁹. Заметим, соблюсти такие определенные рамки было легко только в том случае, если обучающийся был не обременен сопутствующей трудовой деятельностью, или же тогда, когда ученик находился в зрелом возрасте и мог уделять большое количество времени выполнению требуемых заданий. Однако учебный процесс данного руководства представлял собой точно и четко распределенные порядки работы с учащимися. Об этом свидетельствуют учебные планы занятий с самостоятельными художниками, представленные в пособии «Обучение и творчество».

На завершающем этапе в середине 1970-х гг. выходят два важных методических пособия для самостоятельного художника, направленные на изучение конкретных выразительных средств изображения, в частности учебное пособие «Перспектива» Е.А. Аксеновой и Ю.Г. Аксенова (1974) и практическое руководство по рисунку и живописи «Цвет и линия» М. Левидова и Ю.Г. Аксенова (1976). Методическое пособие «Перспектива» (1974), авторами которого были Юрий Григорьевич Аксенов и Екатерина Михайловна Аксенова, дает в первую очередь представление о самом понятии перспективы, затрагивает вопросы, касающиеся способов ее построения и разновидностей. Методический принцип этого

¹⁸ Рисунок и живопись: Руководство... С. 77.

¹⁹ Там же. С. 76.

издания взаимосвязан с другими пособиями ЗНУИ. Оказывается, что эффективность изучения перспективы самодетальным художником напрямую зависит от степени изученности основ рисунка и живописи.

Приобретенные «академические» навыки, основанные на принципах реалистичности, по мнению авторов, предоставляют возможность формировать более целостный взгляд художника-самоучки. Противоположный подход прослеживается в пособии «Цвет и линия» (1976), составленном Майей Михайловной Левидовой и Юрием Григорьевичем Аксеновым. Оно состоит из самостоятельных практических заданий, которые, по словам авторов,

...не представляют собой свода «тренировочных» упражнений, обязательных для выработки «суммы навыков», а предлагаются в качестве своеобразного компаса на пути в искусство, в мир художественных образов²⁰.

Иными словами, пособие «Цвет и линия» должно помочь увидеть окружающий мир глазами художника.

Издание условно делится на девять уроков, после которых следует раздел о перспективе, краткие сведения по основам цветоведения и техникам живописи, акварели и рисунка, и прилагается краткий справочник основных художественных терминов. Особое внимание в пособии «Цвет и линия» (1976) уделено «Практическим советам начинающим», где педагоги пособия делятся личными советами: как правильно самостоятельно устроить рабочее место, смешать краски или, к примеру, как выбрать подходящие кисти:

Покупая кисти, смотрите, не обрезаны ли кончики щетинок, плотно ли они пригнаны друг к другу, не болтается ли на ручке металлическая втулка. Работать можно только кистями с натуральным, необрезанным волосом. А чтобы всегда кисть не лохматилась, надо ее мыть теплой (ни в коем случае не горячей) водой с мылом сразу же после работы. И затем кисть надо заворачивать полоской бумаги²¹.

На наш взгляд, подобные практические советы для художника-самоучки имеют результативность иной раз большую, чем теоретическое изучение художественного ремесла. Как вспоминает одна из учащихся Заочного народного университета искусств:

²⁰ Аксенов Ю.Г., Левидова М.М. Указ. соч. С. 5.

²¹ Там же. С. 87.

...один из авторов, Юрий Аксенов, приводил не только рецепты грунта, но и давал советы, как вязать кисти и как мастерить грелки в варежках, чтоб писать на морозе, и как приспособить наждачную бумагу под пастель [Черноборова 2001].

Итак, систематическое изучение учебного материала ЗНУИ в полной мере дает представление о системе педагогических принципов, которую педагоги кафедры рисунка и живописи ЗНУИ Р.М. Закин, Г.Е. Тарасевич, Ф.М. Кригер, Ю.Г. Аксенов, Е.А. Аксенова, М.М. Левидова и другие использовали с художниками-самоучками. Основным фундаментом предложенной методологии с самодеятельными художниками стало изучение академических основ. В ходе исследования были сделаны предположения о том, насколько эта методика могла быть результативной. В первую очередь, данная программа была направлена на ознакомление и поиски личного творческого метода педагога, который в полной мере проявлялся в процессе эпистолярного или личного взаимодействия ученика и педагога Заочного народного университета искусств.

Все методические издания ЗНУИ – пособия и руководства – создавались специально для художников-самоучек, но каждое из них ориентировалось на свою специфику. Так, пособия «Творческая работа самодеятельного художника» (1961) и «Обучение и творчество» (1965) раскрывают общие вопросы организации и формы работы с самодеятельным художником. Учебные руководства «Рисунок и живопись» (1961), «Художник-оформитель» (1966), «Перспектива» (1974), «Цвет и линия» (1976) по своим задачам направлены на изучение академических основ рисунка и живописи и в теоретическом, и практическом ключе одновременно. «Смысл нашего обучения, – писал Ю.Г. Аксенов, – в развитии того, что заложено в человеке, ибо верно сказано у Галилея: “Вы не в состоянии научить кого-либо чему-либо. Вы можете лишь помочь ему обнаружить это внутри себя”»²².

Благодарности

В статье использованы фактические сведения, полученные в выпускной бакалаврской работе М.А. Клементьевой «Заочный народный университет им. Н.К. Крупской и его роль в формировании самодеятельных художников» (УрФУ, Екатеринбург, 2014, кафедра истории искусств. Научный руководитель: В.В. Авдеева).

²² Цит. по: Катаева Н.Г. И была жизнь...: Селиванов Иван Егорович: Дневники. Письма. Картины. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 131.

Acknowledgements

The article uses factual information obtained in M.A.'s final bachelor's work. Klementieva "N.K. Krupskaya Extramural People University of Arts and his role in the formation of amateur artists" (Ural Federal University, Yekaterinburg, 2014, Department of Art History. Scientific supervisor: V.V. Avdeyeva).

Литература

- Арнхейм 1974 – *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие / Сокращ. пер. с англ. В.Н. Самохина; общ. ред. и вступ. ст. В.П. Шестакова. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
- Черноброва 2001 – *Черноброва С.* Вид на живопись // Иерусалимский журнал. 2001. № 9. URL: <http://antho.net/jr/09/index.html> (дата обращения 11 июня 2022).

References

- Arnheim, R. (1974), *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and visual perception], Abridged. transl. from Engl. by V.N. Samokhin, Ed. and preface by V.P. Shestakov, Progress, Moscow, USSR.
- Chernobrova, S. (2001), *Vid na zhivopis'* [Permit for painting], *Ierusalimskii zhurnal* no. 9, available from: <http://antho.net/jr/09/index.html> (Accessed 11 June 2022)

Информация об авторе

Вера В. Авдеева, кандидат искусствоведения, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, v.v.avdeeva@urfu.ru

Information about the author

Vera V. Avdeeva, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, El'tsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenina Street, Ekaterinburg, Russia, 620083; v.v.avdeeva@urfu.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 1
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 25.03.2024
Выход в свет 01.04.2024
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,6
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1933

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru